

24.
93.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССИИ

ПРИ

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Александра Архангельскаго.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1883.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

1) **Умственное и нравственное состояніе духовенства въ петровскую эпоху.** Вопросъ объ образованіи духовенства занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи Россіи до Петра Великаго. Это потому, что на духовномъ сословіи исключительно лежала обязанность просвѣщать русскій народъ: умственное развитіе послѣдняго шло только въ религіозномъ направленіи и непосредственно зависѣло отъ служителей церкви. Благодаря различнымъ историческимъ обстоятельствамъ, практическое рѣшеніе этого важнаго вопроса было далеко неудовлетворительно, несмотря на неоднократныя попытки передовыхъ людей до-петровскаго времени привести его къ болѣе или менѣе благопріятному концу. Препятствій къ просвѣщенію было множество, а средства бороться съ ними были ничтожны. Цѣлая столѣтія тянулась на Руси (скажемъ словами Шапова) замѣчательная по своей нерѣшительности борьба двухъ партій—приверженцевъ образованія и защитниковъ невѣжественной старины, борьба свѣта съ тьмою, разума съ предрасудками, о счастливомъ или не счастливомъ окончаніи которой нельзя было ничего предсказать. Съ одной стороны, немногочисленные поборники просвѣщенія „были тщаливы къ наукѣ, желали навывати писаній“ и, если это имъ не вполнѣ удавалось, съ благороднымъ смиреніемъ сознавались въ недостаточности своихъ свѣденій, глубоко сожалѣя о томъ, что „училища николиже видѣли“; съ другой — ихъ про-

тивники, люди до фанатизма и безъ разбора консервативные, неподвижные, „мнили ся быти учителя“ (по выраженію кн. Курбскаго) и убѣждали любопытныхъ ювошей „не читать книгъ многихъ“, чтобы „ума не иступить“. Благомыслящіе люди искали мудрости у свв. оо. греко-восточной церкви, пытались ознакомить читающее общество, кромѣ часослова и псалтири съ отеческими твореніями на греческомъ и латинскомъ языкахъ; стали пріобрѣтать даже не одни церковныя книги, но и книги полезныя для свѣтскаго образованія; но старовѣры ужасались такого либерализма; „хапающимся за чужія языки угрожали проклятіемъ вселенскаго собора“, ревностно охраняя, въ тоже время, свое сокровище, — древнія книги съ застарѣвшими грубыми ошибками, побуждая тѣмъ самымъ правительство цѣлыми кучами сожигать это сокровище, въ устраненіе соблазна. Книги, наконецъ, стали рѣдкостью, а въ духовенствѣ и народѣ замерла потребность просвѣщенія; они сошлись, поровнялись вкусами и въ значительной мѣрѣ потеряли чувствительность къ различенію нравственнаго и безнравственнаго. Богословствованіе сводилось къ вопросамъ: на какомъ деревѣ удавился Іуда? коего мѣсяца сотворилъ Богъ Адама? и т. п., да и въ этомъ видѣ служило развлеченіемъ для немногихъ; нравственность же и религіозность часто понимались какъ обрядовая только исполнительность. Расколъ буйно возставалъ на патріарховъ и на соборы. Масса невѣжественнаго люда, оставляя законныхъ пастырей, съ энтузіазмомъ слушала таинственныя рѣчи лжеучителей о пришествіи антихриста, о близкой кончинѣ міра; пророками сдѣлались колдуны, вѣдуны, волхвы, чародѣи, лихія бабы и т. п., невозбранно обоготавшіеся насчетъ народа. Церковь Божія, къ которой такъ радѣлъ когда-то русскій человѣкъ, обзывалась мерзостію запустѣнія, и дѣйствительно тысячами теряла своихъ чадъ; на святой Руси пошла поговорка: „что ни мужикъ, то — вѣра, что ни баба-толкъ“. А пастырей добрыхъ мало было, и ихъ негдѣ было взять. Во священники по-

ступали безграмотные мужики, нерѣдко изъ холопей, которые такъ и оставались холопами до гробовой доски: ряса не покрывала ихъ умышленнаго убожества и не сообщала имъ должнаго авторитета. Вѣдность, давившая духовенство, держала его въ прямой зависимости отъ міроѣдовъ, отнимала у него послѣднюю возможность подняться нравственно. О состояніи приходоѡ не представлялось никакой отчетности. Высшая церковная іерархія мало знала опредѣленнаго о томъ, что творилось по епархіямъ. Безначаліе простиралось и на многіе монастыри; тамъ также мало по малу падала строгость нравовъ, и туда проникала распущенность; прежніе разсадники просвѣщенія, они теперь дѣлались пріютомъ лѣни и невѣжества.—Темныхъ сторонъ въ русской жизни до Петра Великаго такъ много, что они почти совсѣмъ затѣняютъ свѣтлыя, а потому картина этой жизни выходитъ всегда мрачною.

Ко времени Петра Великаго, во второй половинѣ 17 ст., стали появляться въ Москвѣ кievскіе ученые. Типъ ихъ хорошо извѣстенъ. На первыхъ порахъ они были приняты въ столицѣ не благосклонно, чему причиною отчасти служили они сами, а отчасти—неразборчивая подозрительность ихъ противниковъ, видѣвшихъ въ южно-русскомъ духовномъ образованіи явные слѣды католицизма. Дѣятельность кievцевъ на сѣверѣ, поэтому, не принимала широкихъ размѣровъ и до начала 18 ст. не принесла здѣсь существенно важныхъ плодовъ, вслѣдствіе чего у историковъ петровской эпохи встрѣчаются тѣже жалобы на невѣжество духовенства и деморализацію народа, какія слышались и раньше.

Характернымъ памятникомъ этихъ жалобъ служить, между прочимъ, книга о скудости и богатствѣ крестьянина Ивана Посошкова. Отъ природы умный и любознательный, Посошковъ усердно заботился о своемъ самообразованіи; горячо любя Россію, онъ прилежно читалъ все, что могло познакомить его съ ея прошедшимъ, съ ея исторіей и съ ея настоящимъ,

современнымъ ему положеніемъ. Матеріальныя средства къ приобрѣтенію книгъ и записокъ у него были. Посошковъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ православія, религіозности въ русскомъ народѣ и объяснялъ этотъ печальный фактъ вѣковымъ невѣжествомъ духовенства; отъ образованія же духовнаго сословія онъ ожидалъ всего лучшаго въ данномъ случаѣ для своихъ соотечественниковъ. „Аще будутъ, писалъ онъ, въ духовномъ чинѣ люди неученыя, въ писаніи неискусныя и вѣры христіанской всесовершеннаго основанія невѣдущія и воли Божіей неразумѣющіе, ктому же аще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша вѣра вся исказится и весьма испразднится, и вмѣсто древняго единоголаснаго благочестія вси разыдутся въ разногласныя расколы и во иныя еретическія вѣры“. Доказательство этой мысли у него было подъ руками. „Отъ пресвитерскаго небреженія, говоритъ онъ, уже много нашего русскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось, ... въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается, ибо въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть обрящется древняго благочестія держащихся“. Невѣжество духовенства положительно удивляло Посошкова. Между столичными священниками встрѣчалъ онъ такихъ, которые не умѣли ничего сказать „противъ заданія татарки“, — „что же можетъ рещи (спрашиваетъ онъ) сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ? — Безъ знанія сущности вѣры и ея основъ, конечно, немислима была проповѣдь. И она давно замолкла на Руси; это и не удивляло Посошкова, какъ дѣло обыкновенное, Больше онъ смущался тѣмъ, что богослуженіе отправлялось „наугадъ, какъ кому примыслится“, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда его совершалъ „той пресвитеръ, кой довольно время былъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ. А буде кой подъ началомъ не много побылъ, продолжаетъ Посошковъ

то ничего и по книгамъ отправить не могъ“ (1). Жалуюсь на безнравственность духовенства, Посошковъ преобладающими и особенно предосудительными пороками его называетъ пьянство и корыстолюбіе (2), развившіяся вельдствие матеріальной и духовной бѣдности клириковъ, не имѣвшихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ вымогательства за требы, вознагражденій за укрывательство раскольниковъ, за поблажку прихожанамъ, или наконецъ, кромѣ прибытковъ съ земледѣльческаго промысла, которымъ доводилось заниматься лично и священникамъ, — не имѣвшихъ болѣе высокихъ наслажденій, какъ залить горе виномъ, или отпраздновать радость въ пьяной компаніи. Не стѣняясь саномъ и своимъ высокимъ положеніемъ въ средѣ мірянъ, клирики производили соблазнъ безобразнымъ поведеніемъ на улицахъ и дома (3). Такимъ образомъ, получалось не воспитательное, а напротивъ, деморализующее вліяніе со стороны пастырей на паству.—Въ своей краткой характеристикѣ духовенства Посошковъ еще многого не договариваетъ. Какъ поклонникъ духовнаго чина, онъ, можетъ быть, и нарочно умалчиваетъ о его нѣкоторыхъ порокахъ, и скорѣе переходитъ къ изысканію мѣръ исправленія клира. Средства къ тому, чтобы священныи чинъ освободился „отъ своихъ неключимствъ, чтобы въ Россіи возсіялъ яко новый свѣтъ и люди прямо стали разумѣть, какъ Бога знать и какъ Его молить и какъ угодниковъ Божіихъ почитать и въ помощь себѣ призывать и какъ все житіе свое христіанское вести“—у Посошкова предлагаются тѣ же, какія предлагались и раньше его, т. е. школы для дѣтей духовенства. „Ради священнической неисправности (читаемъ главѣ о духовности“) надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе имѣти“, т. е. „во всѣхъ епаріяхъ и въ всѣхъ духовныхъ школахъ, въ которыхъ обучаются дѣти духовныя, дабы они не только учились, но и воспитывались въ добродѣтели“.

(1) Книга о скудости и богатствѣ, гл. 4, стр. 9, 10, 14, 21, 22. .

(2) Стр. 21, 10.

(3) Стр. 21.

хіяхъ построить школы пространныя и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уѣздныхъ, отъ десятилѣтнихъ даже до двадцати-пяти-лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ ни неволею". Не бывшихъ въ школы не допускать до пресвитерства и діаконства. При такомъ условіи, причетники, желающіе повышенія по службѣ, не задумаются и тридцати лѣтъ поступать въ ученіе; какъ люди взрослые, они пройдутъ курсъ образованія въ два-три года. „И таковымъ способомъ (мечталъ Посошковъ) вся Россія можетъ умудриться не весьма многими лѣты; сіе преславное дѣло трудно только начать да основати, а тамо будетъ оно и само правиться: понеже ученіе умнымъ и острымъ людямъ весьма охотно и полезно бываетъ ⁽¹⁾“.

Насколько Посошковъ былъ правъ въ своихъ надеждахъ на скорое просвѣщеніе Россіи, это выяснится ниже. Здѣсь же замѣтимъ, что не одинъ Посошковъ задумывался надъ вопросомъ объ образованіи духовенства. Всѣ лучшіе люди разсматриваемой эпохи, близко стоявшіе къ интересамъ духовенства, потрудились въ пользу его образованія или словомъ или дѣломъ. Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, св. Димитрій Ростовскій, Іовъ Новгородскій, Іоаннъ Максимовичъ, Гавріиль Бужинскій, Епифаній Бѣлогородскій и др., подъ покровительствомъ государя, неутомимо преслѣдовали разъ поставленную цѣль—хоть сколько нибудь поднять уровень религіозно-нравственнаго развитія клира. Сообразно съ своими собственными научными симпатіями и взглядами на нужды Россіи въ данномъ случаѣ, они дѣйствовали не одинаково относительно характера, программы обученія, не одинаковыя трудности преодолевали на пути къ своей цѣли, не одинаковыми средствами пользова-

(1) О Духовности, стр. 11 и 12.

лись для ея достиженія, но ихъ объединяла общая цѣль и общая ревность въ трудѣ. Честь основанія и поддержки школъ принадлежить имъ вполне. Правительство только содѣйствовало имъ своимъ авторитетомъ, санкционировало ихъ трудъ указами, хотя послѣдніе нерѣдко впрочемъ шли въ разрѣзъ съ интересами духовно-училищнаго дѣла и тормозили его.

2) **Духовныя школы въ петровскую эпоху.** Главныхъ дѣятелей, заботившихся объ устройствѣ школъ при Петрѣ, можно раздѣлить на три разряда. Одинъ составляли лица, получившія образованіе на сѣверѣ Россіи, самоучкой, путемъ простой начитанности, образованіе не систематическое и чуждое иностраннаго элемента; сущность его состояла въ знакомствѣ съ св. писаніемъ, святоотеческими произведеніями и съ русской духовной литературой. Другой разрядъ состоялъ изъ лицъ, образованныхъ въ южно-русскихъ школахъ (преимущественно въ кіевской коллегіи) и вынесшихъ отсюда любовь къ схоластической наукѣ. Къ третьему разряду слѣдуетъ отнести людей, знакомыхъ съ схоластической наукой, но не питавшихъ къ ней особенныхъ симпатій, даже предпринимавшихъ борьбу противъ ея крайностей. Представители всѣхъ этихъ разрядовъ волей-неволей, оставили слѣды своего воспитанія на тѣхъ школахъ, которыя были ими основаны или находились подъ ихъ надзоромъ, хотя духовное правительство старалось установить общую норму въ образованіи будущихъ служителей церкви, составило программу предметовъ обученія и предписало повозможности держаться ея.

Самый простой проэктъ устройства духовной школы и самую простую программу обученія въ ней находимъ у Посошкова, человека мало знакомаго съ училищными порядками, но хорошо понимавшаго насущныя потребности русскаго народа и духовенства въ частности. Не надвѣясь исключительно на себя самого, онъ подавалъ свои „писанія“ и „доношенія“ относительно духовныхъ школъ митрополиту Стефану Явор-

скому, какъ болѣе компетентному судѣ въ данномъ случаѣ. На первомъ планѣ у Посошкова стоитъ грамматика. Ее онъ совѣтуетъ исправить и сдѣлать общедоступною, такъ чтобы она изучалась любителями грамоты безъ помощи учителя. (1) Потомъ, по его проекту, при школѣ долженъ быть „духовный учитель“, подъ руководствомъ котораго можно было бы „учиться и вразумляться всякому благочестію и страху Божию и священная писанія толковати и всякому доброму нраву навикати и въ доспытаціяхъ подтверждаться“. Т. е. обязанностію духовнаго учителя, говоря подробнѣе со словъ Посошкова, было: чрезъ толкованіе св. Писанія преподавать основныя христіанскія истины, религіозныя и нравственныя — научить будущихъ пастырей „церковному обхожденію“, при чемъ особенное вниманіе обращать на литургію; упражненіями въ диспутахъ развить въ ученикахъ полемическую способность, необходимую въ священникѣ, когда его паства смущается расколомъ и другими „еретическими лжеученіями“; слѣдить за благоповеденіемъ воспитанниковъ, узнавать ихъ нравственныя наклонности и умственныя способности: лучшихъ отмѣчать, какъ особенно годныхъ для церковнаго служенія, и по преимуществу готовить ихъ къ принятію сана. Обязанности свѣтскаго учителя у Посошкова не выяснены. Реторику и философію Посошковъ допускаетъ въ школѣ какъ роскошь и назначаетъ ихъ только для самыхъ даровитыхъ учениковъ. При школѣ должна быть биб-

(1) Грамматикъ Посошковъ давалъ особенное значеніе. Онъ разсуждалъ: невѣжество народа зависитъ отъ невѣжества духовенства; послѣднее невѣжественно, потому что безграмотно; его нужно научить читать книги (въ механическомъ смыслѣ читать); слѣд., нужна „добрая грамматика, Полагаясь на грамматикъ и руководясь личнымъ опытомъ, онъ, какъ самоучка, на первыхъ порахъ какъ будто не признавалъ нужды въ школахъ и больше полагался на самообученіе. «Если намъ токмо въ школахъ учиться всякаго благоразумія (писалъ онъ), то чаю ни во сто лѣтъ намъ не научаться будетъ». Доношеніе м. Стефану Яворскому, Изд. М. Погодина, ч. 1, стр. 312. Хр. Чт. 1878 г. Прилежаева, «О неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова».

ліотека — изъ книгъ, главнымъ образомъ, духовнаго содержанія (¹). Подготовивъ ученика теоретически къ его будущему служенію и сообщивъ ему добрые навыки, Посошковъ напутствуетъ его изъ школы практическими совѣтами, пригодными для него въ ежедневномъ обращеніи съ паствою. Чтобы оградить дѣятельность священника въ приходѣ отъ не заслуженныхъ нареканій и сообщить ей нормальную законность, онъ пишетъ проэкты о церковныхъ документахъ, о книгахъ родильныхъ, крестильныхъ, исповѣдальныхъ, причащальныхъ, вѣнчальныхъ и описныхъ (²). Наконецъ, Посошковъ пытается рѣшить и вопросъ о матеріальномъ бытѣ духовенства.

Какъ видимъ, проекты Посошкова не отличаются ни обширностію, ни новизною взгляда, ни особенною отчетливостію. Онъ выросъ на почвѣ тогдашняго великорусскаго образованія, не подвинувшася дальше священныхъ и церковныхъ книгъ и державшагося исключительно на переводной и подражательной русской духовной литературѣ, хотя, нужно сознаться, этотъ проектъ хорошо примѣнялся къ современнымъ насущнымъ нуждамъ духовенства. Отсутствие новизны и оригинальности взгляда въ немъ и послужило, кажется, причиною непопулярности его въ петровскую эпоху, эпоху всевозможныхъ новшествъ и крутыхъ реформъ. Правда, у Посошкова встрѣчаются мечты объ устройствѣ „академіи великой“, т. е. высшей духовной школы, но составъ этой академіи у него совсѣмъ не обрисованъ и сказать о ней что нибудь опредѣленное нельзя. Школа, рекомендуемая имъ для каждой епар-

(¹) Для составленія библиотекъ рекомендуется напечатать довольное число Библій, маргаритовъ, сборниковъ учительныхъ, толковыхъ евангелій и апостольскихъ бесѣдъ, четьихъ-миней и другихъ церковныхъ книгъ, Камень вѣры, Розыскъ и Зерцало очевидное (написанное самимъ Посошковымъ), Пращицу и если можно, сочиненія противъ древнихъ ересей и противъ католичества и протестанства.

(²) Хр. Чит. 1878 г. Прилежава, стр. 62 и дал.

хія, тоже не отчетливо представлена въ его проэктѣ, — нѣтъ самыхъ необходимыхъ подробностей: предметы обученія у Посошкова не перечислены, нѣтъ у него и указанія, въ какихъ размѣрахъ должна была проходиться та или другая наука, нѣтъ, наконецъ, правилъ инструкции, которая опредѣляла бы дѣйствія учениковъ и наставниковъ. Все дѣло въ Посошковской школѣ сводится къ вразумительному чтенію книгъ духовнаго содержанія подъ руководствомъ учителя и къ диспутаціямъ, въ которыхъ учитель, по Посошкову, имѣетъ легкое средство распознавать способности и наклонности учениковъ, годныхъ или негодныхъ въ духовное заведеніе. Въ дополненіе къ чтенію грамматическому и духовному, находимъ у Посошкова совѣтъ давать питомцамъ книги „бытейскія“. Что онъ разумѣлъ подъ этими книгами, сказать трудно; ясно только, что онъ отводилъ имъ второстепенное мѣсто. „Не худо бы давать имъ (ученикамъ) и лѣтописныхъ книгъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало“, говоритъ въ заключеніе Посошковъ, и опять говоритъ общо, безъ подробностей, какъ человѣкъ мало знакомый съ дѣломъ, за которое взялся, а только умный и благожелательный.

Воспитанники южно-русскихъ училищъ, вызванные Петромъ В. въ Москву, принесли съ собой свой идеалъ образованія и старались осуществить его въ подвѣдомственныхъ имъ школахъ. Этотъ идеалъ былъ принятъ за норму и правительствомъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, внесенныхъ въ него составителями духовнаго Регламента. — Кіевская коллегія, послѣ ея преобразованія Петромъ Могилою, стала копіею съ коллегій западныхъ, т. е. ввела у себя схоластическую методъ преподаванія, допустила господство латинскаго языка, по классамъ раздѣлилась на фару, инфиму, грамматику, синтаксисъ, поэзію, реторику, философію и богословіе, поведение учениковъ опредѣлила точными правилами. Цѣль образованія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вос-

питать въ школьникахъ хорошихъ диспутантовъ и полемистовъ на защиту православія противъ католицизма. Сообразно съ этою цѣлю, преподавались здѣсь: реторика, философія и богословіе, за образецъ которыхъ взяты были системы западныхъ ученыхъ съ опущеніемъ отдѣловъ, догматически противорѣчившихъ духу православія. До 18 в. кievская коллегія была единственнымъ образцовымъ училищемъ въ Россіи; питомцы ея были образованнѣйшими людьми въ русскомъ духовенствѣ. Не удивительно, поэтому, что Петръ приказалъ (въ 1701) митрополиту Стефану Яворскому и въ Москвѣ учредить академію съ „латинскими ученіями“. Изъ Кіева, по распоряженію государя, приглашены были учителя и подготовленные ученики; съ ними перешли въ Москву и кievская учебная программа и школьная администрація. Короче сказать, на сѣверѣ Россіи явилось училище южно-русскаго типа, училище образцовое для другихъ духовно-учебныхъ заведеній, которыя тогда одно за другимъ начали появляться по епархіямъ.

„Ученія латинская“ нашли себѣ кредитъ на практикѣ во вновь устроявшихся школахъ какъ потому, что утверждены были правительствомъ, такъ и потому, что имъ симпатизировали многіе епархіальные архіереи (южно-руссы по происхожденію), подъ непосредственнымъ надзоромъ которыхъ состояло училищное дѣло, хотя многимъ школамъ, или за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, или за неимѣніемъ хорошихъ учителей, программа кievской коллегіи была далеко не по силамъ. Напримѣръ, въ Ростовѣ, св. Димитрій, основавъ школу (въ 1702 г.) ввелъ въ ней изученіе латинскаго языка, не смотря на то, что по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, не могъ рассчитывать на процвѣтаніе своего заведенія (оно скоро и закрылось) и съ большею пользою для дѣтей могъ бы употребить лишніе часы на основательнѣйшее ученіе предметовъ, спеціально отвѣчавшихъ ихъ будущей профессіи. Благодаря учителямъ—малороссамъ, прибывшимъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ митрополитомъ, мальчишки здѣшной школы

принуждены были изучать еще польскій и греческій языки. Латинскій языкъ былъ введенъ и въ Черниговской епархіальной школѣ (основ. въ 1700 г.), которая тоже не могла похвалиться особливими успѣхами педагогическаго дѣла и поступила бы лучше, если бы главное вниманіе обратила на русскій языкъ и др. болѣе необходимыя и доступныя дѣтямъ духовенства предметы. Покровителемъ этой школы былъ Иоаннъ Максимовичъ. Въ Смоленскѣ—тоже самое: м. Дорошеѣ Короткевичъ и учитель Іоасафъ Маевскій сформировали въ 1714—15 гг. училище „по реторику“ по образцу кievской коллегіи, которое чрезъ при года, со смертію Дорошея, осталось съ 19-ю учениками, проходившими уже только чтеніе, письмо и пѣніе (1). Лучше шло преподаваніе въ бѣлоградской школѣ, основанной еп. Епифаніемъ. Тамъ нашли возможнымъ открыть семь классовъ (по философію); численность учениковъ доходила до сорока человѣкъ; въ каждомъ классѣ занимался особый учитель. Но отсутствіе хорошей бібліотеки и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и здѣсь сильно вредило дѣлу, такъ удачно начатому. Въ рязанской школѣ, съ тѣхъ поръ какъ она поступила подъ покровительство Гавріила Бужинскаго, изучали: букварь, славянскую грамматику, часословъ и псалтирь. Кажется—къ чему тутъ латинскій языкъ? А онъ былъ введенъ. Въ Казанской школѣ при м. Тихонѣ пятеро учениковъ изучали: „букварей на изусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орфографіи, этимологіи, просодіи орфографіейной и синтаксиса осми частей слова, уравненій, окончаній родовъ, склоненій, спряженій; такжеже діалекта латинскаго, вокабулъ, сентенцій, деклинацій и регулъ со экспликаціями и писанія того же діалекта, о седми тайнахъ церковныхъ, гратуляцій и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій...“ такжежъ интермедій; ариѳметическихъ

(1) Прав. Соб. 1878 г. ноябрь, стр. 41—2.

частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликации и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго“. Если все эти, по существу не мудренныя вещи, преподавались на такомъ же варварскомъ „діалектѣ“ то школьникамъ, конечно, не легко было усвоить ихъ, а преподавателемъ былъ „учитель польской породы Василій Свентицкій“. (1) Школа улучшилась при преосвящ. Сильвестрѣ. Онъ выстроилъ удобный домъ для помѣщенія училища и прискалъ средства для его содержанія.—Вообще нужно замѣтить, что епархіальныя училища разсматриваемой эпохи постановкой учебнаго дѣла не въ силахъ были осуществить педагогическихъ плановъ, указанныхъ законодателями, копировавшими школьную программу съ академической. De facto эта программа выполнялась только въ академіяхъ кievской и московской, находившихся въ исключительныхъ, сравнительно благоприятныхъ условіяхъ — матеріальныхъ и административныхъ. На ряду съ академіями по успѣху учебнаго дѣла стояла одна только школа Новгородская. Она при своемъ основаніи имѣла счастье пользоваться услугами просвѣщенныхъ братьевъ Лихудовъ и покровительствомъ безкорыстнаго ревнителя духовнаго образованія м. Іова. На сколько солидно велось здѣсь обученіе, видно изъ того, что она служила въ свое время какъ бы учительскимъ институтомъ для другихъ училищъ; ея ученики основали до 16-ти низшихъ школъ въ предѣлахъ новгородской епархіи; самъ государь смотрѣлъ на нее, какъ на образцовую школу, посылалъ туда дворянскихъ недорослей для обученія и иностранныя книги для перевода, — порученія какія выпадали только на долю академій. (2)

(1) Отчетъ Св. Синода, поданный въ Верхов. Тайный совѣтъ въ 1727 году. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ стр. 109—21.

(2) О новгородскихъ школахъ см. ст. Прилежаева, Хр. Чт. 1877 года, мартъ—апрѣль, стр. 331—70.

Излишнее увлеченіе латынью при Петрѣ В. съ одной стороны служило причиною малолѣтства школъ, о чемъ будетъ сказано ниже, съ другой—мѣшало учителямъ и ученикамъ сосредоточить свое вниманіе на предметахъ специально-духовнаго образованія, близкое знакомство съ которыми, какъ мы видѣли у Посошкова, было скорѣе всего нужно для людей, готовившихся на церковныя должности.

Представителемъ и выразителемъ симпатій въ духовно-училищномъ дѣлѣ со стороны лицъ, получившихъ схоластическое образованіе, но не сочувствовавшихъ его крайностямъ выступаетъ Теофанъ Прокоповичъ, составитель „духовнаго Регламента“, въ которомъ изложены правила касательно устройства школъ. Своимъ содержаніемъ „духовный Регламентъ“ въ статьѣ о школахъ обнимаетъ дидактическую и педагогическую сторону училищнаго вопроса и значительно опережаетъ какъ проэктъ Посошкова, такъ и программу кievской коллегии. Прежде всего въ трактатѣ Регламента „о домахъ училищныхъ“ останавливается на себѣ вниманіе обычное въ сочиненіяхъ Ѳ. Прокоповича предисловіе, гдѣ разоблачается несостоятельность все еще крѣпкихъ въ петровскую эпоху предрасудковъ противъ образованія. Заносчиваго, самолюбиваго невѣжества, убѣдительно доказывающаго, что ночью свѣтлѣе, чѣмъ днемъ, Теофанъ положительно не могъ сносить. И въ проповѣдяхъ, и въ крупныхъ сочиненіяхъ, и въ учебникахъ, въ родѣ „Перваго ученія“ отрокомъ, и законодательнымъ путемъ онъ жестоко возставалъ противъ него и беспощадно осмѣивалъ съ свойственнымъ ему рѣзкимъ остроуміемъ. Умственная неповоротливость раскольниковъ и схоластическая пустота, прикрытая фразой, были одинаково ненавистны Прокоповичу, одинаково возбуждительно дѣйствовали на его сатиру. Искренняя вѣра въ прогрессъ Россіи руководила имъ всегда въ его общественной дѣятельности. Какъ человекъ умный, онъ ясно видѣлъ въ современной жизни тѣ же недостатки, что и Посошковъ; какъ человекъ образо-

ванный, знакомый съ западными коллегіями, основательно цѣнившій плоды просвѣщенія, которые онъ видѣлъ на каждомъ шагу въ заграничныхъ земляхъ, онъ еще меньше Посошкова могъ помириться съ грустнымъ положеніемъ своего отечества; какъ лицо высоко-поставленное, любимецъ государя, онъ располагалъ и большими средствами къ осуществленію своихъ желаній. Отъ благотворной силы науки онъ ждалъ всего лучшаго для государства, а отрицающимъ эту силу смѣло указывалъ на очевидные факты, какъ дѣлалъ и Посошковъ. „Когда нѣтъ свѣта ученія, пишетъ Теофанъ въ предисловіи, нельзя быть доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ“, и доказываетъ свою мысль историческими примѣрами изъ церковной и гражданской жизни. „Впрочемъ, продолжаетъ онъ, сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобы было ученіе доброе и основательное, ибо есть ученіе, которое имени того недостойно. Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онѣица, и когда услышатъ, что былъ онъ въ риторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единныя тѣя имена ставятъ высоко человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ“. Нередко изъ школы выходятъ люди поверхностно образованные, познакомившіеся только съ громкими названіями наукъ, „вкусившіе привиденнаго и мечтательнаго ученія“; они бываютъ глупѣе и вреднѣе неученыхъ, „ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учиться. Когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ, никогда сытости не имѣеть въ познаніи своемъ, не престанетъ никогда же учиться, хотя бы онъ и маусаиловъ вѣкъ прожилъ (1)“. Люди „съ привиденнымъ знаніемъ вредны для церкви

(1) Регламентъ духовный, л. 41 и дал. «о домахъ училищныхъ».

и государства: они — виновники разных лжеучений, враги законной власти и гордецы, всегда считающие себя достойными занять высокія должности, постоянно ошибаясь въ своихъ мнѣніяхъ, никогда не сознають собственныхъ ошибокъ изъ за пустаго самолюбія. Не такихъ людей должна воспитывать раціональная школа, въ каковой имѣеть настоящую нужду Россія. Далѣе Прокоповичъ предлагаетъ „чинъ ученія“ въ проектируемой школѣ. Курсъ ея — осмилѣтній. Въ продолженіи перваго года ученики, по Регламенту, проходятъ грамматику вмѣстѣ съ географіей и исторіей; во второй годъ преподается ариѳметика съ геометріей; въ третій — логика или діалектика; въ четвертый — реторика „купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ“; въ пятый — физика съ краткѣй метафизикой; въ шестой — политика (по руководству Пуффендорфа взаимъ ионки); въ седмой и восьмой — богословіе. Какъ видимъ, разница между этой программой и той, которая была въ кievской, а за тѣмъ и въ московской академіяхъ, — не малая; новая программа направлена противъ схоластики прежняго образованія. Ариѳметика, геометрія, географія, исторія — науки положительныя, по характеру своему менѣе всего способныя развить въ ученикахъ стремленіе къ логомахиі, къ отвлеченнымъ ненужностямъ, къ удивительнымъ по составу софизмамъ, чѣмъ шеголяли воспитанники коллегій. Свойства этой программы вполне отвѣчали потребностямъ времени, для котораго она была составлена. — Хорошо понимая назначеніе школы въ Россіи при Петрѣ Великомъ и послѣ него, Прокоповичъ узаконяетъ изученіе предметовъ, сообщаящихъ нашему знанію необходимую устойчивость и обстоятельность. Желаніе понизить репутацію схоластики постоянно сквозитъ въ предисловіи къ трактату „о домахъ училищныхъ“ и прямо выражается въ тѣхъ сочиненіяхъ Теофана, въ которыхъ онъ подробно критикуетъ недостатки схоластическаго образованія, на примѣръ, въ лекціяхъ по реторикѣ, читанныхъ въ кievской коллегіи, и въ догматическомъ богословіи. Односто-

ронность въ южно-русскомъ училищномъ образованіи въ свое время отозвалась очень вредно на народъ: имѣя по своему образованныхъ пастырей, способныхъ полемизировать за православіе съ иностранными богословами, этотъ народъ не находилъ въ нихъ себѣ руководителей, умѣющихъ войти въ его интересы, говорить о нихъ съ сердечной простотой и безыскусственнымъ языкомъ. Правда, программа кіевская была составлена очень стройно: въ ней общеобразовательные предметы были хорошо подобраны къ богословскимъ; ихъ изученіе служило необходимой подготовкой къ пониманію обширной теологіи; но преобладаніе узаконенной формы надъ содержаніемъ въ лекціяхъ преподавателей, во всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ и устныхъ диспутахъ студентовъ пріучало послѣднихъ искать въ предметахъ знанія, вмѣсто признаковъ, рубрики, вмѣсто цѣлаго и частей, общія, главные и подчиненныя понятія. Отвлеченность оказалась главною чертою южно-русскаго образованія. Прокоповичъ хорошо понималъ его слабость и въ своей программѣ резонно противодѣйствуетъ ей. Несомнѣнно, что воспитанники кіевской коллегіи не зарекомендовали бы себя любителями басней и легендъ, заимствованныхъ будто бы изъ исторіи, географіи и даже изъ области естествознанія, если бы ознакомились съ этими науками еще въ школахъ, если бы не сторонились какъ будто нарочно отъ такихъ сичиней, гдѣ можно почерпнуть здравыя свѣденія по этимъ предметамъ. Очень понятно, что Прокоповичъ прежнюю академическую программу дополнилъ указанными науками. Онъ ясно видѣлъ ихъ необходимость для духовнаго образованія и испыталъ благотворность ихъ вліянія на самомъ себѣ. Въ его собственныхъ произведеніяхъ насъ удивляетъ сколько богословская эрудиція, столько же и близкое знакомство съ разными науками. Самъ Петръ В. потому и давалъ Прокоповичу множество разнохарактерныхъ порученій, что видѣлъ въ немъ всесторонне образованнаго чловѣка. Неудивительно, по этому, что Теофанъ, зачис-

дливъ въ составъ предметовъ академическаго образованіи вышепоименованные предметы, отводитъ еще мѣсто въ ихъ ряду физикѣ съ краткой метафизикой. Стремясь воспитать въ своихъ ученикахъ прежде всего пастырей церкви, Прокоповичъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается въ указанной статьѣ „Регламента“ на преподаваніи имъ богословія. Назначивъ для богословскаго курса два года (вдвое и втрое больше времени, чѣмъ для другихъ предметовъ) и давши учителю подробныя наставленія, какъ лучше поставить дѣло (¹), онъ самъ составилъ обширную богословскую систему, которая произвела переворотъ въ исторіи русскаго богословія и господствовала, вызывая подражанія, больше полустолѣтія. Система эта главною цѣлью имѣла разрушеніе авторитета римско-католическихъ богослововъ, считавшихся образцовыми въ кievской коллегіи и изъ нея перешедшихъ въ московскую академію.—Въ помощь учителю географіи Прокоповичъ рекомендуетъ имѣть въ академіи глобусы и карты; съ ними ученики должны ознакомиться настолько, чтобы „могли перстомъ показать, когда кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа, и къ которымъ странамъ подъ нами лежитъ Америка; такожъ и особь о государствахъ, гдѣ Египеть, гдѣ Хина, гдѣ Португалія и прочая“. Подобныя желанія можно было исполнять, разумѣется, только при соотвѣтствующей библио-

(1) Первымъ условіемъ хорошаго преподаванія богословія у него полагается близкое знакомство учителя съ прямымъ смысломъ св. писанія и святоотеческими твореніями, въ которыхъ содержится «прилежное писаніе о догматахъ, за нужду распръ, въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси»; зѣло полезными также находятъ Феофанъ «дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ». Трудами «новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей» пользоваться можно, но съ критическою осторожностію, не полагаясь «на ихъ сказки» и провѣряя ихъ цитаты: «многожды бо згуть господа оныя и чего не бывало приводятъ». Чтобы ученики довѣряли учителю, ему не лишне иногда показывать имъ источники богословскихъ лекцій и убѣждать ихъ въ своей научной правотѣ и безпристрастности.

текѣ. При школѣ (по Регламенту) „надлежитъ быть библиотекѣ довольной, ибо безъ библиотекы, какъ безъ души академія“. Книги для академіи выбираются лучшія не только изъ русскихъ, которыхъ мало, но и изъ иностранныхъ. Онѣ должны касаться всѣхъ предметовъ знанія, указанныхъ въ программѣ. Ученики имѣютъ доступъ къ нимъ въ опредѣленные часы, а учителя всегда. За чтеніемъ книгъ за воспитанниками наблюдаютъ наставники, чтобы оно было толково.

Обратимся къ административной сторонѣ дѣла. Чтобы „вмѣсто чайной пользы (отъ школы) не получилась тщета, смѣха достойная“, Регламентъ постановилъ строгія правила о приѣмѣ учениковъ по выборѣ учителей. Давая нелегкую работу тѣмъ и другимъ, онъ хотѣлъ, особенно между послѣдними, имѣть людей трудолюбивыхъ и даровитыхъ, способныхъ высоко поставить науку въ глазахъ воспитанниковъ и поселить въ нихъ любовь къ ней. За аккуратнымъ исполненіемъ обязанностей ученическихъ и учительскихъ уполномочивались строго наблюдать, подъ угрозой синодальнаго суда, ректоръ и префектъ академіи. По смыслу II правила, они должны были посѣщать всѣ классы поочередно; имъ давалось право испытывать учениковъ на урокахъ помимо вопросовъ учителя. Учителей, нечувствительныхъ къ ректорскимъ наставленіямъ, судилъ св. Синодъ. Для вѣщаго надзора допускались въ академію и фискалы. За поведеніемъ учениковъ наблюдалъ префектъ (особенный въ каждой избѣ). Теофанъ рекомендовалъ выбирать на эту должность людей, хотя и неученыхъ, „обаче честнаго житія, не вельми свирѣпыхъ и не меланхоликовъ“, въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ, — не молодыхъ и не старыхъ. Префектъ могъ наказывать нарушителей порядка — „малыхъ розгою, а большихъ словомъ укоризненнымъ“; на непослушныхъ онъ доносилъ ректору, верховной власти въ академіи, которая „по разсужденію всякимъ наказаніемъ могла наказывать“.

Пріемные экзамены въ академіи имѣли цѣлю „отвѣдовать память и остроуміе (того, кто желать поступить въ нее); и если (онъ) покажется весьма тупъ, (опредѣлено было) не принимать его, ибо лѣта потеряегь (и царскую казну растратить), а ничему не научится“. Но такъ какъ въ ту пору родители часто намѣренно оказывали своихъ дѣтей скудоумными, чтобы освободить ихъ отъ школы, то Регламентъ предупреждаетъ экзаменаторовъ, чтобы они не сдѣлали браковать дѣтей, а брали бы ихъ на искусство и похитрѣе выпытывали, не притворяется ли мальчикъ тупымъ, „желая отпуску въ домъ, какъ то притворяютъ телѣсную немощь отъ солдатства“. Срокъ на испытаніе полагался годовой. За избраннаго талантливаго ученика академія держалась крѣпко и увольняла его только въ крайнемъ случаѣ, когда всякая надежда на исправленіе безрассуднаго школьника пропадала. (1) Чтобы ученики такъ или иначе не оставляли школы, съ нихъ брали „запись“, что они до конца учений пребудутъ въ академіи, подъ великимъ штрафомъ, еслибы объята своего не исполнили безъ крайней нужды.

Проходя новую школу, молодое поколѣніе должно было отрѣшиться отъ недостатковъ воспитанія, полученнаго имъ въ семьѣ и обществѣ, гдѣ жило множество предразсудковъ и суевѣрій, вредныхъ и, по выраженію Теофана, смѣха достойныхъ. Эти предразсудки держались такъ крѣпко, что школа могла противодѣйствовать имъ только чрезвычайными мѣрами;—однихъ учебныхъ средствъ оказывалось недостаточно для ихъ искорененія. Регламентъ рекомендуетъ сообщить школь монастырскій характеръ, сдѣлать ее наглухо закрытой. „Паче всего (говоритъ онъ) и почитай едино есть потребно и полезно быть при академіи, или въ началѣ и безъ академіи, семинаріуму (общежительному заве-

(1) 18 правило.

денію) для ученія и воспитанія дѣтей, какихъ вымыслено не мало въ иноземныхъ странахъ. Построить домъ образомъ монастыря, котораго пространство и жилы и всякія къ пропитанію и одѣянію и прочимъ нуждамъ припасы были бы противъ числа дѣтей... Также и потребныхъ управителей и служителей (было бы достаточное количество). Въ дому томъ имѣютъ жить дѣти и уже большаго возраста юноши, по осми или девяти человѣкъ во единой избѣ; обаче съ такимъ расположеніемъ: большіе во единой, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ.... Не отпускать (дѣтей) изъ семинаріума въ города, или куда ни есть къ своимъ въ гости, пока семинаристъ не обыкнетъ, пребывая въ семинаріумѣ, и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія. А именно: до трехъ лѣтъ по приходѣ всякаго въ семинаріумъ не отпускать ни куда; а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить вытѣть въ гости къ родителямъ, или сродникамъ, и то недалече отстоящимъ, такъ чтобы не больше семи дней прошло отъ исшествія до возвращенія въ самый домъ семинарскій. Экстраординарныя отлучки были позволительны только подъ особеннымъ надзоромъ за ученикомъ „инспектора или наблюдателя“, который обязывался слѣдить за каждымъ шагомъ школьника, а потомъ доносить обо всемъ начальнику заведенія, подвергаясь за потворство „гораздому наказанію“. По возвращеніи семинариста, за нимъ слѣдили, не произошло ли въ немъ какой перемѣны, не приобрѣлъ ли онъ какихъ навыковъ. Въ случаѣ прихода къ мальчику со стороны его сродниковъ, свиданіе позволялось въ общей комнатѣ или въ саду, въ присутствіи самого ректора или надзирателя. Правила инструкции назначали для ученика определенное дѣло въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ на весь день—будничныи и праздничныи. „Всякому (ученику) мѣсто отвести (говорится въ регулахъ) при стѣнѣ, вмѣсто собственной конторы, гдѣ стоитъ его кроватка складная (чтобы въ день логвища знать не было), также шкафъ на книги и

иныя вещицы и стуликъ для сидѣнія“. Предписывалось „опредѣлить времена по всякому дѣлу и покою семинаристамъ: когда спать ложиться, когда вставать, молиться и учиться, иттить за трапезу, гулять и прочая. И всѣ бы оныя часы колокольцемъ означать, и всѣ бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ, принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено“. На прогулку полагалось два часа въ день, послѣ обѣда и послѣ ужина, причѣмъ запрещалось даже книжку держать въ рукахъ. Всѣ должны были упражняться въ играхъ „честныхъ и тѣлодвижныхъ“. Играми управляла инспекція; характеръ ихъ былъ чисто военный. Къ числу скромныхъ и назидательныхъ развлеченій принадлежали чтенія въ столовой комнатѣ исторій воинскихъ и церковныхъ, объ ученыхъ мужахъ: философахъ, астрономахъ, риторгахъ и т. п. Наконецъ, „дважды въ годъ или больше“ дозволялись „нѣкія акціи, диспуты, комедіи и риторскіе эзерциціи“. Цѣлю всѣхъ этихъ „акцій“ было—развить въ ученикахъ „честную смѣлость, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія“. Оригинальное нововведеніе: „при столѣ семинаристовъ въ великіе праздники“ допускалась музыка, вокальная и инструментальная. Для желающихъ учиться ей проектировалось нанять особеннаго мастера, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, когда изъ самихъ школьниковъ нельзя было найти учителя.

Приведенными правилами изъ Регламента достаточно обрисовывается физиономія молодаго человѣка, воспитаннаго въ духовной школѣ начала 18 в., и указывается различіе между питомцемъ Теофановой школы и питомцами школъ посонковской и южнорусской. Какъ ни неотчетливо представлялъ Посошковъ программу образованія духовенства, все же изъ его проектовъ и записокъ явствуетъ, что ему хотѣлось бы имѣть въ лицѣ своихъ воспитанниковъ людей преданныхъ дѣлу церкви, понимающихъ обязанности священнослуженія и пастырства, способныхъ преподавать вѣро-

и право-ученіе неспросвѣщенному народу и защитить православіе противъ раскола и протестантизма. Иначе сказать, курсъ, предложенный имъ для духовной школы, было чисто спеціальный, безъ образовательныхъ наукъ. Программа южно-русскихъ школъ составлена была, какъ замѣчено выше, тоже въ спеціально-богословскомъ духѣ и отличалась отвлеченнымъ, философскимъ характеромъ. У насъ въ Россіи крайности схоластики не успѣли развиться до чудовищныхъ размѣровъ, какъ это было на западѣ, но ихъ можно было предвидѣть по нѣкоторымъ задаткамъ, по той напр. малой полезности, какая объявилась на югѣ Россіи въ церковныхъ проповѣдяхъ, обращенныхъ къ народу и малопонятныхъ для него. Петровская эпоха своимъ общимъ характеромъ менѣе всего могла содѣйствовать развитію сухой, отвлеченной науки. Рѣзкое слово протеста противъ схоластики принадлежало Ѳ. Прокоповичу; онъ же чувствовалъ необходимость новаго идеала образованія для русскаго пастыря, и предъ его идеаломъ посощковскій и южно-русскій, дѣйствительно, оказывались неудовлетворительными. Если мы сравнимъ ихъ, въ итогѣ случится: братскія школы главнымъ образомъ желали воспитывать добрыхъ борцовъ за православіе противъ католичества; Посощковъ желалъ видѣть въ священникѣ защитника православія противъ современныхъ ему раскола и протестантизма и, кромѣ того, учителя народнаго; Теофанъ давалъ пастырю нѣчто большее; онъ хотѣлъ воспитать въ немъ критическій взглядъ на науку и окружающую жизнь вообще, развить въ немъ самостоятельность мышленія настолько, чтобы еще въ школѣ онъ провѣрялъ слова учителя по источникамъ, изъ которыхъ тотъ заимствовалъ свои свѣдѣнія (а учитель долженъ былъ провѣрять самые источники), настолько, чтобы онъ, возвратясь въ семью и въ общество, не подчинялся бы по старой памяти ихъ вредному вліянію, ихъ застарѣвшимъ заблужденіямъ и предразсудкамъ, хотѣлъ воспитать въ немъ разумнаго цѣнителя и защитника дѣлъ

Петра В., охватывавшихъ всю обширную область гражданскаго и церковнаго существованія русскаго государства, — серьезнаго ученаго, всегда готоваго отстаивать свои убѣжденія не съ помощью формальной изворотливости ума и ловкой фразы, а силою положительнаго знанія, основаннаго на неотразимыхъ фактахъ; хотѣлъ воспитать въ немъ, короче сказать, и просвѣщеннаго пастыря и учителя церкви и образованнаго члена общества. Хорошо зная, что только „въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый духъ“, Прокоповичъ заботливо охраняетъ и развиваетъ физическое здоровье своихъ питомцевъ; при академіи у него полагается больница, аптека и врачъ. Плаваніе на судахъ, строгіе крѣпостей, прогулки на острова, въ поле, къ загороднымъ домамъ государевымъ — все это должно было благотворно вліять на организмъ молодыхъ людей, развивая въ нихъ крѣпость и бодрость — мать веселости (меланхоликовъ Теофанъ терпѣть не могъ). Домъ для школы, по проэкту Теофана, слѣдовало строить на выгодномъ въ гигиеническомъ отношеніи мѣстѣ — на горѣ, при водѣ⁽¹⁾. Для гимнастическихъ упражненій зимой, Теофанъ отводитъ просторную комнату въ стѣнахъ заведенія. Наконецъ, что особенно важно въ воспитаніи, Теофанъ обратилъ вниманіе на развитіе эстетическихъ способностей въ дѣтяхъ. Средствомъ къ тому онъ избралъ прогулки, знакомившія молодыхъ людей съ прекраснымъ въ природѣ: „нѣкія акціи, комедіи“ и музыку. Онъ облагоображиваетъ его, приучая свободно держаться въ обращеніи съ посторонними, даже передъ цѣлою публикой, вырабатывая въ немъ приличныя манеры и „честную смѣлость“.

3) Препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго просвѣщенія, при заведеніи школъ. Но — чѣмъ выше идеаль, тѣмъ онъ недостижимѣе; чѣмъ рѣши-

(¹) Проэкты семинаріи О. Прокоповича у Пекарскаго I, стр 561—4 (VII прилож.).

тельнѣе были въ своихъ стремленіяхъ реформаторы начала 18 в., тѣмъ меньше ихъ требованія были понятны народу, тѣмъ труднѣе было ихъ выполнить. Между прочимъ, и духовно-училищнымъ проэктамъ петровскаго времени въ практическомъ осуществленіи не посчастливилось. Проэктъ Посошкова, какъ было замѣчено, остался въ книгѣ; его, вѣроятно, даже не видѣли ни Петръ, ни члены Синода, кромѣ Стефана Яворскаго. Программа кіевской коллегіи нашла полное примѣненіе только въ московской академіи, да въ новгородской школѣ (здѣсь она подверглась значительнымъ измѣненіямъ, благодаря братьямъ Лихудамъ), а въ прочихъ епархіальныхъ школахъ, хотя и преобладало стремленіе держаться ея, но изъ него не выходило ни чего солиднаго, за самыми рѣдкими исключеніями. Предписанія Регламента „о домахъ училищныхъ“ еще менѣе могли рассчитывать на хорошее исполненіе вслѣдствіе своей громадной несоразмѣрности съ средствами, какія имѣлись подъ руками у ревнителей духовнаго просвѣщенія. Суровая дѣйствительность принудила церковную и гражданскую власть ограничиться въ данномъ случаѣ очень и очень немногимъ.

Съ Петра В., какъ извѣстно, началось профессиональное развитіе сословій русскаго народа; каждый классъ общества, понявъ свое назначеніе, сталъ, въ заботахъ о своемъ благосостояніи, обособляться отъ другихъ классовъ и придерживаться наслѣдственности; началась спеціализація должностей, заведеній и программъ. Государство желало имѣть у себя правильно организованную армію и флотъ, и медиковъ, и инженеровъ, и образованное духовенство. Духовенство, при такихъ обстоятельствахъ, тѣснѣе замкнулось въ своемъ кружкѣ, чтобы дружиѣ хлопотать о своихъ интересахъ. Когда открылись цифирныя школы (съ 1714 года), духовенство несочувственно отнеслось къ нимъ, какъ не къ своимъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше существовали училища, основныя на его средства, и гдѣ, стало быть, они оказались соперниками послѣд-

нихъ, и безъ того страдавшихъ малолѣтствомъ. — Съ одной стороны, Петру не хотѣлось, чтобы молодые люди духов. званія исключительно поступали, по окончаніи учебнаго курса, на службу церкви; но, съ другой стороны, нельзя было постоянно брать и у духовенства его лучшія силы. Отсюда, изъ этихъ двойственныхъ побужденій, происходила непослѣдовательность и нерѣшительность въ указахъ Петра, касавшихся образованія духовенства, смыслъ которыхъ впрочемъ, болѣе и болѣе выяснялся въ пользу училищнаго обособленія церковно-служителей.

Первымъ и самымъ сильнымъ понужденіемъ для духовенства отдавать дѣтей въ школы служили солдатскіе наборы, начавшіеся съ 1705 г. и захватывавшіе множество необразованной, неготовой для церковной службы, молодежи изъ духовнаго званія. Указъ 1708 г. назвалъ школы, въ которыхъ слѣдовало воспитываться дѣтямъ духовенства, и не желающимъ обучаться въ этихъ школахъ лишалъ правъ быть клириками. Указы 1710 и 1711 гг. обязывая учиться въ духовныхъ школахъ дѣтей всѣхъ священно-и церковно-служителей, подтверждали, чтобы архіереи были особенно строги при выборѣ и оцѣнкѣ ставленниковъ. Въ 1718 г. для дѣтей духовенства стало обязательнымъ не только поступленіе въ училище, но и окончаніе въ немъ учебнаго курса. Въ то же время дворянамъ было запрещено безъ особеннаго правительственнаго разрѣшенія учиться въ духовныхъ школахъ (указъ 1715 г.), подъ страхомъ денежнаго взысканія и даже трехлѣтней ссылки на галеры, или въ каторжную работу⁽¹⁾. Вообще законодательныя мѣры по раз-

⁽¹⁾ Если они, послѣ этого, и бывали въ духовныхъ школахъ то учились въ нихъ особнякомъ, съ единственною цѣлю — получить элементарное образованіе, подготовку къ своимъ специальнымъ учеб. заведеніямъ.

считавшему вопросу (1) характерно очерчиваютъ отношенія правительства при Петрѣ В. къ духовному сословію. Правительство имѣло въ виду духовенство, какъ сословіе сравнительно образованное и располагающее своими средствами къ образованію (отъ казны на духовныя школы при Петрѣ В. почти ничего не давалось); правительство, не ограничиваясь той пользой, какую могло приносить духовенство церкви и государству, исполняя свое прямое назначеніе, непрочь было брать изъ его рядовъ хорошихъ дѣятелей на гражданскую службу, даже подъ условіемъ, чтобы они первоначальное образованіе получали на свои же сословные капиталы; уступать духовенству для его нуждъ дѣтей другихъ классовъ общества правительство не находило возможнымъ.—Духовно-училищная администрація, конечно, неохотно уступала своихъ питомцевъ гражданскому вѣдомству и протестовала противъ дѣйствій монастырскаго приказа, пополнявшаго штаты разныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній на счетъ училищъ духовныхъ и даже противъ государевыхъ указовъ, когда они слишкомъ сильно противорѣчили интересамъ духовной школы и церкви (2). Съ 1721 года эти интересы поступили подъ защиту св. Синода,

Получивъ въ руководство „Духовный Регламентъ“ св. Синодъ не нашелъ въ немъ разрѣшеній многихъ недоразумѣній въ области духовно-училищнаго вопроса, возникшихъ частію раньше, частію позже 1721 года.—I, Глава Регламента объ училищныхъ домахъ разсуждала объ образцовой школѣ, съ академической программой, такой школѣ, какую и въ одномъ экземплярѣ нелегко было устроить. Ѳ. Прокоповичъ самъ пытался было осуществить начертанный имъ планъ семинаріи. При помощи значительныхъ капиталовъ и

(1) Подробнѣе смотр. въ сочиненіи П. В. Знаменскаго „Духовныя школы до реформы 1808 г. Прав. Соб. 1878 г. ноябрь.“

(2) Тамъ же, Пр. Соб. 1878 г. декабрь, стр. 49.

личныхъ знакомствъ, ему удалось основать хорошую школу, но и она не подходила подъ мѣрку Регламента (1). Гдѣ было взять архіерейскому дому средства на постройку нѣсколькихъ избъ или одного большаго зданія съ угольями, какихъ требоваль Регламентъ, — съ домовою церковію, бібліотекою, аптекою, съ большимъ штатомъ начальства и учителей, съ прислугой, съ готовымъ содержаніемъ для учениковъ? Упомянутая глава Регламента не отвѣчала на это; она обещала только, на случай полнаго осуществленія ея проекта, „впредь больше придумать (новыхъ регулъ для усовершенствованія заведенія) или отъ иноземныхъ лучшихъ семинарій інформаціи проециать“, а отъ исполненія содержащихся въ ней правилъ ждала „великой пользы отечеству“. — Издатели Регламента больше приблизились къ дѣйствительности, когда довели требованія отъ епархіальныхъ школъ до minimum'a, напоминающаго собой школы допетровскаго времени. Въ статьѣ „о епископахъ“ они писали, чтобы въ епархіальной школѣ „былъ учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужное, обаче не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть. И если

(1) Это такъ назыв. Карповская школа въ Петербургѣ. За недостаткомъ учителей, Прокоповичу не удалось соединить въ ней два различныхъ элементовъ въ образованіи — духовнаго и свѣтскаго. Онъ подыскалъ свѣдущихъ людей для преподаванія богословскихъ наукъ, а богословскія науки отошли у него какъ будто на задній планъ. Школа собственно имѣла свѣтскій характеръ и служила общеобразовательнымъ заведеніемъ. Кругъ ея наукъ составляли Законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, славянская грамматика, риторика, логика, римскія древности, арифметика, геометрія, географія, исторія, рисованіе и музыка. Учителями были все иностранцы. Одинъ изъ нихъ (Байеръ) принадлежалъ къ корпораціи профессоровъ Академіи наукъ. Въ помощь паставникамъ, старшіе воспитанники, дошедшіе до высшихъ классовъ, обучали младшихъ учениковъ, получая за то небольшое жалованіе. Воспитательная инструкція О. Прокоповича такъ же нашла въ Карповской школѣ свое полное примѣненіе. Оеофанъ Прокоповичъ и его время Чистовича, стр. 63; Прав. Соб. 1879 г. январь, 93—6. 91

мошно, и наизусть читать двѣ книжицы: одну о догматѣхъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя изданы будутъ". Въ „синодальномъ установленіи“ 1722 г., разсуждавшемъ, между прочимъ, „о свойственной (епарх. школѣ) наукѣ“, находимъ добавленіе къ этой убогой программѣ. Кромѣ „двухъ книжицъ“, которыя, впрочемъ, не были изданы, синодальное установленіе дѣлало обязательнымъ изученіе „Перваго ученія отрокомъ“ Θ . Прокоповича, славянской грамматики, письма и части ариѳметики съ геометріей. Вотъ и все. Кажется требованія не велики, а и ихъ трудно выполняли. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ не находилось достаточно матеріальныхъ средствъ на устройство хотя бы и скромной школы; а она, по смыслу указанной главы Регламента, обязана была снабжать своихъ учениковъ всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ одежды: „дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ“. Распоряженіе, чтобы архіерейскому дому помогали въ содержаніи училища „знатнѣйшіе монастыри“ и церковныя земли, ⁽¹⁾ не вездѣ было примѣнимо.—II. Во многихъ школахъ некому было учиться, потому что дѣти духовенства или бѣжали отъ школы, или ихъ забирали въ цифирныя и медицинскія училища, въ адмиралтейство къ разнымъ мастерствамъ и т. п. Указы 1721 и 1722 г.г., освободивъ священническихъ, діаконовыхъ и церковничьихъ дѣтей отъ цифирныхъ школъ въ пользу школъ духовныхъ, ⁽²⁾ уничтожили только одну изъ многихъ причинъ малолюдства послѣднихъ. Въ видахъ привлеченія дѣтей къ ученію, првительство духовное и свѣтское снова прибѣгло къ побудительнымъ мѣрамъ, къ угрозамъ, частію повторяя и подтверждая прежніе указы, частію издавая новые, уст-

(1) Дух. Реглам. «о дѣлахъ епископовъ» пр. 7—11.

(2) Христ. Чт. 1879 г. генв.—февраль, 179—81; Пр. Соб. 1879 г. генварь, 76 и д.

ранявшіе противорѣчіе въ предписаніяхъ вышедшихъ до учрежденія св. Синода. Сущность этихъ указовъ состояла въ слѣдующемъ. Священно-и-церковно-служительскіе дѣти забирались въ солдаты, или записывались въ податной классъ, если не хотѣли учиться; церковныя мѣста предоставлялись только образованнымъ претендентамъ, которые должны были держать экзамень и, проживая въ архіерейскомъ домѣ, твердо изучать свои обязанности; епископамъ строго запрещено обходить въ посвященіи ученыхъ кандидатовъ въ пользу неученыхъ и, сверхъ того, поручено внимательно слѣдить за ставлениками—не лицемеры ли они, не ханжи ли, не шарлатаны ли; древній обычай закрѣплять мѣста за дѣтьми умершихъ клириковъ—отмѣненъ,—образованнаго человека вѣрно опредѣлять къ должностямъ, недожидаясь возраста сиротъ; ограничены были права народнаго выбора,—голосъ епископа въ пользу ставленика признанъ болѣе надежною оцѣнкою (міряне могли ошибиться въ сужденіи касательно учености избираемаго); образованный священникъ, сложившій съ себя санъ по уважительной причинѣ, получалъ другое почетное мѣсто въ духовномъ вѣдомствѣ; наконецъ, 1723 г. государь лично высказался вице-президенту св. Синода Феодосію Яновскому, повторяя мысль Посошкова, чтобы поповскихъ, дьяконскихъ и причетническихъ дѣтей, годныхъ по возрасту для школы, „набирать въ школы всѣхъ, которые учиться способны, а которые въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства“ (1). Въ силу этого указа, мальчиковъ вербовали, какъ солдатъ, безъ вниманія къ слезамъ родителей.

Чтобы удобнѣе слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла, Синодъ (въ 1721 г.) устроилъ у себя особую контору,

(1) Христ. Чит. 1879 г. декабрь—февраль, 187—8, Прав. Соб. 1879 г. январь, 91.

куда должна была поступать вся отчетность о состояннн епархіальныхъ училищъ два раза въ годъ. — Но на очереди становился третій вопросъ: гдѣ брать учителей?—вопросъ, не менѣе, если не болѣе, трудный, чѣмъ первые два. Регламентъ отвѣчалъ на него очень оригинально. „Видится быть вельми благоуспѣшно, говорить 9 прав. трактата „о домахъ училищныхъ“, что могутъ нѣкая ученія двое или трое вдругъ, одного часа и однимъ дѣломъ подаватися. Напр. уча грамматикѣ, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію, понеже по регуламъ грамматическимъ нужно дѣлать экзерциціи, сирѣчь обучатися въ переводахъ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся и на оборотъ. То можно ученикамъ переводить по части географію или исторію, или на перемѣну оба тѣ ученія“, т. е. полгода проходить грамматику съ географіей и полгода—съ исторіей. Это—черта времени, черта петровской эпохи съ ея крупными запросами и малыми средствами для ихъ удовлетворенія, съ лихорадочною торопливостію исправить все въ короткое время, или по крайней мѣрѣ сдѣлать по больше рѣшительныхъ начинаній для будущаго времени. На первыхъ порахъ, говоритъ Регламентъ, „не надобѣ многихъ учителей, но первый годъ довольно единаго или двоихъ, которые бы учили грамматикѣ, сіестъ языкъ правильно знать латинскій или греческій, или оба языка“. На другой годъ позволялось искать другаго учителя. За недостаткомъ ученыхъ свѣдущихъ учителей, предположено было искать въ кандидатахъ хоть простаго здраваго смысла, природнаго ума и заставлять ихъ самихъ учиться „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ (1)“. Такая странная мѣра, конечно, не казалась составителямъ Регламента резонною но „за скудостію людей“ они ее допускали, хотя кіевская и московская академіи и новгородская школа, при

(1) Дома училищные, пр. 1 и 4.

благоприятныхъ обстоятельствахъ, могли бы дать епархіальнымъ школамъ достаточное количество наставниковъ. Новгородская школа была же учительскимъ институтомъ для своей епархіи, т. е. для 16-ти партикулярныхъ школъ, основанныхъ ея учениками въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Синодальное установленіе 1722 г. обратило вниманіе на этотъ фактъ. На запросъ изъ епархій — гдѣ брать учителей — оно предписывало: „чтобъ впредь никто неимуществомъ учителей не отговаривался“, пусть выбираются „изъ подьяковъ или изъ поповскихъ дѣтей остроумные и книжному ученію искусные отъ 15 до 20 лѣтъ, для каждой школы по три челоуѣка“, и посылаются въ Новгородъ учиться, чтобы потомъ они становились учителями въ своихъ епархіальныхъ училищахъ. Но такъ какъ никакихъ пособій для расширенія своего круга дѣйствій новгородская школа отъ правительства не получала и обременена была разными порученіями, а академіи ей не помогали въ подготовкѣ учителей надлежащимъ образомъ, то и эта мѣра оказалась мало удовлетворительной. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школы совсѣмъ не открывались „за неимуществомъ учителей“, а въ нѣкоторыхъ, по той же причинѣ, они не долго продержались (1).

Всѣ упомянутые указы отличаются энергически-принудительнымъ характеромъ; вслѣдъ за предписаніемъ дѣлать то или другое, въ нихъ полагается на казаніе ослушникамъ, высказывается угроза. Это вытекало изъ того положенія, какое занимало правительство по отношенію къ духовной школѣ, и изъ препятствій, какія представляла дѣйствительность его намѣреній. Правительство ничѣмъ не помогало школѣ расти и укрѣпляться; оно только предписывало и въ строгости своихъ указовъ видѣло одно изъ средствъ настоять на своемъ. — Препятствія, о которыхъ разби-

(1) Отчетъ св. Синода у Пекарскаго — т. I, стр. 109—121.

вались все угрозы правительства, группировались глав. обр. въ одинъ печальный фактъ: духовенство не хотѣло учиться, упорно отказывалось отъ школы, не пускало въ нее дѣтей своихъ, или дѣти сами бѣжали изъ нея, и школа, кое-какъ устроенная, оставалась безъ учениковъ. Законъ не принимать неучей ни въ какую службу, кромѣ солдатской, записывать ихъ въ податной окладъ, привилегіи молодымъ людямъ, побывавшимъ въ школѣ, насильное привлеченіе дѣтей, уклонявшихся отъ ученія, наказанія отцамъ за укрывательство—ничто не помогало. Изобрѣтались все способы къ освобожденію отъ навязываемаго образованія: то ребенокъ оказывался въ дальней отлучкѣ, то внезапно заболѣвалъ, то вдругъ становился идиотомъ. При усиліяхъ собиралось, наконецъ, въ училище 30—50 со всей епархіи, но не надолго. Вкусивъ сладости школьнаго житія, свободолюбный дикарь бѣжалъ изъ заведенія и больше въ него не возвращался, оставляя противъ своего имени отмѣтку: *semper fugitiosus*. Такихъ бѣглецовъ было очень много. „Изъ губерній и провинцій (сказано въ одномъ изъ указовъ 1726 г.) писали, что въ духовныхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 1722 - й годъ 1389 человекъ, изъ того числа выучено 93 человекъ, а затѣмъ оставшіеся едва не все синодальной команды бѣжали“. Вологодская школа, основанная въ 1724 г., изъ 45 учениковъ отпустила 27 „для приписки въ податной окладъ“, остальные были распушены по домамъ „по неизвѣстной причинѣ“. Въ александровской школѣ (въ Петербургѣ) съ 1721 — 27 г. перебивало всего 118 человекъ, изъ которыхъ 42 ученика „отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію“. Въ Устюжской епархіи школа набрала 15 человекъ; они остались недоучеными „за кончиною епископа Богодѣпа“⁽¹⁾. Отрадныя явленія въ данномъ случаѣ, какъ было за-

(1) Тамъ же.

мѣчено, составляли или тѣ епархіи, школы которыхъ пользовались исключительно - счастливымъ положеніемъ, или тѣ, гдѣ школы находились подъ надзоромъ особенно ревностныхъ и безкорыстныхъ архіереевъ. Таковы были школы: кievская, бѣлоградская, московская, новгородская (при м. Іовѣ), рязанская (при Гавріилѣ Вужинскомъ) и нижегородская (при Питиримѣ). Естественно, что наличными учениками приходилось дорожить; исключался изъ школы только „дѣтина непобѣдимой злобы“, послѣ всевозможныхъ откладываній, назиданій и исправленій. При всемъ томъ, народу въ школахъ было мало. Священники городскихъ и сельскихъ церквей, обучивши на скорую руку сыновей грамотѣ, хлопотали о помѣщеніи ихъ пономарями при своихъ церквахъ, а діаконы и дьячки, рассчитывая имѣть въ дѣтяхъ хорошихъ даровыхъ работниковъ, еще съ молодю записывали ихъ въ крестьянство. Тѣ и другіе при возможности, спѣшили отдавать дѣтей въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе. Въ случаяхъ наѣздовъ закащиковъ и разсылныхъ изъ духовныхъ правленій съ цѣлю школьной вербовки, они, если имъ не удавалось обмануть чиновниковъ, подкупали ихъ въ свою пользу и умоляли Христомъ-Богомъ записать дѣтей малолѣтками, больными, скудомными. Имъ „легче было умереть, нежели смотрѣть, какъ дѣтей въ семинарію на муку обираютъ“, (1) а потому, конечно, мальчиковъ напутствовали въ ученье слезами и причитаніями, поселяя въ нихъ страхъ предъ школой, безотчетное отвращеніе къ ней и ненависть къ ея представителямъ. — Неожиданный переходъ отъ свободного невѣжества къ необходимости учиться, отъ привольной жизни дома къ монастырскому заключенію въ школѣ, къ жизни, стѣсненной правилами инструкціи, на глазахъ строгихъ приставниковъ, этотъ переходъ былъ

(1) Тамъ же, стр. 452.

слишкомъ труденъ для ребенка и страшилъ его. Чтобы воспитать дѣтей на новыхъ началахъ, поселить въ нихъ критическій взглядъ на старину, подорвать у нихъ довѣріе къ дѣдовскимъ баснямъ, сдѣлать изъ нихъ сторонниковъ и защитниковъ новаго направленія жизни, нужно было, по замысламъ Регламента, разобщить дѣтей съ ихъ прежнею обстановкой и, при томъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разсуждалъ Ѳ. Прокоповичъ. „Совѣтъ мой есть (говорить онъ въ проэктѣ насчетъ петербургской семинаріи) не принимать отроковъ (въ школу), токмо десятилѣтнихъ, или ниже, но не выше десяти лѣтъ, ибо такового возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравію, и если обучились, однакожъ не закрѣпили обычаемъ, и мощно таковыхъ нетрудно отучить. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать“ (¹). Чтобы обезпечить за школою симпатію ребенка, его не вѣдѣли пускать къ роднымъ дотѣхъ поръ, „пока онъ не ощутишь знатной пользы отъ такового воспитанія“. Въ закрытомъ заведеніи видѣли лучшую воспитательную школу, надѣясь, что дитя еще и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо восприметь кротость на ся“. Начальство и, мало того, товарищи смотрѣли за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ ученика, стѣсняли его игру и прогулку. „Такое младыхъ человекъ житіе кажется быти служительное и заключенію плѣнническому подобное (сознавались составители Регламента), но кто обыкнетъ тако жить, хотя чрезъ единый годъ, тому весьма сладко будетъ“ (разсуждали они далѣе). Опытъ показалъ противное. Немного охотниковъ училось въ духовныхъ заведеніяхъ и еще меньше оканчивало курсъ. — Вѣжали ученики изъ школы и потому, что имъ часто нечѣмъ было содѣржаться тамъ. Большинство изъ нихъ никакъ не могли рассчитывать на отцовскія крохи. Пособіе, по Регламенту, должно было выдаваться имъ отъ архіе-

(¹) Пекар 1, 563.

рейскаго дома, отъ монастырей и отъ богатыхъ землею церквей. Но оно зависѣло отъ благосостоянія послѣднихъ, отъ болѣе или менѣе случайныхъ доходовъ, зависѣло отъ хлѣбныхъ урожаевъ, отъ пожаровъ, отъ добросовѣстности монастырскихъ и церковныхъ экономическихъ отчетовъ. Изъ донесеній, представленныхъ епархіями въ 1727 году на запросъ св. Синода, видно, что на средства архіерейскихъ домовъ и монастырей ученики содержались въ не многихъ школахъ, въ черниговской, новгородской, коломенской, вологодской (не долго), пековской и отчасти, въ нижегородской, а въ большей части этихъ донесеній находимъ отвѣтъ, что сборовъ на школу по указаніямъ Регламента дѣлать нельзя. Изъ ростовской епархіи писали: „по духовному Регламенту отъ монастырей и церквей хлѣба не сбирано за недородою. да и для того, что хотя гдѣ хлѣбъ остаточный и былъ, оный бранъ въ Москву въ камеръ-контору и генералитету, отъ чего ученикамъ въ обученіи учинилась остановка, того ради они распущены въ дома свои, со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали ихъ дома“. Изъ сѣздальской школы ученики (въ 1726 г.) также были распущены по домамъ по случаю неурожая. Въ рязанской епархіи остаточный хлѣбъ забирали на „синаодальное правительство“. Тобольская школа отъ Далматова монастыря получала только „малое число солоду на квась“⁽¹⁾. Много зависѣло матеріальное благосостояніе школъ и отъ личной воли ихъ ближайшихъ начальниковъ—архіереевъ. М. Іовъ, Епифаній бѣлоградскій, Питиримъ нижегородскій имѣли хорошія средства для своихъ училищъ не только потому, что въ ихъ епархіяхъ были богатые монастыри, но и потому, что они искали этихъ средствъ, заботились о ихъ нескучности. Они не пускали учениковъ питаться подаваніемъ, не водили ихъ босикомъ, не пятаю руб-

(1) Пекар. I, 109—121.

лями въ годъ окупали все содержаніе воспитанника, со всѣми учебными принадлежностями какъ это случалась въ другихъ епархіяхъ⁽¹⁾.

—Могла ли наука сама по себѣ привлекать дѣтей въ школу и располагать въ свою пользу ихъ родителей?—Въ большинствѣ случаевъ—нѣтъ, потому что она была не русская, а иноземная, непонятная и въ ближайшемъ будущемъ непригодная. Духовенство, не видавшее ничего, кромѣ часослова и псалтири, не могло относиться къ ней сочувственно. Не могла она нравиться и дѣтямъ духовенства, такъ какъ, при дурныхъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ, была мало доступна имъ. Въ новгородской, лучшей для своего времени, школѣ проходили между прочимъ, греческую грамматику, піитику и реторику и—за цѣлыя 20 лѣтъ (1706—1726 г.) изъ всѣхъ школьниковъ выучились: піитикѣ „совершенно“ одинъ и „несовершенно“ 6, реторикѣ— „совершенно“ 9 и „несовершенно“ 15⁽²⁾. Большинство, значить, не одолѣвало трудностей науки. Да это и не легко было: по Регламенту, руководившемуся часто кіевскими обычаями, въ школѣ, гдѣ изучался латинскій языкъ, безъ послѣдняго не могли ступить шагу ни ученики, ни учителя. Припомнимъ, что твердили казанскіе школьники при м. Тихонѣ, подъ руководствомъ Свентицкаго. Самыя обыкновенныя вѣщи имъ приходилось понимать подъ мудренѣйшими названіями и, судя по этому, въ недоступнѣйшей формѣ. Не много было училищъ, гдѣ ограничивались преподаваніемъ нужнѣйшихъ предметовъ: славянской грамматики, часослова, букваря Ѳ. Прокоповича, псалтири, письма и пѣнія. Съ этой стороны нужно отдать честь тѣмъ школамъ, которыя не заводили у себя ученій латинскихъ, не соблазнялись реторикой и философій,

(1) Руководство для сельскихъ паст. 1864. г., II, 348—9.

(2) Пекар. I, 114.

если не имѣли средствъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, добросовѣстно. Посошковая программа, повторимъ здѣсь, ближе подходила ко вкусу современнаго духовенства и къ матеріальнымъ средствамъ школъ. Несомнѣнно, что число ученическихъ побѣговъ сократилось бы, если бы наука давалась ребенку легче. Вылецъ не встрѣтилъ бы одобренія и дома, если бы родители воочію видѣли пользу отъ школы. Трудовая копѣйка не отдавалась бы тогда вербовщику — подъячому, а скорѣе шла бы на покупку книгъ, которыя, скажемъ кстати, доставались ученикамъ съ большими усиліями: ихъ доводилось списывать, потому что „типоизданные“ экземпляры были рѣдкостію. Мало было учебниковъ въ родѣ букваря, славянской грамматики, но они, по крайней мѣрѣ, продавались по сравнительно доступной цѣнѣ, а каково было ученику приобрести тринаязычный лексиконъ, „сирѣчь реченій славянскихъ, эллиногреческихъ и латинскихъ сокровище, собранное изъ разныхъ новыхъ и древнихъ книгъ“ (1), когда это сокровище продавалось по рублю тридцати копѣекъ? Что касается реторики, шйтики, философіи, то по нимъ печатныхъ руководствъ не было, а составлялись записки на латинскомъ языкѣ. — Гналъ дѣтей изъ заведеній и страхъ предъ педагогическими требованіями воспитателей, которые не скупились на понудительныя мѣры, чтобы заохотить ребенка къ наукѣ. Жестокія сѣкуціи въ двѣ, три и даже четыре лозы, побои по головѣ и рукамъ линейкой и книгой, наказанія плеткой, голодомъ, заключеніемъ въ карцеръ — были въ усердномъ употребленіи педагоговъ петровской эпохи (2). „Тринаязычный букварь“ Ѳ. Поликарнова въ лицахъ изобразилъ отношенія учениковъ къ наставникамъ на двухъ картинкахъ. Позы учителей на нихъ

(1) Книга въ 186 листовъ in quarto; расположенъ лексиконъ по славян. алфавиту.

(2) Прав. Соб. 1862 г. II, «Состояніе духовенства въ 18 в.».

внушительны, позы учениковъ унижительны, обстанов-
ка—книги и плетки. (1) Вообще, воспитательныя мѣры
не приносили тѣхъ результатовъ, о какихъ мечталъ
„Регламентъ“, какъ потому, что въ сущности не въ си-
лахъ были преодолевать препятствій, противъ кото-
рыхъ боролись, такъ и потому, что часто попадали
въ руки дурныхъ исполнителей, въ родѣ учителя нов-
городской школы, іеромонаха Іова, который бывалъ въ
классѣ по десяти разъ въ годъ и оставлялъ дѣтей
въ полномъ бездѣльи—„по старческой немощи“, или въ
родѣ учителя каргопольской (партикулярной) школы,
діакона Стефана Максимова, на котораго ученики
жаловались, что онъ чуть не каждый день посылалъ
ихъ версты за три отъ Каргополя—зимою по дрова, а
лѣтомъ по ягоды версты за десять, такъ что „въ от-
бытіи проходило дня по два и по три“. Вознаграж-
дая потерянное время, дидакаль „послѣ такого тя-
гостнаго труда содержать дѣтей во ученіи своею на-
падкою часу до одиннадцатаго и двѣнадцатаго, и отъ
того труда ученики лишались здравія, и одежды на
себѣ подирали“. (2)

Не одинаковую силу имѣли упомянутыя препят-
ствія и неудобства для епархій. Иногда онѣ только
тормозили дѣло обученія въ существовавшихъ уже
школахъ, иногда препятствовали завести хоть бы
одну школу на епархію, нерѣдко, наконецъ, доводили
да необходимости закрывать уже основанныя училища.
Въ крутицкой епархіи не открывалась школа „за не-
имѣніемъ монастырей“, съ которыхъ можно было бы
брать пожертвованія) и учителей; въ суздальской—
школы закрыты по недостатку средствъ содержанія;
въ Воронежѣ—учителей не имѣлось; устюжская шко-
ла пала со смертію еп. Боголѣпа; въ Переяславлѣ и
Астрахани не было училищъ „за скудостію епархій“. (3)

(1) Пекар. 1, 176.

(2) Христ. Чт. 1877 г. мартъ—апр., 338.

(3) Отчетъ Св. Синода за 1727 годъ.

Разсуждая о причинахъ невѣжества современнаго духовенства. Посошковъ, между прочимъ, говорилъ: „не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, аще и страшно ми изрещи дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче не вѣмъ, како ми восписати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошности архіеревъ тако чинится“. Послѣ смерти Петра В., дѣйствительно, говоритъ Щаповъ, были примѣры, что нѣкоторые архіереи „вмѣняли себѣ въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку“ и сами распускали учениковъ. (1) Тѣмъ не менѣе съ мнѣніемъ Посошкова вполне согласиться нельзя: причинъ невѣжества, какъ мы видѣли, насчитывается не мало и другихъ, кромѣ оплошности архіереевъ. Правда, отъ архіеревъ зависѣло много, но не все. Нельзя было епископу содержать школу исключительно на свои средства, когда въ его епархіи не было богатыхъ ни церквей, ни монастырей; нельзя было ему принять на себя учительскія обязанности, когда онъ не находилъ для школы достойнаго наставника; нельзя было, въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ, слѣдить за добросовѣстностію закащиковъ, собиравшихъ учениковъ; нельзя было сразу провести въ сознаніе невѣжественнаго духовенства мысль о необходимости образованія; не въ его власти было печатать нужные учебники и раздавать ихъ бесплатно. Школа навязывалась духовенству насильно и страдала отъ его исторически крѣпкаго равнодушія къ образованію. Ни времени, ни средствъ къ тому, чтобы помирить его съ новою жизнію и съ новыми требованіями, не было. Хорошее начало, говорятъ, — половина дѣла. Починъ въ дѣлѣ духовнаго образованія при Петрѣ В. сдѣланъ все-же хорошій, энергичный, и нельзя не признать, что главная роль въ немъ принадлежала просвѣщеннымъ епископамъ петровскаго времени, которыхъ, къ счастью, сравнительно съ прежнимъ временемъ, было мно-

(1) Русскій расколъ старообрядства. 435—7.

го, благодаря умѣнью Петра выбирать людей. Со стороны правительства, повторимъ здѣсь, дана была инициатива и нравственная поддержка архипастырямъ: оно предписывало, одобряло, отмѣняло, но—и только. У него не оказывалось средствъ на матеріальную поддержку просвѣтителей духовенства. Послѣдніе сами должны были изыскивать эти средства.

II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

1) Учебники и учебныя пособія по разнымъ предметамъ преподаванія въ духовныхъ школахъ. Поспѣшное устройство школъ сопровождалось быстрымъ возрастаніемъ нужды въ книгахъ и прежде всего въ учебникахъ, которыхъ раньше въ Москвѣ почти совсѣмъ не было, а изъ Кіева по этой части можно было заимствоваться не многимъ. Образованные члены вновь составившагося училищнаго персонала и нѣкоторые постороннія лица взяли на себя трудъ издать по крайней мѣрѣ необходимѣйшія руководства. Лучшими учебными заведеніями, какъ мы видѣли, при Петрѣ В. были: древнѣйшая по происхожденію кіевская collegія, затѣмъ московская академія и новгородская школа. Наставники этихъ заведеній по преимуществу и были авторами разныхъ руководствъ, появившихся въ разсматриваемую эпоху. Слѣды различныхъ ученыхъ симпатій отразились на ихъ письменныхъ произведеніяхъ точно также, какъ и на ихъ проэктахъ по устройству школъ. Смѣлымъ, торопливымъ новаторомъ здѣсь, какъ и вездѣ, является Ѳ. Прокоповичъ съ своей книжкой: „Первое ученіе отрокомъ“. Преслѣдуя одну изъ главныхъ задачъ школы—распространеніе въ Россіи языкознанія, люди, даже мало причастные къ училищному дѣлу по своимъ пря-

мымъ обязанностямъ, принялись за составленіе греческихъ и латинскихъ букварей, грамматикъ и лексиконовъ, жертвуя подчасъ здоровьемъ и деньгами. Въ предисловіяхъ къ произведеніямъ этого рода можно прослѣдить, насколько ихъ авторы радѣли о томъ, чтобы положить на алтарь науки посильную лепту, какъ они смотрѣли на образованіе и старались идти въ уровень съ современными требованіями. Иоаннъ Максимовичъ удивляется, какъ это случилось, что „великое всероссійское государство“ до 18 в. почти совсѣмъ не обращало вниманія на изученіе иностранныхъ языковъ, и работаетъ надъ лексикономъ, не жалѣя никакихъ усилій. Типографщикъ Ѳ. Поликарповъ, одобрявшій слишкомъ большаго тяготѣнія Россіи къ западу, жертвуетъ своими убѣжденіями въ пользу науки, составляетъ руководства къ ознакомленію съ западной литературой. Ѳ. Максимовичъ, учитель новгородской школы, рѣшается поколебать давнишній авторитетъ Смотрицкаго, когда нашелъ его грамматику слишкомъ мудреной, растянутой и по мѣстамъ не состоятельной. Неутомимые братья Лихуды, безъ претензіи на славу въ печати, трудятся надъ разнообразными учебниками, требовавшими обширныхъ познаній и кладутъ на нихъ печать своего образованія и своихъ педагогическихъ стремленій—воспитывать русское юношество въ строгомъ греческомъ православіи по возможности безъ примѣси западнаго латинскаго образованія. Наконецъ, цѣлая серія учебниковъ съ схоластическими чертами осталась намъ отъ воспитанниковъ южно-русскихъ школъ, преимущественно отъ наставниковъ московской академіи.

Въ 1704 г. напечатанъ „Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтеній и писаній“. Онъ замѣчательнъ своимъ предисловіемъ; въ немъ много сатиры на неучей и доводовъ въ пользу просвѣщенія. Пекарскій дѣлаетъ догадку, что онъ написанъ подъ вліяніемъ государя. Въ 1717 году издано въ Петербургѣ: „Юности честное зерцало, или

показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ“. Въ началѣ книги помѣщена азбука („изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ, печатныхъ и рукописныхъ“) слоги („двописьменниі и триписьменниі“), затѣмъ, краткія правоученія изъ св. Писанія („по алфавиту избранныя“), числа перковныя (славянскія), ариѳметическія (арабскія) и римскія, наконецъ — правила житейскаго обхожденія. Назначенная для великосвѣтскаго юношества и въ свое время пользовавшаяся популярностью, эта книжка, по мнѣнію Пекарскаго, была предназначена и для мірянъ и потому не похожа на прежнія изданія этого рода, хотя, по мелочности правилъ „житейскаго обхожденія“, относится къ типу домостроевскихъ, назидательныхъ сочиненій⁽¹⁾.

Въ 1720 г. издано было составленное Теофаномъ Прокоповичемъ. „Первое ученіе отрокомъ“ — книжка очень типичная для своего времени. Въ предисловіи къ ней авторъ, обращаясь къ родителямъ и воспитателямъ дѣтей, доказываетъ, что нравственность отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ зависитъ отъ ихъ образованія, и напоминаетъ, что природа наша немощна послѣ прародительскаго грѣха и нуждается въ постоянномъ исправленіи. Въ Россіи онъ видитъ крайнюю скудость просвѣщенія религіознаго и крайнюю безнравственность, зависящую отъ незнанія закона Божія, который весь понимается въ буквѣ и сводится къ обрядности. Невѣжественные грамотѣи, „помышляя о себѣ, что, понеже читать умѣютъ, вельми мудріи суть... въ народѣ расколь дѣлаютъ. И кто изочтетъ, спрашиваетъ Теофанъ безчисленныя таковыхъ книжниковъ злодѣйствія, перомъ ихъ творимая? Разъяснивъ, „въ чемъ есть доброе отроковъ воспитаніе“, и замѣтивъ, что „многіе родители сами мало знаютъ о законѣ Божіемъ“ и потому не могутъ быть наставниками своихъ дѣтей, Прокоповичъ выводитъ заключеніе о необходи-

(1) Срав. Истор. Христом. Галахова, ч. 1, 39—40 и Пекар. 1, 178.

мости издать, согласно съ желаніемъ государя, „книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія, и символа вѣры, и молитвы Господней, и девяти блаженствъ и напечатать оную съ букваремъ; таковая книжица, заключающая авторъ, сочинена и напечатана; изъ нея отроки могутъ познати волю Божию и страха Господня отъ младыхъ ногтей научиться“, — подь руководствомъ родителей и наставниковъ. Дальнѣйшее содержаніе книги отвѣчаетъ ея заглавію, (1) т. е. сначала въ ней помѣщена азбука (въ 45 буквъ; между ними удержаны всѣ славянскія начертанія), затѣмъ — слоги (въ двѣ и три буквы), славянскія названія буквъ, „слози именъ по звуцѣ подь титлами, печатаемыхъ въ церковныхъ книгахъ“ и — параллельно имъ — „слози тѣхъ же именъ безъ титлъ, печатаемыхъ въ гражданскихъ книгахъ“, потомъ — „число церковное (до тысячи, съ припискою — „по сему же и прочая разумѣвай“) и „имена просодіямъ“. Вторая часть начинается трактатомъ „о законѣ Божіи, иже въ десятословіи“, изложеннымъ въ вопросоответной формѣ; у каждой заповѣди — краткое объясненіе. „Толкованіе молитвы Господни“ раздѣлено на 9 небольшихъ частей, въ которыхъ разсмотрѣны призваніе, прошенія и словословіе этой молитвы. „Поздравленіе архангельское пресвятой Богородицѣ“ помѣщено для ученія наизусть безъ толкованія: „зане само чрезъ себѣ ясно есть“. Объясненіе символа вѣры раздѣлено на 8 частей (нѣкоторые члены соединены въ толкованіи). „Краткое толкованіе блаженствъ евангельскихъ“, написанное въ вопросоответной формѣ, раздѣлено на 8 же частей; девятую часть трактата составляетъ „вопросъ общій и блаженствахъ“ — какъ бы сокращеніе всего предыдущаго, оканчивающееся совѣтомъ, чтобы „церковники,

(1) Полное заглавіе книги: „Первое ученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги. Также краткое толкованіе законнаго девятословія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ съ присовокупленіемъ діалогисма, сіесть бесѣды о догматѣхъ православ. церкви. Изд. СПб. 1819 г.“

отроковъ учащій, сами сія толкованія (десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ) наизусть изучили, дабы могли лучше учить отроковъ“. А для вящаго уразумѣнія этихъ толкованій, Теофанъ въ концѣ книги предлагаетъ „Диалогисмъ, сіестъ бесѣду о догматѣхъ православ. церкви“. „Диалогисмъ“ распадается на двѣ большихъ бесѣды: 1) „о Бозѣ, созданіи міра и смотрѣніи общемъ“, 2) „о смотрѣніи Божіемъ спасительномъ“ (относящимся къ человѣку). Эти бесѣды въ свою очередь раздѣлены на части. Часть 1 первой бесѣды: „о Бозѣ яко есть, и единъ есть, и каковъ есть въ существѣ и свойствахъ своихъ“; часть 2: „яко Богъ тройственъ есть въ лицахъ“; часть 3: „о созданіи міра и общемъ смотрѣніи“. Часть 1 второй бесѣды: „о человѣцѣ первомъ прежде паденія“; часть 2: „о человѣцѣ согрѣшившемъ“, часть 3: „о милосердіи Божій къ падшему человѣку и о его спасеніи воплотившимся Сыномъ Божіемъ и о прочихъ, смотрѣнію сему свойственныхъ, обстоятельствевахъ“. Эта часть еще подраздѣлена на рубрики: „о милосердіи Божіи на грѣшники; о воплощеніи Сына Божія; о двоихъ естествахъ въ Христвѣ и о единомъ лицѣ; о спасительномъ ходатайствѣ Христовомъ; о вѣрѣ спасительной; о таинствахъ; о церковномъ строеніи и—о будущихъ послѣднихъ“.

„Первое ученіе отрокомъ“, повторимъ здѣсь;—одно изъ типичнѣйшихъ произведеній петровской литературы, характернѣйшій памятникъ эпохи, когда десятки лѣтъ хотѣли замѣнить мѣсяцами, обширныя системы маленькими книжицами съ тѣмъ, чтобы наверстать потерянное время, сдѣлать многое при ничтожныхъ средствахъ. Небольшая книжка Прокоповича хотѣла изобразить собою сокращеніе двухъ громадныхъ богословскихъ наукъ съ самымъ богатымъ содержаніемъ и напоминаетъ нынѣшній катихизисъ. Сравнивая выписанные сейчасъ заголовки изъ „Диалогисма“ съ планомъ догматической системы Теофана, нельзя не видѣть, что они сходны между собою по внутреннему построенію, основаны на

одномъ и томъ же дедуктивномъ методѣ богословствованія. Поэтому уже можно себѣ представить, до чего сжато изложено христіанское вѣро-и-право-ученіе въ „Діалогизмѣ“. Догматическая система Прокоповича занимаетъ три большихъ томовъ; если исключить изъ нея полемическій отдѣлъ, она сократится до двухъ томовъ, а „Діалогизмъ“ помѣстится на сорока небольшихъ листикахъ! Страницы съ пятью строчками текста и съ сплошными цитатами встрѣчаются въ немъ постоянно (1). Вообще, онъ представляетъ собою сборникъ хорошо связанныхъ цитатъ изъ св. Писанія съ прибавленіемъ иногда указаній на святоотеческія творенія, расположенныхъ по рубрикамъ обдуманной богословской системы, неразъясненныхъ достаточно для неподготовленнаго читателя, а „отрокамъ“ безъ руководства совсѣмъ непонятныхъ. На добрыхъ же руководителей въ школахъ рассчитывать было трудно. — Остальныя части книжки — такого же свойства. Въ нихъ находимъ иногда мысли, полное усвоеніе которыхъ возможно только при знакомствѣ съ церковной исторіей и философіей (2). Мы не хотимъ сказать, что въ „Первомъ ученіи отрокомъ“ все непонятно для обучающагося юноши, но первоначальнымъ руководствомъ его назвать нельзя и отсылать „отроковъ“ послѣ этой книжки къ изученію молитвъ и псалмовъ, какъ дѣлаетъ Теофанъ, — нерезонно. — Слѣды времени замѣтны и въ самомъ содержаніи разсматриваемаго произведенія, въ развитіи его мыслей. Къ грѣшникамъ противъ первой заповѣди относятся, между прочимъ, суевѣры. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ Теофанъ: „Суевѣрцы, яковии и между христаны обрѣтаются, которіи силу нѣкую вредную или полезную восписуютъ вешамъ или лицамъ нѣкимъ. Напримѣръ: разсуждаютъ, который день къ начинанію дѣла счастливый и который не счастливый

(2) Тамъ же, л. 11.

есть, кто въ стрѣчу добръ и кто не добръ, волхвуютъ же или волшебствамъ вѣрятъ, сны толкуютъ и прочая... Все же то все вѣруется, что не по слову Божію, но легкомысленнымъ разсказамъ и по бабьимъ баснямъ вѣруется“ (1). Рѣчь направлена противъ раскольническихъ и вообще народныхъ предрассудковъ, о которыхъ Теофанъ часто говоритъ и въ своихъ проповѣдяхъ. Нарушителями третьей заповѣди, между прочимъ, называются „они проклятіи дестцы, которіи иконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту некоему притворяютъ чудеса и откровенія, или ложныя обносятъ мощи подъ именемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, или и самихъ себе окаянии славятъ провидцами и чудогворцами. Подобны и оны на Бога дутъ, которіи ложныя или суевѣрныя догматы учатъ за истинныя, съ вѣденіемъ своимъ противъ совѣсти своей“ (2). — Самый тонъ рѣчи показываетъ Теофанову руку — тяжелую, немилующую. Языкъ у Теофана отличается здѣсь простотой и живостью. — Изданіе „Перваго ученія отрокомъ“ имѣло свою исторію. Ему предшествовало давнишнее желаніе государя „краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣлось), также сдѣлать книгу, гдѣ изяснить: что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное и что ко времени и случаю примѣнялось, дабы знать могли, что въ какой силѣ имѣть“ (3). Въ Регламентѣ проэктировалось издать „три книжицы; первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью такуюю, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя

(1) Тамъ же, л. 10.

(2) Тамъ же, л. 45.

(3) Пекар. I. 181.

проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и
наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о
должностяхъ всякаго чина. Первую и вторую книжи-
цу, говорится въ Регламентѣ, могутъ и дѣти учить
изъ начала букварнаго своего ученія“. „Ученіе отро-
комъ“ удовлетворило отчасти нуждѣ, по которой задуман-
ны были означенныя книжицы (оно читалось даже
по церквамъ) и если на первыхъ порахъ не было по-
всюду распространено, то лишь потому, что отпечата-
но было не въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ,
хотя, съ другой стороны, на первыхъ порахъ же не
всеѣ отнеслись къ нему благосклонно. Появилась кри-
тика, обвинявшая автора букваря въ томъ, что „во
всѣмъ ономъ катихизисѣ нигдѣже о крестѣ не вспо-
минается“, тогда какъ мы, „православніи хрістіане
ничтоже древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе
имамы, паче святаго и спасительнаго креста“; съ него,
по мнѣнію критика, и нужно всегда начинать обученіе
дѣтей. „Азь мню быхъ, замѣчаетъ онъ, яко для вящей
краткости оставлено, что же иніи разумѣють, они зна-
ють“. Краткія, приличныя случаю молитвы, предпослан-
ныя Теофаномъ букварю, не спасли его отъ подозрѣнія.
„Аще бы кто нынѣ (говорить критикъ) инымъ, кромѣ
сего (издавна установившагося пріема обученія—чрезъ
молитвы и псалмы), ученіемъ отроковъ усиливался при-
вести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ
сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже
могъ бы избыти порока подозрѣнія, кольми паче но-
воизобрѣтатель, или древняго обычая истребитель
мнимъ и презираемъ былъ бы“. Ужъ такое тревожное,
безпокойное было время! Въ отвѣтъ на эту критику,
съ надписью „отъ Прокоповича“, все „препятія пре-
кословіемъ толь неискуснымъ и неправеднымъ“, т. е.
все нападки на букварь Теофана, объясняются двумя
невѣжествами—грамматическимъ и богословскимъ (1).

Изъ руководствъ по грамматикѣ, изданныхъ въ
петровскій періодъ, болѣе употребительны были два.

(1) Пекар. I, 178—81.

наконецъ, прибавилъ новую часть рѣчи — междометіе и назвалъ нарѣчіе надглаголіемъ. Замѣчательна, говоритъ Пекарскій, попытка Максимова изложить правила не только книжнаго, но и разговорнаго, т. е. русскаго языка.

Вотъ что говоритъ самъ авторъ о перемѣнахъ, сдѣланныхъ имъ въ грамматикѣ, и о руководившихъ имъ побужденіяхъ. „Въ сочиненіи же тоя (грамматики) присовокупишася нѣкая правила, ибо многая употребленія обносима зрятся, а правилъ себѣ въ славянстей грамматичѣ не имѣють; отъ нихъ же едино на прикладъ (напримѣръ) здѣ предлагается: Давидъ роди Соломона отъ уриины. Се полагается едино имя прилагательное со отгьятіемъ существительнаго, еже при слышимо бываетъ сіе: жены; но и простѣ употребляется по сему правилу, якоже сіе: держи объма, приразумѣвается существительная сіе: рукама. Положишася же свойства нѣкая еврейская и греческая, яже въ св. писаніи на славянскомъ діалектѣ премногая зрятся, а како правилами употребляются—не объяснено, къ вѣденію же въ грамматичѣ весьма нужная, ибо невѣдущему сихъ въ писаніи разсуждати и разбирати вельми трудно и смущенно, что въ припоказъ, (для наглядности) одинаго еврейскаго свойства правило предлагается: будутъ два въ плоть едина, и аще имать по славянстей грамматичѣ разбиратися, будетъ неправильно, понеже глаголь существительный и предъ собою и по себѣ взыскуеть падежа именительнаго, а здѣ по глаголѣ лежитъ винительный со предлогомъ *во*, а не именительный; славянски же употребляется сиче: будутъ два плоть едина... Таже стихотворная просодія славяномъ, яко ненужна и едва употребляема, оставися, а яко и зрятся нѣкіе стихи, равносложнѣ и подобоокончателнѣ славяны употребляемые, но сіи токмо еодержать роды пѣтическіе, а мѣра въ нихъ весьма не хранится“ и т. д. (1).

(1) Пекар. I, 285—6, а также Христ. Чт. 1877 г. Мартъ—апрѣль. «Новгородскія епархіальныя школы въ петровскую эпоху», 362—5.

руководство Максимова было издано въ ноябрѣ 1723 года подъ заглавіемъ: „Грамматика славянская, вкратцѣ собранная въ грѣко-славянской школѣ, яже въ Великомъ Новгородѣ при домѣ архіерейскомъ“.

Черниговскій архіепископъ и потомъ митр. тобольскій Іоаннъ Максимовичъ († 1715) въ предисловіи къ составленному имъ лексикону, или латино славянскому словарю, высказываетъ удивленіе, что до его времени языкознаніе въ Россіи далеко не процвѣтало. Этотъ фактъ исторически онъ объясняетъ тѣмъ, что Россіи въ старину, вълѣтствіе постоянныхъ войнъ, было не до языковъ, не до школьнаго ученія, которое вытѣснялось ученіемъ воинскимъ. Духовенству ближе всего было бы заняться наукой, но оно коснѣло въ невѣжествѣ и, кромѣ церковныхъ книгъ, ничего не хотѣло знать. Только въ Кіевѣ благодаря Петру Могилѣ, нашель себѣ пріютъ латинскій языкъ; отсюда онъ перенесенъ и въ Москву, но преподаваніе его здѣсь, за недостаткомъ хорошихъ учителей, грамматикъ и лексиконовъ, не могло быть успѣшно. Выводъ у Максимова таковъ, что-де нужно позаботиться о составленіи означенныхъ руководствъ къ языкознанію.— Въ московской академіи, основанной Лихудами, дѣйствительно, латинскому языку не посчастливилось; хотя онъ и былъ введенъ, но его оттѣснялъ на второй планъ языкъ греческій, родной ученымъ братьямъ. Памятниками усердныхъ педагогическихъ зачатій Лихудовъ остались учебники по разнымъ предметамъ академическаго курса, между которыми оказываются и грамматики греческая и латинская. Последняя написана по источникамъ греческимъ и итальянскимъ и представляетъ собою не полное руководство, сборникъ грамматическихъ уроковъ, раздѣленныхъ на три части — по числу трехъ классовъ, гдѣ ихъ нужно было преподавать. Это внѣшнее дѣленіе произвело безсистемность въ изложеніи правилъ, смѣшеніе этимологіи съ синтакси-

(1) Исторія русскаго языка. См. стр. 17—18.

(2) П. то в рѣшѣннѣйшій языкъ.

сомъ (1). Греческихъ грамматикъ Лихуды составили двѣ: краткую для учениковъ перваго класса (infima) и болѣе обширную для риторовъ (2). Обѣ онѣ въ основѣ имѣютъ грамматику К. Лискаря, изданную въ Венеціи 1673 г. Разница между ними обусловливалась въ одномъ случаѣ сокращеніемъ источника и своеобразнымъ способомъ изложенія (сократическимъ), а въ другомъ—дополненіями къ нему, принадлежащими самимъ Лихудамъ. Руководства бр. Лихудовъ къ изученію классическихъ языковъ остались въ рукописяхъ и не имѣли широкаго примѣненія въ духовныхъ школахъ. Съ переходомъ Лихудовъ въ Новгородъ ихъ грамматики явились и тамъ, но въ печать опять не угодили. Первыми печатными учебниками по словамъ Пекарекаго, нужно считать книги, изданныя Копіевскимъ въ Голландіи—славянскую и латинскую грамматику и вокабулы. Славянская грамматика составляетъ краткое извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго (съ приложеніемъ въ концѣ изображенія разговоровъ къ удобнѣйшему познанію языковъ) (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго). Грамматика страдала отъ отсутствія отчетливо-бемитологичности: требованія языка не выяснялись въ ней, и ученикъ не имѣлъ средствъ добратся до основнаго смысла „разговоровъ“, не понималъ цѣли ихъ изученія. Латинское руководство было составлено лучше. При всѣй краткости правилъ, хорошо подобранныхъ примѣры представляли учащемуся суть дѣла довольно наглядно и связно. Самъ Копіевскій, судя по предисловію, придавалъ большое значеніе „прикладнымъ образамъ, чрезъ всѣ части етимологіи проведеннымъ“, и надѣялся, что „во единѣмъ часѣ совершени въсякъ юноша разрѣшити всякое димяи слово возможно“—по изученію его грамматики. Вокабулы были не что иное, какъ собраніе различныхъ словъ, и часто

(1) Исторія москов. академіи Смицнова, 47—50.

(2) И та и другая—на греческомъ языкѣ.

употребительныхъ въ разговорѣ и размѣненныхъ по разнымъ отдѣламъ грамматики. Первымъ, отпечатаннымъ въ Россіи руководствомъ къ изученію латинскаго и греческаго языковъ, служить изданный въ 1701 году Ѳ. Поликарповымъ „Алфавитарь, рекше букварь словено-греко-латинскій“, — только тѣмъ и замѣчательный, что впервые ознакомилъ русскую (московскую) типографію съ иностранными шрифтами и черезъ это сдѣлалъ ее орудіемъ къ распространенію языкознанія, хотя и не въ большихъ размѣрахъ. Начинается онъ предисловіемъ, гдѣ разсказывается о сошествіи св. Духа на апостоловъ, раздаются похвалы царю, прославляющему имя Божіе и умножающему въру посредствомъ книгъ, печатанныхъ въ Московской типографіи и сообщается, что букварь составленъ въ чисто-православномъ духѣ, — безъ выдержекъ изъ языческихъ писателей. Прибавленіе въ немъ, сравнительно съ прежними букварями ⁽¹⁾, составляютъ стихотворенія Гр. Назіанзена, поученія Василия В. „къ юнымъ“ и т. п. Приложены къ нему и картинки педагогически-внушительнаго содержанія, о которыхъ намъ приходилось уже упоминать, — чертѣ старинныхъ учебниковъ. — Въ 1704 г. отпечатанъ въ Москвѣ „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славянскихъ, славно-греческихъ и латинскихъ сокровище“. Составлялъ его тотъ же трудолюбивый Поликарповъ, но не одинъ; — въ его исправленіи и дополненіи принимали участие м. Стефанъ Яворскій, Рафаиль Краснопольскій и бр. Лихуды. Въ предисловіи Поликарповъ обращается „съ увѣщательнымъ извѣщеніемъ“ къ читателямъ и доказываетъ необходимость изученія трехъ избранныхъ имъ языковъ. Славянскій языкъ, разсуждаетъ онъ, заслуживаетъ вниманія потому, что отъ него произошло множество языковъ, и самое имя его происходитъ отъ „слава“. Греческій языкъ важенъ, такъ какъ съ него

(1) О нихъ см. у Пекарскаго, I, 167 и дал. 101 и 102.

славено—греко—латинскимъ, здѣ въ Москвѣ печатнымъ, ради преложенія съ славянскаго на латинскій своихъ экзерцицій, новоучащихся и вспомогалъ, обаче еимъ, въ высшія школы переходящимъ, егда налагаетъ ея чтеніе книгъ латинскихъ, сколь неудобно и едва возможно, естъ въ школахъ неизученная, но ниже когда слышанная реченія разумѣти, разумъ творческихъ пояти и что прямо тая разсуждати, не сущу лексикону латино славянскому⁽¹⁾. При собираніи лексикографическаго матеріала и при систематизаціи его Максимовичъ понесъ многу тяжелаго, кропотливаго труда. Матеріалъ ему давали русскія и греческія книги и нѣсколько словарей, а расположилъ онъ его по образцу латино польскаго словаря Гр. Кнапія, въ свое время очень распространеннаго, Лексиконъ вышелъ объемистый и обработанный добросовѣстно, съ дѣльнымъ предисловіемъ⁽²⁾. Изученіе пѣтики, реторики, логики, психологіи и физики началось въ московской академіи съ Лихудовъ; отъ нихъ первыхъ остались и руководства по этимъ предметамъ, руководства не отпечатанныя, какъ и упомянутыя выше греческая и латинская грамматикѣ. Первые три преподавались на греческомъ языкѣ, психологія и физика — на латинскомъ. Главнымъ авторитетомъ у ученыхъ братьевъ служилъ Аристотель; онъ давалъ имъ и матерію и форму для ученой работы; только образцы краснорѣчія и другіе примѣры Лихуды съ большею похотою брали изъ святоотеческихъ твореній, находя это болѣе умѣстнымъ и полезнымъ въ духовной школѣ. Во второмъ періодѣ своего существованія (съ преобразованія при Петрѣ В.) московская академія имѣла у себя уже не двоихъ-трехъ, а многу ученыхъ наставниковъ по разнымъ предметамъ, которые, помимо руководствъ, принадлежавшихъ Лихудамъ

(1) Тамъ же, 1794—5.

(2) Тамъ же, 1796.

дамъ, занялись составленіемъ новыхъ учебниковъ по доступнымъ имъ источникамъ. Но, съ одной стороны, потому, что всякій профессоръ любилъ преподавать по своимъ запискамъ, оставляя въ забвеніи труды предшественника, съ другой — потому, что записки рѣдко попадали подъ типографскій станокъ, большая часть ихъ осталась въ малоизвѣстныхъ рукописяхъ, а нѣкоторыя и совсѣмъ затерялись, такъ что хронологически — постепеннаго преемства въ учебникахъ со времени Лихудовъ до конца разематриваемаго нами періода не оказывается. — Въ упомянутыхъ трудахъ находится мало самостоятельнаго и характернаго для эпохи; духовная высшая школа жила особнякомъ и рѣдко отражала въ себѣ интересы и перевороты кипучей государственной жизни; въ то время, когда Россія, въ лицѣ правительства, старалась стряхнуть съ себя обветшалыя формы существованія и жадно стремилась къ новизнѣ, представители нарождавшейся духовной школы рады были обосноваться на старыхъ авторитетахъ и усвоить ихъ, такъ какъ на этихъ авторитетахъ они сами воспитались и созрѣли умственно. Если и были попытки самостоятельнаго исканія истины, чисто философскаго отношенія къ дѣлу науки, то они не приводили ни къ чему существенно-важному и ограничивались незначительными измѣненіями въ учебникахъ — опять таки подъ вліяніемъ какихъ либо иностранныхъ руководствъ, написанныхъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ Аристотеля. „Сей несравненный мужъ“ служилъ краеугольнымъ камнемъ академической философіи которая, распадаясь на нѣсколько частей, заключала въ себѣ и логику, и діалектику, и метафизику съ физикой. Какъ на образецъ можно указать на философскіе уроки Теофилакта Лопатинскаго подъ обширнымъ заглавіемъ: „*Trivium Aristotelis, ab Alcide Roxolano bienio decurrendum, sive tres philosophiae species: logica, phisica et metaphisica, Athenis Alexievicianis, sacrae Tsareae, Majestatis Moschoviensibus, prelucente Iavorsciana Cynthia, elucidari et publice tradi coeptae*“

anno 1704, nona Septembris“. Въ этомъ же родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, остались записки: „Speculum, civitatem scientiarum repræsentans seu summulæ logicalis, anno verbi incarnati 1708 expositæ“; „Tractatus phisicus in octo libros phisicorum Aristotelis an. 1710. De ente vero et ente bono. De anima“, — (лекція префекта Стефана Прибыловича) и „Universa Aristotelis philosophia, ad regulam christianæ veritatis conformata“ a reverendo patre et professore erudito hujusque philosophiæ doctore Gedeone Wisszniowsky scripta in collegio Cesareæ Majestatis Mosquensi, anno 1717, et sequenti“⁽¹⁾ Разсуждая объ обязанности философа искать истину самостоятельно, О. Лопатинскій говоритъ: „хотя мы уважаемъ всѣхъ философовъ, а преимущественно Аристотеля, однакожь, не утверждаясь на древнихъ мнѣнiяхъ, но желая узнать чистую истину, не полагаемъ ни на чьи слова. Философу свойственно довѣрять болѣе разуму, чѣмъ авторитету, потому что приязанность къ тому или другому автору не разъ извращала правильный выборъ мнѣнiй и дѣлала изъ ученыхъ обезьянъ. Умъ былъ не у одного Платона или Аристотеля; учившiе прежде насъ не суть властелины наши, но только вожди. Истина открыта для всѣхъ и еще не исчерпана: многое осталось отъ нея и для будущихъ поколѣнiй“. — Но, возражая противъ рабскаго подчиненiя древнимъ мыслителямъ на словахъ, О. Лопатинскій, равно какъ и его сотрудники по кафедрѣ, на дѣлѣ не въ силахъ были освободиться отъ подражанiя ихъ системамъ и всегда имѣли послѣднiя мѣриломъ, критерiемъ правильности собственнаго научнаго мышленiя; и авторитеты, признанные схоластикой и сильно подорванные на западѣ философiей Декарта, въ Россiи только еще, такъ сказать, заподозривались, а соперниковъ пока не имѣли, и сомнѣнiе въ ихъ непогрѣшимости было на

(1) Исторiя московской академiи, Смирнова М. 1855; стр. 1438 и дал.

столько же сознательно, на сколько прежде было сознательно благоговѣніе предъ ними. Въ тѣхъ же самыхъ лекціяхъ, гдѣ тамъ смѣло высказывался Теофилактъ о Платонѣ и Аристотелѣ, обнаруживается и его непривычка мыслить самостоятельно, робость передъ „открытой для всѣхъ истинной.“ которую требовалось найти. Радикализмъ упоминаемаго имъ Декарта, хотя и придалъ ему долю храбрости въ обращеніи съ Аристотелемъ, но положеніе „*cogito, ergo sum*“ въ его системѣ прозвучало бы фальшиво, если бы онъ вздумалъ его употребить. Даже любимое выраженіе академическихъ профессоровъ—*amicus Plato, sed magis amica veritas*—не совсѣмъ гармонировало съ общимъ характеромъ ихъ уроковъ, которые и по формѣ не были оригинальны, сохранивъ всѣ типическія черты западной схоластики, страдавшей излишнею привязанностью къ дѣленіямъ и подраздѣленіемъ и подчинявшей содержаніе формѣ. У Ѳ. Лопатинскаго философія раздѣлена на созерцательную (*speculativam*) и дѣятельную (*practivam*); къ первой относятся метафизика, ко второй—логика съ иѳикой. Логика отнесена къ послѣдней части на томъ основаніи, что духовная дѣятельность человека состоитъ изъ суммы дѣйствій ума и воли. За введеніемъ, у него слѣдуетъ *dialectica*, или *logica minor*, разсуждающая о трехъ дѣйствіяхъ ума—о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. *Logica major* разсуждаетъ о тѣхъ же дѣйствіяхъ, только пространнѣе, обстоятельнѣе. Въ ней сообщаются предварительныя свѣденія о свойствахъ, предметѣ и раздѣленіи логики; въ ней есть полемическая часть; сухія формы мышленія, представленные въ діалектикѣ, она подробно изслѣдуетъ и узаконяетъ научными доказательствами. „Въ содержаніи логики, говоритъ Смирновъ, схоластика болѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, отпечатлѣла свой тяжелый характеръ; она наполнила ее пустыми формами и отвлеченностями, трудными для изученія; если взять въ разсмотрѣніе даже тѣ части ея, которыя оживлены множествомъ примѣровъ, и тутъ въ разнообразіи формъ запутывается мысль; такова, напр., глава о видахъ силло-

гизмовъ, послѣ Аристотеля до крайности распространенная Галеномъ и схоластиками⁴. Сознвая ненужность и трудность для запоминанія логическихъ мелочей, Теофилактъ однако все ихъ помѣстилъ въ своей системѣ.—За логикой у Лопатинскаго слѣдуетъ физика, начинающаяся вопросами о началахъ вещей; кромѣ аристотелевскихъ изслѣдованій въ этой области, у него приводятся мнѣнія новѣйшей науки и проводится критическій взглядъ на нихъ съ точки зрѣнія христіанства. Изслѣдовавъ вопросы о природѣ вообще, о ея свойствахъ сходныхъ и противоположныхъ, о силѣ и дѣйствіяхъ искусства, Теофилактъ беретъ на себя задачу объяснить удивительныя явленія въ природѣ, на что посвящаетъ особый трактатъ—о естественной магіи, отличающійся обычною схоластическою дробностью. Вторая часть физики Лопатинскаго работаетъ въ совершенно отвлеченной области, занимается вопросами: о причинѣ и дѣйствіи вообще, о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной, о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ сношенія съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной и конечной. Третья часть изслѣдуетъ свойства тѣлъ—движеніе, покой, трактуетъ о пустотѣ и т. д. Вопросъ о времени заканчиваетъ физику.—Метафизика разсуждаетъ: о существѣ вообще, о существѣ возможномъ и дѣйствительномъ, о свойствахъ существа, о субстанціи, о Богѣ и ангелахъ, о противоположностяхъ сущаго, объ отрицаніи существа, о существѣ химерическомъ. Вдаваясь часто въ мелочи и не провѣряя источниковъ естествознанія, Теофилактъ излишне осложнилъ и запуталъ планъ своей метафизики и далъ въ ней мѣсто невѣроятностямъ.—Июки въ лекціяхъ Лопатинскаго не оказывается; но, для полноты обзора философскихъ уроковъ въ московской академіи, ея историкъ изложилъ содержаніе этой науки по урокамъ Козловича и Каллиграфа, составленнымъ гораздо позже разсматриваемаго нами періода (въ половинѣ 18 ст.) и по характеру своему свидѣтельствующимъ, что въ эту пору профессора ака-

деміи, подъ вліяніемъ западной философіи, приобрѣли больше самостоятельности, стремились къ сжатости изложенія и правильности его, сокращая уроки, въ виду опредѣленнаго учебнаго времени (1) — Лекціи по философіи О. Лопатинскаго могутъ характеризовать для насъ того же рода записки и другихъ наставниковъ академіи, ближайшихъ къ нему по времени. „Нельзя сказать, замѣчаетъ Смирновъ, чтобы записки ихъ были списками съ одного учебника: всякая система отличается по изложенію и объему. Видно, что каждый наставникъ желалъ быть самостоятельнымъ и не хотѣлъ вполне руководствоваться системой своего предшественника; но основаніе было одно — книги Аристотеля и комментаріи на нихъ, составленные во множествѣ перипатетиками среднихъ вѣковъ; оставалось по этому строго опредѣленному плану строить зданіе науки, и наставники не отступали отъ него въ существенныхъ пунктахъ. Они только разнообразили языкъ, сокращали, переставляли трактаты изъ одного мѣста въ другое, что и замѣтно во всехъ учебникахъ академіи“.

2) Сочиненія по догматическому богословію. Первымъ по времени руководствомъ по догматическому богословію для московскихъ учителей были лекціи по богословію Іоасафа Кроковскаго († 1718), бывшаго ректоромъ кіевской коллегіи, а потомъ кіевскимъ митрополи-

(1) Планъ науки Коллиграфъ: Часть I: Philosophia practica universalis. Гл. 1, de actionibus humanis earumque differentia, 2, de obligatione. 3, de lege naturae, 4, de poenis et praemiis, 5, de virtute et vitiis hominisque felicitate. 6, de conscientia, 7, de imputatione. Ч. II: ca. 1, de officiis erga Deum, 2, — erga se ipsum, 3, — erga alios. Ч. III: ca. 1, de virtutis studio, 2, de medio intellectus perficiendi, 3, de moderandis affectibus, 4, de temperantia, 5, de castitate, 6, de diligentia, liberalitate et parsimonia, 7, de modestia, 8, de virtutibus in fortuna secunda et adversa. Ч. IV: ca. 1, de idea Ecclesiae, 2, de potestate ecclesiastica, 3, de potestate conciliorum, 4, de potestate excommunicandi, 5, de membris Ecclesiae, 6, de jure officioque docentium, 7, de jure et officio antistitum.

томъ, подъ заглавіемъ: *Tractatus theologicus in collegio Kiewo—Mogiliano traditi et explicati*. Всѣхъ богословскихъ трактатовъ у Кроковского, кромѣ небольшого введенія, двѣнадцать. Приступая къ дѣлу, Юасафъ отказывается начинать богословіе „отъ перваго начала всѣхъ вещей Тріединаго Бога“, потому что это трудно; да и не все ли равно, разсуждаетъ онъ потомъ, вѣдь Богъ (начало) есть въ тоже время и конецъ всего,—почему же Имъ не кончить? Онъ намѣренъ прямо обратиться къ раскрытію догмата о воплощеніи Бога Слова и таинствъ, Имъ установленныхъ. Начинаетъ Кроковский все-таки съ того, что объясняетъ своимъ слушателямъ смыслъ названія „theologia“, указываетъ предметъ науки, ея значеніе и раздѣленіе (богословіе дѣлится на умозрительное и дѣятельное) и заключаетъ все это неожиданнымъ посвященіемъ лекцій Богу. „Вѣруемъ, Треблагій, говоритъ онъ, что четыре таинственныхъ животныхъ, образовавшихъ собою четырехколесную колесницу, какъ показываетъ намъ священная страница въ книгѣ (Іез. X, 9 — 15), приносятъ тебѣ торжественныя хваленія; вотъ и мы теперь посвящаемъ четырехколесную колесницу, т. е. четырехлѣтнія наши занятія богословіемъ, при Твоемъ содѣйствіи, для храненія, умноженія и возвышенія Твоей божественной славы“. — Руководясь въ составленіи плана своихъ уроковъ какимъ-то непонятнымъ капризомъ, Кроковский запуталъ его. Трудность разсмотрѣнія догмата о св. Троицѣ была не устранена имъ, а только отложена, между тѣмъ какъ употреблявшаяся до него система преподаванія богословія, послѣдовательная и гладкая съ формальной стороны, была нарушена, слѣдствіемъ чего явилась необходимость строить фальшивые переходы отъ одного трактата къ другому, изворачиваться на словахъ, хитрить съ слушателями. Послѣ разсужденій о воплощеніи, Кроковский говоритъ: „въ предшествующемъ трактатѣ мы разсуждали о Словѣ воплощенномъ, какъ о сынѣ Человѣческомъ по описанію Іоанна Богослова (Апокал. I, 13), опоясан-

номъ поясомъ златымъ и имѣющимъ главу и власы бѣлые, какъ волна и какъ снѣгъ, и глаза, какъ пламень огненный, т. е. разматривали Его святость, свободу и другія совершенства. Теперь обратимъ взоры свои на сего же Сына человеческого, какъ на ходящаго среди семи свѣтильниковъ златыхъ и держащаго семь звѣздъ въ десницѣ своей, т. е. какъ на учредителя семи таинствъ въ церкви.—За положительнымъ раскрытіемъ православнаго догмата, у Кроковскаго, обыкновенно, слѣдуетъ отрицательно-полемическое; споръ ведется и съ католиками и съ протестантами; ему придавалось особенное значеніе, такъ какъ православіе на западѣ было въ сильномъ гоненіи. Нравственно-богословскіе вопросы слѣдовали наряду съ догматическими; рѣшеніе тѣхъ и другихъ осложнялось мелочными тонкостями, обличавшими въ кievскихъ профессорахъ больше празднаго любопытства, чѣмъ строгой научности (1)—Изъ богословскихъ уроковъ, читанныхъ въ московской академіи, извѣстны лекціи того же О. Лопатинскаго съ названіемъ: „Scientia sacra, disputationibus theologicis ss. ecclesiae orientalis, scripturae, concilii et patribus consentaneis, speculative et controversae illustrata in collegio Petro-Alexiewiano Mosquensi an. 1706—10“. Полнотою эти лекціи превосходятъ уроки кievскихъ наставниковъ (2). „Мы приступаемъ къ великому дѣлу, — такъ начинается Теофилактъ свои чтенія. Если сотая часть капли вышшаго вѣденія приводитъ нашъ разумъ въ крушеніе, то что ему дѣлать, когда предъ нимъ будетъ безмѣрный океанъ всякаго совершенства? Если малѣйшій атомъ кажется огромною массою, подавляющею умъ человека, что сказать, когда онъ представитъ Того, Который держитъ всю вселенную? Не нашего ума это дѣло; это дѣло самаго неизреченнаго Бога, Который одинъ есть достойный

(1) Исторія кievской академіи, М. Булгакова, стр. 69 и дал.

(2) Тамъ же, стр. 136 и дал.

слушатель своего святаго Слова; не время, а вѣч-
ность нужна для возможнаго человѣку познанія о
Богѣ. Размышленіе о Немъ только умножаетъ, а не об-
легчаетъ трудность. Это испыталъ древній поэтъ Си-
монидъ, у котораго когда тираннъ Геронъ спросилъ:
кто Богъ и каковъ Онъ? то онъ просилъ у него два
дня на размышленіе и потомъ все откладывалъ отвѣтъ
и требовалъ прибавки срока. Удивленный тираннъ
спросилъ, наконецъ, его о причинѣ, почему онъ долго
не отвѣчаетъ на вопросъ. Симонидъ отвѣчалъ: чѣмъ
болѣе я размышляю, тѣмъ труднѣе для меня кажет-
ся рѣшеніе вопроса. Итакъ, не полагаясь на свои си-
лы, но испросивъ помощи отъ Господа, начнемъ о Немъ
слово“. Потомъ авторъ высказываетъ желаніе начать
преподаваніе богословія ученіемъ о тріединомъ Богѣ,
потому что Онъ есть начало всего и, подобно Кротов-
скому, строить произвольный планъ. „Вопервыхъ, мы
будемъ говорить, предупреждать онъ, о Богѣ, какъ
Богѣ, т. е. о Его бытіи, сущности и свойствахъ; во
вторыхъ, о Богѣ познающемъ, или о знаніи Божест-
венномъ, въ третьихъ, о Богѣ хотящемъ, или о хо-
тѣніи Божіемъ; въ четвертыхъ о провидѣніи Божіемъ,
о предопредѣленіи и отверженіи и, ех occasione, о про-
чихъ свойствахъ, какъ напр., о неизмѣняемости; въ пя-
тыхъ, о Богѣ въ троицѣ. Здѣсь же будемъ разсуждать
о Богѣ, какъ существѣ простомъ. А о невидимости
Божіей скажемъ въ слѣдующемъ году“. Предложивъ
такой странный планъ науки, Теофилактъ замѣчаетъ:
„Этотъ порядокъ намъ нравится и мы будемъ держать-
ся его“, поставляя, такъ образомъ, систематизацію зна-
нія въ зависимость отъ личнаго своего взгляда, а не
отъ логическихъ требованій. Смѣшеніе разнохарактер-
ныхъ вопросовъ у Лопатинскаго—дѣло обыкновенное;
тайнства отнесены у него къ нравственному учению
въ трактатѣ о вѣрѣ говорится о вѣрѣ, какъ добродѣ-
тели и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о предметахъ вѣры: о Богѣ,
откровеніи, преданіи; въ трактатѣ о правѣ и правед-
ности, наряду съ вопросомъ о гражданскомъ и церков-

номъ правѣ, поставленъ вопросъ о правахъ ангеловъ, о правѣ ангеловъ и людей — плодъ схоластическаго любопытства, слѣдствіемъ котораго также являются въ урокахъ Лопатинскаго вопросы, мало вяжущіеся съ серьезнымъ дѣломъ преподаванія богословія, напр. о волшебствѣ и его видахъ. Правда, этотъ вопросъ съ практической точки зрѣнія былъ важенъ въ петровскую эпоху, но мѣсто ему было не въ догматическомъ богословіи. Придерживаясь категорическихъ указаній Аристотеля въ размѣщеніи отдѣловъ науки, Лопатинскій и его товарищи по кафедрѣ игнорировали природную, внутреннюю зависимость этихъ трактатовъ другъ отъ друга, основанную на ихъ содержаніи. Въ силу того правила, что „образъ ученія о противоположныхъ предметахъ сходенъ“, и что противоположные предметы становятся болѣе ясными, когда „поставляются одинъ подлѣ другаго“, схоластики, незадумываясь, предлагали въ одномъ трактатѣ ученіе о добродѣтели, о порокахъ, оправданіи, благодати и заслугѣ.⁽¹⁾ Привнося въ богословскую науку начала діалектическаго ума и не сдерживая любопытства послѣдняго тамъ, гдѣ откровеніе не могло его удовлетворить, излагая систему по категоріямъ Аристотеля, недостаточно сообразуясь съ тѣмъ, какіе предметы для изслѣдованія давала сама библія, схоластика отводила почетное мѣсто въ богословіи тому, что съ точки зрѣнія откровенія не важно, и, на оборотъ, мало останавливалась на богословскихъ вопросахъ, не подходившихъ подъ гостовыя рубрики. Въ видахъ примиренія философіи съ богословіемъ, знанія съ вѣрою, схоластика считала себя въ правѣ пополнять страницы богословскихъ системъ нерѣдко мелочными изысканіями естественно - научнаго свойства, при чемъ на достовѣрность этихъ изысканій обращала недостаточно вниманія и допускала въ нихъ много леген-

(1) Ист. Моск. акад. 140.

дарнаго. Въ разѣ опредѣленныя систематическія формы вкладывался громадный и разнородный научный матеріалъ, подвергаясь урѣзыванію, сокращенію тамъ, гдѣ онъ не подходилъ подъ готовую логическую мѣрку. Благоговѣніе передъ формой всегда вредило содержанію, между предметами котораго порывалась естественная связь и устанавливалась фальшивая. За отсутствіемъ свободы въ изслѣдованіи, схоластики, при томъ, рѣдко пользовались свѣжимъ матеріаломъ для построенія новыхъ системъ; они больше писали комментаріи на комментаріи, передѣлывали и перетолковывали старое, упражнялись въ выводахъ однихъ понятій изъ другихъ, въ составленіи силлогизмовъ изъ вербальнаго запаса, въ изобрѣтеніи ловкихъ діалектическихъ оборотовъ. Крупные и мелкіе отдѣлы науки у московскихъ профессоровъ богословія располагались большею частью по слѣд. плану. Ставился очередной для рѣшенія вопросъ; за нимъ слѣдовалъ отвѣтъ въ формѣ нѣсколькихъ положеній, обозначенныхъ цифрами — положеніе первое, положеніе второе и т. д.; далѣе слѣдовали „доказательства“ изъ св. писанія и „подтвержденія“ изъ отеческихъ твореній, сопровождавшіяся иногда мнѣніемъ богослововъ и богословскимъ силлогизмомъ. Рядомъ съ отвѣтомъ на вопросъ идутъ возраженія и ихъ опроверженія, заимствованныя изъ исторіи церковной полемики, или придуманныя вновь. Положительный и отрицательно-полемиическій отдѣлы одинаково переполнялись подробностями, выходили растянутыми и значительно запутанными, такъ что студентамъ не удавалось ихъ выслушивать сполна, не смотря на четырехлѣтній курсъ.

Слабая сторона схоластическихъ богословскихъ системъ легко подмѣтилъ Теофанъ Прокоповичъ и взялся устранить ихъ въ своихъ богословскихъ трактатахъ, читанныхъ въ кievской коллегии. Прежде всего въ этихъ трактатахъ онъ отдѣлилъ богословіе догматическое отъ нравственнаго, специализировавъ то и другое и точнѣе опредѣливъ ихъ задачи. Примѣръ

Прокоповича вызвалъ множество подражаній. Съ его трактатами сперва академическіе, а потомъ и семинарскіе преподаватели богословія обходились такъ же, какъ прежде обходились съ схоластическими системами, т. е. ихъ исправляли, сокращали, дополняли, такъ что въ результатъ система, извѣстная подъ именемъ Теофана, оказывается плодомъ работы цѣлой школы, трудившейся по почину Теофана и по его методу. Такъ какъ самъ Прокоповичъ не окончилъ своей системы, то его послѣдователямъ предстояло, придерживаясь его указаній, сдѣланныхъ въ обширномъ введеніи, восполнить недостающее. Изъ восьми трактатовъ, написанныхъ Теофаномъ, говоритъ Червяковскій, въ несомнѣнно - подлинномъ видѣ до насъ дошло только одинъ (*) Вотъ ихъ перечень: 1) о священномъ писаніи (это введеніе въ богословіе), 2) о Богѣ единомъ 3) о Богѣ троичномъ, 4) объ исхожденіи Св. Духа (особенно много измѣненный), 5) о твореніи и промышленіи, 6) о состояніи невиннаго человѣка, 7) о состояніи человѣка поврежденнаго, 8) о благодатномъ оправданіи грѣшника чрезъ Христа. Во введеніи, состоящемъ изъ 13-ти главъ, послѣ вступительной рѣчи, раскрывающей важность богословія и указывающей условія, безъ которыхъ немислимо изученіе его (смиренномудріе, свобода отъ предвзятыхъ идей, расположеніе вѣрить св. писанію и благодать Божія), Теофанъ даетъ научное опредѣленіе богословія, указываетъ его главные предметы и цѣль (гл. 1); дѣлитъ богословіе на догматическое и нравственное (2 гл.); представляетъ порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ, которыми должна заниматься наука. Главныхъ частей въ догматикѣ двѣ: од-

(*) *De gratuita peccatoris per Christum justificatione.* Христ. Чт. 1876 г. I. стр. 35. Полное собраніе трактатовъ Прокоповича съ исправленіями и дополненіями извѣстно въ печати подъ заглавіемъ: *Christianae Orthodoxae Theologiae in academia Kiwiensia Theophane Procopowicz ejusdem academiae rectore, postea archiepiscoppa Novogradensi, adornatae et propositae volumen primum, secundum et tertium.*

на изъ нихъ учить о Богѣ въ себѣ (de Deo ad intra), другая—о Богѣ въ Его дѣйствіяхъ, проявленіяхъ (ad extra). Подраздѣленія 1-й части: а) о Богѣ въ Его существѣ, о бытіи, общихъ (всѣмъ тремъ лицамъ) свойствахъ, б) о Богѣ въ лицахъ, въ ихъ отношеніяхъ и признакахъ. Такъ какъ внѣшняя дѣятельность Божества слагается изъ предопредѣленія (decretum), совѣта Божія о дѣйствіи и изъ самаго дѣйствія, то дѣленія 2-й части слѣдующія: а) предопредѣленіе и совѣтъ Божій о дѣйствіи, б) дѣятельность, проявляющаяся въ твореніи и промысленіи. Твореніе частіе разсматривается по отношенію къ міру видимому и невидимому, промысленіе бываетъ общее (о природѣ разумной и неразумной) и особенное—о падшемъ человѣкѣ. Трактатъ объ особенномъ промысленіи долженъ разсуждать о паденіи перваго человѣка и чрезъ него всего чело-вѣчества и объ Искупителѣ, т. е. *α*, о таинствѣ воплощенія, *β*, о служеніи Посредника (І. Христа) и *γ*) о Его двойномъ состояніи. Плоды искупленія усваиваются не всѣми, а только тѣми, которые не противятся благодатному призванію, предопредѣлены ко спасенію на основаніи божественнаго предвѣденія; поэтому богословіе должно говорить и о призваніи и о предопредѣленіи, а потомъ о противоположномъ имъ отверженіи. Такъ какъ, далѣе, искупленіе полезно только подъ условіемъ усвоенія его, то богословіе говоритъ и объ этомъ усвоеніи, т. е. о причинѣ его—благодати,—о способѣ или орудіи: вѣрѣ и божественныхъ таинствахъ,—и о плодахъ усвоеннаго искупленія: оправданіи, усыновленіи, освященіи и прославленіи. Въ концѣ слѣдуетъ рѣчь о предметѣ предопредѣленія, призванія и искупленія, т. е. о церкви Христовой, которая разсматривается въ четырехъ состояніяхъ: до закона, подъ закономъ, въ благодати и славѣ.—Предметъ нравственнаго богословія—добрыя дѣла, обозначаемыя въ писаніи именемъ любви. Любовь—двойкая: къ Богу и ближнему; поэтому нравственное богословіе разсуждаетъ: 1) о религіи, какъ выраженіи любви къ Богу, 2) о спра-

ведливости, которая состоитъ въ любви къ ближнему. Въ порядкѣ изложенія предполагалось сообразоваться съ десятословіемъ. Къ ученію о каждой заповѣди проектировалось присоединить ученіе о противоположныхъ ей порокахъ, объ обѣтованіяхъ Божіихъ, хранителяхъ закона и о наказаніяхъ преступникамъ его (3 гл.) Далѣе слѣдуютъ: разсужденіе объ основномъ началѣ богословія, каковымъ главнымъ образомъ, съ научной, формальной точки зрѣнія, признается одно св. писаніе (4 гл.), вопросъ объ авторитетѣ св. писанія (5 и 6 гл.), о необходимости его (7), о ясности (8), о совершенствѣ и полнотѣ (9), о правильномъ толкованіи его (10), о каноническихъ книгахъ (11), о переводѣ св. писанія на отечественный языкъ (12), о значеніи для богословія соборовъ, преданій и отеческихъ писаній (13) (1). За введеніемъ слѣдуетъ первая часть богословія — догматическая. Она представляетъ собою строго-логическое развитіе намѣченныхъ во введеніи пунктовъ по правильно построенному плану (2). Тоже нужно ска-

(1) Большая часть этой главы написана не Теофаномъ. Хр. Чт. 1876 г. I, 36.

(2) Трактатъ о Богѣ въ Его существѣ распадается на двѣ книги: одна говоритъ о сущности, бытіи и свойствахъ Божіихъ общихъ, другая — о свойствахъ Упостасей и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Первая книга содержитъ 19 главъ. Въ нихъ предлагается: опредѣленіе и описаніе Бога на основаніи св. писанія; рѣшеніе вопросовъ — можетъ ли сотворенный разумъ познать и объять Божество (противъ древнихъ аномеевъ), можно ли заключить понятіе и Богѣ въ логическое опредѣленіе (противъ схоластиковъ, частиѣ — противъ Франциска Шварца, который изъ своего опредѣленія «Deus est ens a se» думалъ вывести всё совершенства и свойства существа Божія и доказывалъ, что это опредѣленіе достаточно для познанія божественной сущности. Lib. I. De essentia et existentia Dei, cap. II и III.); раскрывается смыслъ ветхозавѣтныхъ именъ Божіихъ (2 гл.); доказывается бытіе Божіе (противъ атеистовъ — гл. 3), единство Божіе (противъ язычниковъ — гл. 4 и 5), простота божественной сущности (противъ антропоморфистовъ, представлявшихъ Упостаси св. Троицы въ особенныхъ образахъ и приписывавшихъ Божеству нѣкоторыя ощущаемыя свойства, въ родѣ фаворскаго свѣта — 6 и 7 гл.); говорится о свойствахъ Божіихъ вообще (8 гл.) и, въ частности, о совершенствѣ (9), о

затѣ и о второй части, которая осталась неоконченною; содержаніе ея въ общихъ чертахъ намѣчено въ трактатѣ „De statu hominis integri“. Матеріалъ у Теофана систематизированъ строго, вслѣдствіи чего цѣль шагъ

безконечности и вѣчности (10), безредѣльности (11), неизмѣнности (12), премудрости (13), всемогущества (14), волѣ (15), благодати (16), жизни и безсмертіи Божества (противъ акефаловъ — (17), о всеблаженствѣ и отрицательныхъ свойствахъ Божіихъ (18 и 19). Вторая книга, кромѣ вступленія, также состоитъ изъ 19-ти главъ и трактуетъ «о священнѣйшемъ таинствѣ святѣйшей и нераздѣльной Троицы». Здѣсь, на основаніи св. писанія излагаются единство, троичность и различіе Упостасей Божества (1 и 2 гл.), опровергаются возраженія и заблужденія относительно троичности. Лицъ (преимущественно-социніамъ, видѣвшихъ въ І. Христѣ только человѣка, а въ Духѣ святомъ силу Божию—гл. 3, 4. и 5), подробно раскрывается Божество І. Христа изъ мѣстъ ветхаго завіта, которыя говорятъ о Богѣ израилевомъ и въ нов. завітѣ прилагаются ко Христу,—изъ мѣстъ нов. завіта, гдѣ І. Христосъ называется сыномъ Божиимъ собственнымъ, а не усыновленнымъ (6 — 9 гл.),—изъ божественныхъ именъ, приписываемыхъ І. Христу (10),—изъ свойствъ, которыми Онъ обладалъ, какъ Богъ (11),—изъ дѣяній Его, возможныхъ только для Бога (12),—изъ того почтенія, обожанія, какое требуется І. Христу по ученію св. писанія и которое приличествуетъ одному Богу (13),—изъ свидѣтельствъ сивиллиныхъ книгъ и отеческихъ твореній (14), опровергаются новыя возраженія социніанъ противъ божества І. Христа, на основаніи св. писанія и силлогистическихъ выводовъ (16 и 17), доказывається божество св. Духа (тѣмъ же способомъ, какъ и Сына Божія) и разоблачается лжеученіе по этому предмету древнихъ и новыхъ еретиковъ (аріанъ, македоніанъ, евноміанъ, признававшихъ Св. Духа лицомъ, сотвореннымъ отъ Сына, социніанъ, разумѣвшихъ подъ св. Духомъ силу Божию—15 и 18 гл.); наконецъ говорится о важности православнаго ученія о св. Троицѣ (19). Кромѣ указанныхъ главъ о св. Духѣ, Теофанъ составилъ особый обширный трактатъ «De processione Spiritus Sancti a solo Patre» дополненный Домаскинымъ—Семеновымъ—Рудневымъ) и историко-полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Historia, in qua de ortu et profectu controversiae graecos inter et latinos de processione spiritus sancti», представляющее къ первому трактату какъ бы введеніе. Трактатъ «О происхожденіи св. Духа отъ Отца» раздѣленъ на 20 главъ. Прежде всего здѣсь дается филологическое и историческое объясненіе богословскихъ терминовъ «исхожденіе» и «посланіе» и устанавливается предметъ спора (вопросъ не въ томъ, разсуждаетъ Теофанъ, посылается ли временно Духъ св. отъ Сына, а въ томъ—происходить ли Онъ отъ Сына въ вѣчности—1 гл.); потомъ объясняется основательно извѣстное

за шагом достигалась успешно, не смотря на уклонения полемического характера. Свое введение Теофанъ справедливо назвалъ свѣтильникомъ, необходимымъ въ богословіи болѣе, чѣмъ въ какой либо другой наукѣ.

евангельское мѣсто (Іоан. 15, 26), единственно—ясное указаніе св. писанія на происхождение св. Духа отъ Отца, неправильное понимаемое западными богословами (2 гл.); доказывается православное ученіе свидѣтельствами вѣроисповѣдныхъ символовъ, соборовъ, ссылками на древнія произведенія отцовъ восточной и западной церкви, а потомъ и логическии путемъ (3—5 гл.); опровергается неправильное толкованіе западными комментаторами тѣхъ мѣстъ св. писанія, которыя бросаютъ тотъ или другой свѣтъ на недоумѣнный вопросъ (6—12 гл.). Рядомъ съ опроверженіями у Теофана идетъ изложеніе православнаго ученія, основаннаго на авторитетѣ древней церкви. Въ виду того, что многія мѣста въ символахъ и твореніяхъ отцовъ, касающіеся разсматриваемаго догмата, искажены примѣнительно ко взгляду западной церкви, Теофанъ останавливается на правилахъ, которыми необходимо руководиться при употребленіи этихъ мѣстъ (13 гл.) и старается возстановить истинный смыслъ послѣднихъ (14 и 15), оправдываетъ православныхъ богослововъ отъ вводимой на нихъ клеветы, будто они, а не западные богословы, приравливали къ своему ученію свидѣтельство символовъ и отцовъ (16 и 17), осуждаетъ дерзость католическихъ богослововъ, допускающихъ вставки въ символъ, утвержденный вселенскими соборами (19 и 19). Въ заключеніи, приличномъ и для трактата о св. Троицѣ, говорится о взаимномъ отношеніи Упостасей (20 гл., написанная Дамаскиномъ—Рудневимъ). Здѣсь и оканчивается по плану Прокоповича первая часть догматическаго богословія, предметомъ которой служить «Deus ad intra».—Ученіе «De Deo ad extra» начинается трактатомъ «De creatione et providentia», состоящемъ изъ 14 главъ. Въ предисловіи къ нему различаются два вида творенія—физическій, относящійся къ видимой природѣ и мистическій, таинственный, благодатный; а также и два вида промысла—общій, относящійся ко всему сотворенному, и особенный—къ человѣку. О видахъ творенія и промышленія Теофанъ предполагалъ разсуждать во второй части своей системы, но не окончилъ ея; большая половина ея составлена уже его преемниками, преимущественно Самуиломъ Миславскимъ, ректоромъ и впоследствии митр. Киевскимъ (†1796). Въ трактатѣ «De creatione et providentia» Прокоповичъ съ схоластическою аккуратностію разбираетъ и строго разграничиваетъ причины творенія—дѣйствующую и конечную, матеріальную и формальную (causa efficiens, causa finalis, materialis et formalis); предметъ творенія раздѣляетъ на видимый и невидимый; первый дѣлитъ на тѣла простыя (элементарныя) и сложныя; сложныя тѣла—наодушевленные и неодушевленные; обстоятельства творе-

Опредѣливъ въ немъ специальную задачу догматическаго богословія и отдѣливъ последнее отъ нравственнаго, онъ устранилъ путаницу въ преподаваніи того и другаго; затѣмъ показалъ слушателямъ матеріалъ своей работы, указавъ способъ ея исполненія и условія, при

нія—на «modus», «tempus», «locus» и т. д. и все это въ связи съ полемикой противъ еретиковъ и ссылками на сочиненія по естествознанію. Излишняя схоластичность отчасти у этой части системы много жизненности и интереса. Трактатъ «De statu hominis integri» начинается краткимъ обзоромъ всего, что сдѣлано провидѣніемъ для человѣка, сотвореннаго невиннымъ, падшаго и возстановленнаго; за этимъ обзоромъ слѣдуетъ пунктуальное изложеніе всѣхъ вопросовъ, о которыхъ предстояло разсуждать въ другихъ, дальнѣйшихъ догматическихъ трактатахъ. Невинное состояніе человѣка разсматривается 1. по отношенію къ нему самому, къ его душѣ и тѣлу, 2. по отношенію къ внѣшней обстановкѣ его жизни въ раю. Въ трактатѣ «De statu hominis coarctati» предметы изслѣдованія разграничены сообразно послѣдствіямъ грѣхопаденія, которое разсматривается со стороны его вліянія 1) вообще на судьбу людей, 2) на судьбу только прародителей и 3) — только ихъ потомковъ. Самому Прокоповичу принадлежатъ первыя четыре главы этого трактата (а всѣхъ ихъ 14); на нихъ и остановилась его работа; но мы имѣемъ подробный конспектъ на окончаніе его системы, помѣщенный въ трактатѣ «De statu hominis integri». Вотъ онъ I. Человѣкъ, созданный Богомъ, до своего паденія былъ весьма счастливъ, превоспленъ внутренними достоинствами и внѣшними благами II. Послѣ паденія онъ осужденъ на смерть, лишился благъ внѣшней природы, непогрѣшимости ума и воли и впалъ въ болѣзни и пороки. III. Богъ, отъ вѣчности предвидѣвшій это паденіе, опредѣлялъ, по одной своей благодати, спасти родъ человѣческій. IV. Способъ избавленія людей отъ послѣдствій грѣха также былъ предопредѣленъ; онъ состоялъ въ посланіи Сына Божія на землю въ качествѣ посредника и примирителя, которому предстояло понести всю тяжесть наказанія за преступленіе человѣка и тѣмъ удовлетворить Божественному правосудію. Тѣхъ, которые прибѣгнутъ къ милосердію Сына Божія, Богъ предопредѣлялъ ко спасенію и вѣчной славы, а противниковъ Искушителя осудилъ на вѣчное мученіе. V. Предопредѣленное осуществилось въ свое время въ жизни Христа Спасителя VI. Плоды искупленія очевидны на сынахъ церкви Христовой, которые, по вѣрѣ въ Изавителя получили силы къ дѣланію добра и надежду на вѣчное спасеніе VII. Для усвоенія людьми даровъ благъ дати, Богу угодно было установить особенныя условія (partim ut causas instrumentalias, partim ut conditiones) — евангельскую проповѣдь и VIII) таинства IX. Вѣрующіе соединяются въ особое общество — церковь, которая переживала различныя состоянія и по этому должна быть разсматриваема до закона, подѣ закономъ, въ цар-

какихъ онъ беретъ за нее; предупредилъ недоразумѣнія (насколько это было въ его власти), какія могли возникнуть при оцѣнкѣ его труда, выразивъ напередъ свои симпатіи къ извѣстнымъ источникамъ богословія⁽¹⁾. Предлагая для богословія синтетическій методъ изслѣдованія, Теофанъ, по его же словамъ, сообщилъ ему „связный и сообразный съ природою предмета порядокъ изложенія“ и устранилъ неудобный локальный методъ, еще употреблявшійся въ 17 в. у восточныхъ и западныхъ богослововъ. Прокоповичъ заимствовалъ свой методъ изъ новыхъ системъ, искусно примѣнивъ

стѣ благодати и въ царствѣ славы. X. Для нашей же пользы Богъ открылъ намъ до нѣкоторой степени и будущее, нашу послѣднюю судьбу. Намъ ожидаютъ: смерть по тѣлу на землѣ, кончина міра, всеобщій судъ, вѣчная блаженная жизнь, если мы благочестивы, и вѣчныя муки въ противномъ случаѣ.—Вотъ краткое содержаніе системы Ѳ. Прокоповича (по лейпцигскому изданію 1782 г.), системы замѣчательной по тому перевороту, какой она произвела въ исторіи русскаго богословія, по авторитету, какимъ она пользовалась у нашихъ профессоровъ. Георгій Конискій (ректоръ и учитель богословія въ кievской академіи) и Аванасій Волоховскій (въ московской) первые стали читать лекціи по Теофановой системѣ (съ 1751 года) исправляя ее нѣсколько; Арсеній Могиланскій, митрополитъ Кіевскій, и Давидъ Нашинскій, ректоръ кievской академіи приняли систему Теофана, какъ исключительное руководство въ преподаваніи богословія (съ 1759 г.), вслѣдствіе чего трактаты Теофана, то въ отдѣльности, то вмѣстѣ и въ сокращенномъ видѣ издавались печатно (съ 1770 г.) и появились, въ качествѣ руководства въ невской семинаріи (съ 1778 г.); въ 1782 году Самуилъ Миславскій издалъ въ Лейпцигѣ оконченную имъ самую систему Прокоповича; Ириней Фальковскій (ректоръ кievской академіи съ 1803 г.) сократилъ догматическое богословіе Теофана и издалъ подъ заглавіемъ: «*Christianae orthodoxae dogmatico—polemicae theologiae compendium*»—изданіе, повторившееся въ 1827 г.; Іакинфъ Карпинскій, Сильверстъ Лебединскій, Макарій Волчанскій, Теофилактъ Горскій и Платонъ Левшинъ писали свои системы подъ сильнымъ вліяніемъ Теофана. Одни изъ подражателей Теофана писали догматическое богословіе отдѣльными трактатами (Іакинфъ Карпинскій и С. Лебединскій), другіе излагали его въ цѣлой системѣ Ир. Фальковскій и Ѳ. Горскій. Хр. чт. 1876 г. Догмат. Богослов. Макарія т. 1, 73—4.—

⁽¹⁾ Основат. разборъ «Введенія» — въ Хр. чт. 1876, 77 и 78 гг. Ст. Червяковскаго.

его къ православному вѣроученію и поставивъ, такъ образомъ, русское богословіе, какъ науку, на одинъ уровень съ западнымъ, — въ этомъ и заключается его капитальная заслуга. Первоисточникъ, начало богословія Теофанъ указываетъ въ св. писаніи, при чемъ доказываетъ авторитетъ послѣдняго, его необходимость, ясность, полноту: не это была новость для русскихъ богослововъ, а настойчивое напоминаніе имъ, что здѣсь, а не въ другихъ авторитетахъ нужно искать главныхъ основъ вѣроученія, что не слѣдуетъ прибѣгать къ второстепеннымъ и третьестепеннымъ источникамъ, нерѣдко искаженнымъ, когда нѣтъ въ нихъ настоящей нужды. Опредѣленія соборовъ, по Теофану, не могутъ служить началомъ богословія наравнѣ съ св. Писаніемъ, такъ какъ сами отцы, участвовавшіе въ соборахъ, искали основаній для своихъ рѣшеній въ богодухновенныхъ книгахъ; они могутъ быть названы второстепенными авторитетами богословской мысли и важны главнымъ образомъ, какъ руководители въ пониманіи св. писанія. Къ отеческимъ произведеніямъ Теофанъ обращался не за подкрѣпленіямъ своихъ мыслей, а за провѣркою ихъ, чтобы (по его выраженію) тѣмъ „заградить уста противниковъ, показавъ имъ согласіе всей церкви съ (его) ученіемъ“. Вводя новый методъ раскрытія богословскихъ истинъ и придавая большое значеніе въ своей работѣ логикѣ, какъ средству выводить изъ общаго начала частныя истины и возводить ихъ къ нему, Прокоповичъ не ставилъ критеріемъ ортодоксіи правильность логическихъ умозаключеній; начало и конецъ его сужденій встрѣчались въ св. писаніи, какъ своемъ первоисточникѣ; отъ исторической почвы онъ не открывался тамъ, гдѣ она была необходима и надежна, силлогизмы не предпочиталъ научнымъ даннымъ; прибѣгалъ къ первымъ большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда не видѣлъ возможности обойтись въ доказательствахъ при одномъ св. писаніи и преданіи, напр. въ вопросахъ: одна ли библія должна служить первоисточникомъ богословія, какъ толковать св. пи-

саніе и т. п. За положительнымъ раскрытіемъ того или другаго догмата, у него слѣдуетъ отрицательно-полемиическое; этотъ приѣмъ былъ общепотребительный, и въ системѣ Теофана занимаетъ видное мѣсто. Какъ строгій систематикъ, Прокоповичъ передъ каждымъ новымъ трактатомъ устанавливаетъ, путемъ отрицанія, ограниченія и раздѣленія, тему его, послѣ чего предметъ становится до рельефности яснымъ и не требующимъ оговорокъ въ дальнѣйшемъ своемъ раскрытіи. Тоже нужно сказать и о доказательствахъ Теофана: и они отличаются опредѣленностью, отчетливостью и, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ органическою связностью. Логическая форма ихъ разнообразна: то они строятся въ видѣ простаго силлогизма (доказательство единичности смысла св. писанія), то расширяются въ сложные умозаключенія (св. Писаніе имѣетъ божественный авторитетъ), при чемъ научныя данныя или занимаютъ мѣста различныхъ посылокъ (большихъ и малыхъ), или служатъ посредствующими звѣньями полисиллогизма, — то въ видѣ аналогіи, — умозаключенія по способу *ab absurdo* и *ad absurdum*, часто въ видѣ *sillogismus theologicus* и т. д. Прямыхъ доказательствъ, опирающихся на св. писаніе, отеческихъ произведеній и исторіи, Теофанъ всегда отдаетъ предпочтеніе, вслѣдствіе чего его дедукція является вѣскою убѣдительною и живою. Діалектическое оружіе больше всего онъ употребляетъ въ полемиическомъ отдѣлѣ; тамъ, гдѣ онъ не слѣдовалъ въ подробностяхъ своимъ источникамъ (западнымъ системамъ), живость и горячность его характера положили свою глубокую печать даже на эту, обыкновенно сухую, схоластическую часть. Мелочности въ спорѣ онъ по возможности избѣгалъ. „Схоластика (по его мнѣнію) занимала учениковъ пустыми спорами, поселяла въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости. Нужно преподавать науку (богословія) основательнѣе и достойно важности предмета, а не дѣлать изъ нея комедію“ (писалъ онъ профессорамъ кievской академіи). Эти слова коротко вы-

ражаютъ сущность Теофанова обращенія къ студентамъ (въ его „введеніи“) и хорошо характеризуютъ убѣжденія, съ какими онъ начиналъ и продолжалъ свой трудъ, цѣлю котораго было освободить богословіе отъ чуждыхъ ему, наносныхъ элементовъ и сообщить ему лучшую научную постановку. Что система Теофана достигла цѣли, это видно изъ ея популярности въ продолженіи почти столѣтія, хотя направленіе ея было несогласно съ католическими системами, считавшимися образцовыми. Много нужно было ума и ученой осторожности, чтобы отъ одной крайности не уклониться въ другую, чтобы, ратуя противъ схоластики и католицизма, не сказать чего-нибудь въ пользу протестантизма, особенно требовалось это отъ Прокоповича, человека горячаго и нетерпѣливаго. Не смотря на умѣнне облекать православное ученіе въ выработанныя инославными богословами формы, нѣкоторыя симпатіи къ протестантскимъ богословамъ, сквозятъ между строками, хотя и не настолько, чтобы позволительно было усумниться въ его православіи. Августинизмъ—замѣтная черта Теофановой догматики. Трактатъ „De statione hominis corrupti“ написанъ подъ его сильнымъ вліяніемъ. Западно-богословскіе источники, собранные Теофаномъ, конечно, не наугадъ, между которыми католическія системы (напр. Беллармина) служили только отрицательными пособіями, мишенью полемики, а лютеранскіе составляли вліятельное большинство—увлекали Теофана иногда какъ бы невольно и подеказывали ему подозрительно—неточныя выраженія въ родѣ: „паденіе человѣка состоитъ въ томъ, что онъ *потерялъ* образъ Божій“. Введеніе написано Теофаномъ главнымъ образомъ подъ двойнымъ руководствомъ католика Беллармина и кальвиниста Аманда Полянскаго, которые хотя парализовали другъ друга и поэтому позволяли православному богослову „держаться выше обоихъ враждебныхъ вѣроисповѣданій“ запада“ (какъ выражается Червяковскій), но не въ одинаковой степени: въ то время какъ противъ Беллармина Теофанъ

ведеть оживленную полемику (проходящую чрезъ всю систему и занимающую въ ней громадное мѣсто). Полянскимъ онъ пользуется въ положительномъ смыслѣ (!). Правда, и противъ него у Теофана есть возраженія, но они ничтожны сравнительно и далеко не такъ сильны по тону, какъ полемика противъ Белярмина. Подражаніе протестантскимъ богословамъ сказывается на первыхъ же листахъ системы Теофана; Червяковскій указываетъ слѣды его даже въ томъ, что во главу угла обширнаго „введенія“ Прокоповичъ положилъ ученіе о св. писаніи, хотя этотъ приемъ въ 18 в. былъ усвоенъ и католическими системами (Сочин. Белярмина „De controversiis christianae fidei, adversus hujus temporis haereticos“ начинается трактатомъ „De verbo Dei“). Нельзя не замѣтить того, что Теофанъ какъ бы отождествляетъ св. писаніе съ откровеніемъ вообще и отрицаетъ откровеніе (чистое, безъ примѣси человѣческихъ мнѣній) въ церкви, въ исторіи, въ природѣ; но это отрицаніе, впрочемъ, имѣетъ мѣсто для Теофана только въ богословіи, какъ наукѣ, требующей достовѣрнаго, безспорно-божественнаго, яснаго и убѣдительнаго для всѣхъ (а не только для православныхъ сыновъ церкви) начала, каковымъ онъ и признаетъ одно св. писаніе и притомъ такъ осторожно, что нигдѣ не унижаетъ, не оскорбляетъ и авторитета преданія. „Не отвергая (говоритъ Червяковскій) ни откровенія помимо писанія (въ главѣ о началѣ богословія), ни живаго церковнаго преемства богопреданнаго ученія (въ главѣ о необходимости писанія), ни церковнаго учительства (гл. о ясности писанія), ни церковныхъ вѣроизложеній, каноническихъ опредѣленій и обрядовъ (глава полнотѣ писанія и о соборахъ),—онъ только утверждаетъ, что по отношенію ко всѣмъ этимъ источникамъ познанія божественной

(¹) Червяковскій какъ будто старается доказать безпристрастіе Теофана къ тому и другому,—напрасно: даже въ выдержкахъ, имъ самимъ приведенныхъ на этотъ конецъ, очевидна противоположная мысль. Хр. Чт. 1875. Янв.—Февр., 24—25

истины, св. писанія, какъ слово Самого Бога, съ формальной стороны, въ отношеніи къ наукѣ богословія, есть источникъ самый достовѣрный и существенный, сообщающій другимъ видамъ познанія достовѣрность и твердость, и притомъ оно не представляетъ ни пустыхъ пробѣловъ, ни неразрѣшимыхъ неясностей, только бы умѣли имъ пользоваться“ (1). Умѣнье пользоваться писаніемъ Прокоповичъ полагалъ въ томъ, чтобы, не мудрствуя лукаво, не навязывать ясному слову Божию лишняго, чего въ немъ не дано прямо, — непонятнаго и спорнаго. Особенно замѣтно отразилось вліяніе на Теофана протестантскихъ источниковъ въ пунктахъ разногласія между православіемъ и лютеранствомъ. Здѣсь Теофанъ является иногда слишкомъ уступчивымъ; если, при томъ, ему нужно было полемизировать противъ католицизма, то онъ даже неумѣренно пользовался протестантскими доводами. Таковъ, напр., его трактатъ объ оправданіи. Оправданіе вѣрою во І. Христа составляетъ основную мысль всѣхъ разсужденій Теофана, имѣющихъ связь съ искупленіемъ и спасеніемъ чловѣка; она служитъ подкладкой всей длинной полемики его съ пелагианизмомъ Беллярмина въ вопросѣ о грѣхѣ и свободѣ («De controversiis christ. fidei, adversus huius temporis haereticos», tom. IV, p. 401: „De justificatione impii“ и p. 587—„De bonis operibus“); пожеланіе, доказывалъ Теофанъ, не есть неизбѣжный результатъ чувственности и слабость достойная прощенья, какъ думалъ Беллярминъ, а грѣховное поврежденіе и потому вполне заслуживаетъ гнѣвъ Божій, какъ и всякій малѣйшій грѣхъ, вѣдствие чего, если святымъ приписываются грѣхи простительные, то они называются такъ не по своей ничтожности и природѣ, а по заслугѣ Христа; въ дѣлѣ своего возрожденія чловѣкъ не можетъ принимать участія, какъ мертвецъ, и Беллярминъ-де не правъ, когда оставляетъ тутъ долю

(1) Христ. Чт. 1877 г., II, 5.

активности и человѣческой воли. Въ вопросѣ объ оправданіи Теофанъ употребляетъ протестантскіе терминны и разграниченія. Оправданіе, по его мнѣнію, есть отпущеніе грѣховъ въ смыслѣ судебномъ; подлежащее оправданія—человѣкъ—грѣшникъ, начальная и дѣйствующая причина—милосердіе Божіе, подвигнутое заслугами Христа (человѣкъ тутъ пассивенъ), орудная причина—со стороны Бога таинства, со стороны человѣка—вѣра, плоды вѣры и оправданія—добрыя дѣла, виновникъ которыхъ—Духъ св. Исполненіе закона безъ благодати не спасаетъ; если св. писаніе и придаетъ важность въ дѣлѣ спасенія добрымъ дѣламъ, то не какъ причинѣ оправданія, а какъ доказательствамъ вѣры. Человѣкъ оправданный, облагодатствованный похожъ на нецѣнный, но заключающій въ себѣ сокровище сосудъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что далеко неоконченная система Прокоповича занимаетъ очень объемистые фоліанты. Сжатости, краткости а иногда и строгой послѣдовательности ея повредилъ полемическій отдѣлъ, увлекавшій Теофана въ сухія и пространныя разсужденія даже (вопреки его принципу) небогословскаго характера. На пути къ цѣли онъ встрѣтилъ множество враговъ и, по обычаю всѣхъ современныхъ богослововъ, счелъ нужнымъ сразиться съ каждымъ изъ нихъ. Католики, соцініане, раввины, аріане, македоніане, евноміане, лютеране и др. древніе и новые еретики изображали собою его противниковъ. По возможности, все же, Теофанъ стремился къ краткости и отчетливости. Система его научна, умѣренно схоластична и, по методу раскрытія богословскихъ истинъ, была новою въ тогдашней литературѣ. Что хотѣлъ Прокоповичъ дать школь въ своей наукѣ богословія и чему хотѣлъ научить своихъ преемниковъ, видно изъ упомянутыхъ уже нами его наставленій преподавателямъ этой науки, помѣщенныхъ въ Регламентъ. „Челъ бы учитель (писалъ онъ) св. пи-

саніе и учителя бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній. А въ помощь того дѣла чель бы прилежно святыхъ отецъ, которые прилежно писали о догматахъ, за нужду распръ въ церкви случившихся, съ подвигомъ на противныя ереси. Ибо есть древніи учителя, собственно о догматахъ (тотъ о семь, а иной о другомъ) писавшіи, напр. о троицеской тайнѣ Григорій Назіанзенъ въ пяти словахъ своихъ богословскихъ, и Августинъ въ книгахъ о Троицѣ и о Божествѣ Сына Божія. Кромѣ оныхъ Аванасій В., въ пяти книгахъ на евноміанъ; о Упостаси Христовой, Кирилль Александрійскій на Несторія; о двоицѣ естество въ Христѣ довольно одно посланіе Леона паны римскаго до Флавіана цареградскаго патріарха. *О ерхъхъ первородномъ и о благодати Божіей Августинъ во многихъ книгахъ на пелагианы* и прочая. Къ тому жъ зѣло полезны дѣянія и разговоры вселенскихъ и помѣстныхъ синододъ. И отъ таковыхъ учителей, при св. писаніи, нетщетное будетъ ученіе богословское. А хотя и можетъ богословскій учитель и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать, но долженъ не учиться отъ нихъ и полагатися на ихъ сказки, но только руководство ихъ принимать, какихъ они отъ писанія и отъ древнихъ учителей доводовъ употребляютъ. Наипаче въ догматахъ, въ которыхъ съ нами иновѣрцы согласны суть, а однако доводамъ ихъ не легко вѣрять, но посмотришь, есть ли таковое въ писаніи или въ книгахъ отеческихъ слово, и тую ли имѣеть силу, въ яковый они приѣмлютъ; многажды бо лгутъ господа оные и чего не бывало приводятъ (указывается примѣръ противъ католическихъ богослововъ).... Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣденію учить, и иногда, избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобы и они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говорить или

лжетъ учитель ихъ (1)“. Эти наставленія весьма замѣчательны: онѣ одновременно даютъ двойкій совѣтъ преподавателю богословія, — чтобы онъ самъ относился критически къ источникамъ своей науки, и своихъ воспитанниковъ приучалъ къ тому же. Совѣтъ этотъ направленъ былъ противъ рабской подражательности кievскихъ профессоровъ богословія католическимъ системамъ. Въ немъ, какъ и въ трактатахъ Теофана, выдвигается новая задача для русскаго богослова, онъ обязываетъ послѣдняго болѣе серьезнымъ, чѣмъ компилляція съ Θ . Аквината, трудомъ. Прокоповичу не могла нравиться та близость православія къ католицизму, до какой оно дошло съ нимъ въ кievской коллегіи. Врагъ Рима, помнившій все бѣдствія Россіи, понесенныя отъ усердныхъ слугъ честолюбиваго папы, Теофанъ взялъ на себя трудъ показать разницу между латинскою и греческою церковію, уничтожить (какъ ему желалось бы) все ступени, построенныя католиками въ видахъ уни, выяснитъ опасность (для православія) дружбы съ вкрадчивой схоластикой, которая на западѣ оцѣнена была, какъ одинъ сложный софизмъ, удивительный съ формальной стороны и несостоятельный по содержанию. Готовое орудіе Теофанъ нашолъ въ протестантскомъ богословіи. Давая отставку Θ . Аквинату и его школѣ, Прокоповичъ указалъ русскимъ богословамъ новый путь изслѣдованія догматическихъ вопросовъ, болѣе научный и самостоятельный, выработанный въ системахъ протестантскихъ богослововъ. Въ этихъ системахъ Теофану особенно нравились: исключительное довѣріе къ св. писанію и критическое отношеніе къ остальнымъ авторитетамъ; но и на этомъ новомъ пути онъ предостерегаетъ своихъ учениковъ отъ крайностей подражанія; его рѣзкое замѣчаніе: „многажды бо лутъ господа новѣйшіе иновѣрные учителя“ одинаково относится какъ къ като-

(1) Реглам. Духов.; «Домы училищныя», рег. 7.

лическимъ, такъ и къ протестантскимъ богословамъ. — Вслѣдъ за Теофаномъ, его преемникамъ оставалось продолжать дѣло гармоническаго слиянія православнаго вѣроученія съ строго-научной формой, осторожно минуя ошибки лютеранства, разоблачая ихъ, гдѣ слѣдуетъ и укрѣпяя свои тезисы „свидѣтельствомъ писаній“ не изъ вторыхъ рукъ, какъ это было до сихъ поръ, а изъ подлинныхъ произведеній преимущественно тѣхъ отцовъ церкви, которые „прилежно писали о догматахъ“. Богословіе стало въ строгомъ смыслѣ наукой въ Россіи только съ Теофана. Послѣдовательно вывелъ онъ ея положенія изъ одного общаго начала — ученія о Богѣ, неопустительно провѣряя свои выводы словомъ Божіимъ, а пониманіе послѣдняго — святоотеческими толкованіями. Его система была плодомъ различныхъ богословскихъ направленій: она возвысилась надъ ними и подчинила ихъ себѣ, помиривъ ихъ самыхъ выгоднымъ для православія образомъ; она является однимъ изъ крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ памятниковъ духовной литературы петровской эпохи, а потому мы и позволили себѣ остановиться на ней сравнительно долго.

3) **Апологетическія и полемическія сочиненія.** Переходя къ обзорѣ и характеристикѣ другихъ произведеній духовной литературы петровской эпохи, не назначенныхъ специально для школы, а составляющихъ собою вообще сумму памятниковъ церковно-религиозной жизни при Петрѣ, мы должны сказать предварительно, что многія изъ этихъ произведеній, отпечатанныя когда-то не въ большомъ количествѣ, или никогда не печатавшіяся и хранящіяся въ рукописяхъ нѣкоторыхъ библіотекъ, или, наконецъ, совсѣмъ затерявшіяся и извѣстныя только по заглавіямъ, помѣщеннымъ въ словаряхъ, — не имѣлись у насъ подъ руками и потому не могли быть рассмотрѣны здѣсь сколько нибудь подробно. Многія изъ нихъ оказались библіографической рѣдкостью, благодаря своей незначитель-

ности (они не заслужили вниманіе въ свое время и остались незамѣченными послѣ); но не мало между ними и такихъ, которыя очень пригодились бы для характеристики современнаго состоянія русской церковной жизни. Какъ бы то ни было, намъ доведется одни изъ таковыхъ только поименовать и причислить, на основаніи оглавленій и небольшихъ чужихъ характеристикъ, къ соответствующему разряду, а другія разсмотрѣть подъ руководствомъ журнальныхъ статей.

Своей догматической системой Прокоповичъ положилъ начало специально догматическому богословію. Другое сочиненіе Теофана — „О безбожїи“ — положило начало апологетикѣ ('). Апологіи по различнымъ вопросамъ, въ разное время и по разнымъ поводамъ, писались русскими богословами и раньше Теофана, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа апологетикой въ смыслѣ известной опредѣленной богословской науки съ собственнымъ содержаніемъ, отличнымъ отъ содержанія другихъ, однородныхъ съ ней, наукъ съ особо выработанными формой и методомъ, приравненными къ ея задачъ. „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго и ему подобныя произведенія составляютъ монографіи апологетическаго свойства и къ наукѣ апологіи относятся, какъ части къ цѣлому. Сочиненіе Прокоповича „О безбожїи“ было у насъ первою систематическою защитой главнѣйшихъ и нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній христіанства, а потому съ него можно начинать исторію апологетики въ Россіи. Появленіе его, какъ видно изъ предисловія, стоитъ въ связи съ религіозною жизнью современнаго передоваго общества, столкнувшагося, съ западными философскими системами и подпавшаго ихъ вліянію. Въ русскомъ обществѣ, особенно между людьми, возвращавшимися изъ-за границы, въ это время начали распростра-

(') Очеркъ исторіи апологетики, Рождественскаго Хр. Чт. 1873 г. т. II, 106 и дал.

няться религіозный индифферентизмъ, скептицизмъ, либерализмъ въ худшемъ смыслѣ этого слова. Петру лично приходилось наказывать своихъ птенцовъ за неблагоговѣйное отношеніе къ требованіямъ и обрядамъ религіи. Прокоповичъ подъ атеизмомъ разумѣлъ вообще неблагочестивое, антихристіанское и, частнѣе, антиправославное ученіе, отрицающее тотъ или другой догматъ, противорѣчащее тому или другому христіанскому тезису, замѣчая при случаѣ, что такое-то ученіе атеистично не само по себѣ, а по тѣмъ крайнимъ выводамъ, какія неизбѣжно слѣдуютъ изъ него и несомвѣтны съ идеей бытія Божія. Съ этой точки зрѣнія классификація атеистическихъ доктринъ, представленная Теофаномъ во 2 й главѣ его произведенія, вполне понятна. Видовъ атеизма въ ней укаzano шесть: 1) атеизмъ скептический, отрицающій возможность познанія истины, 2) атеизмъ догматическій, признающій вѣчное бытіе матеріи, 3) атеизмъ аристотелевскій, допускающій изначальное существованіе міра и челоуѣка независимо отъ творческаго всемогущества создателя, 4) атеизмъ стоическій, допускающій неразрывную связь Бога съ матеріей, 5) атеизмъ эпикурейскій, отвергающій актъ творенія ученіемъ объ атомахъ, и 6) пантеистическій атеизмъ Спинозы; т. е. къ числу атеистовъ у Теофана отнесены всѣ дохристіанскіе философы и солидарные съ ними новѣйшіе ученые. Судя по сокращенному перечню главнѣйшихъ положеній атеизма (гл. 3), видно, что безбожниками у Теофана называются всѣ свободные мыслители, такъ или иначе уклонявшіеся отъ библейскаго міровоззрѣнія. Вотъ коренныя положенія атеизма: 1) отрицаніе промысла Божія, 2) бессмертія души, 3) бытія добрыхъ и злыхъ духовъ, 4) пророчества, 5) чудеса, 6) христіанскаго благочестія и 7) св. писанія. Ни Аристотеля съ его философскимъ движущимъ началомъ, ни Платона съ его возвышеннымъ ученіемъ о божествѣ, ни пантеистовъ, уничтожающихъ индивидуальное и конечное во славу безконечнаго, ни деистовъ — Теофанъ не исключаетъ

изъ числа безбожныхъ философовъ. Объясняя происхожденіе и распространеніе атеизма, Прокоповичъ указываетъ причину того и другаго въ дурныхъ условіяхъ воспитанія и жизни: 1) „въ природномъ развращеніи“, 2) „въ неумѣренномъ превозношеніи“, 3) въ уродливомъ нравственномъ образованіи, 4) въ чтеніи вредныхъ книгъ, 5) въ пренебреженіи къ евангельскому закону, 6) въ быстромъ размноженіи ересей, 7) въ излишнемъ увлеченіи богословскими преніями. Какъ на отличительный признакъ атеизма, по которому онъ легко узнается, Теофанъ указываетъ на гордость, на его высокое мнѣніе о себѣ и низкое о другихъ. Отмѣтивъ вредныя послѣдствія атеизма для частныхъ лицъ и общества, Прокоповичъ пытается доказать несостоятельность различныхъ его положеній, указывая 1) на фактъ всеобщности религіи въ человѣчествѣ, приводящій насъ къ сознанію, что идея о Богѣ прирождена человѣческой душѣ 2), на необходимость признать двигателя міра и 3) на необходимость видѣть въ виновникѣ творенія великаго художника, создавшаго все по плану, плесообразно и прекрасно. Къ этимъ тремъ общеупотребительнымъ доказательствамъ истины бытія Божія сводится вся аргументація Теофана, хотя самъ онъ дробитъ ихъ на семь (1); подраздѣляя телеологическое, напр., доказательство на физико телеологическое и историко-телеологическое и снабжая даже это подраздѣленіе новыми частвѣйшими рубриками. Слишкомъ широкое понятіе атеизма у Теофана выступаетъ особенно въ послѣднихъ трехъ главахъ его сочиненія (IX, X и XI), гдѣ онъ критически разсматриваетъ системы разныхъ философовъ, проводя свой взглядъ на нихъ, какъ на произведенія, неизбежно приводящія къ неправильному понятію о Божествѣ и разрушающія библейское ученіе о Богѣ личномъ, отдѣльномъ отъ міра, промыслителѣ и т. д. Аристотель (говоритъ здѣсь между прочимъ

(1) Христ. Чт. 1873 г. III, 114.

Теофанъ) „находя составленіе міра сего изъ случайнаго стеченія атомовъ зѣло неудобнымъ и смѣшнымъ, глубоко проникнуть былъ философскою аксіомою, что изъ ничего ничего не бываетъ. Безконечнаго же создателя либо не вѣдалъ, либо не хотѣлъ признать Его всемогущества, почему и впалъ въ атеистическое мнѣніе, яко міръ сей безначаленъ и вѣченъ, и родъ человѣческой всегда былъ и будетъ. Что убо другое есть сіе, ежели не самое лютое Божества опроверженіе“? Послѣ того какъ слово „атеизмъ“ специализировалось, на такой вопросъ можно отвѣчать отрицательно: изъ посылокъ, поставленныхъ Теофаномъ, вовсе не слѣдуетъ, что Аристотель былъ философомъ-атеистомъ; онъ не домыслился до творческаго дѣйствія Божества и не призналъ его въ своей системѣ, но бытіе Божества для него было несомнѣнно; не подозрѣвая своей непоследовательности, Прокоповичъ самъ же заимствуется у Аристотеля космологическимъ доказательствомъ бытія Божія (не посредственно, конечно) О пантеизмѣ Спинозы Теофанъ разсуждаетъ: „основаніе атеизма Спинозы есть исповѣданіе единой субстанціи міра или природы“.—разсуждаетъ совершенно несогласно съ новыми изслѣдованіями спинозизма, по которымъ онъ причисляется къ пантеистическимъ или акосмическимъ системамъ, развивающимся изъ положенія—Богъ есть все. Въ послѣднихъ главахъ своего труда Теофанъ излагаетъ и положительный взглядъ на богопознаніе, пунктуально опровергая (въ семи апологетическихъ трактатахъ) современныя ему антирелигіозныя воззрѣнія (гл. X и XI). Доказательства при этомъ заимствуются изъ разума, исторіи и св. писанія. Не отличаясь самостоятельностью и оригинальностью, многія изъ этихъ доказательствъ имѣютъ вѣковое достоинство по силѣ убѣдительности и систематическому развитію. Заслуга Теофана здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не въ томъ, что онъ сказалъ новое слово науки, а въ томъ, что выбралъ, сформировалъ и сдѣлалъ достояніемъ русской духовной литературы заимствованное съ запа-

да,—въ настоящій разъ у англійскихъ и французскихъ богослововъ, много потрудившихся въ борьбѣ съ рационализмомъ въ разныхъ его видахъ и выработавшихъ прочные доводы въ защиту христіанства. Промыслительная дѣятельность Личнаго Бога, безсмертіе души, истинность чудесъ, важность св. писанія — защищены въ произведеніи нашего богослова очень обстоятельно. „Если, говорить г. Рождественскій, и нельзя не замѣтить нѣкоторой односторонности въ пониманіи авторомъ (Теофаномъ) философскихъ ученій, разсматриваемыхъ въ его сочиненіи, то уже одно стремленіе автора стать въ апологетическомъ изслѣдованіи на уровень современныхъ ему возрѣній, господствовавшихъ на западѣ и отчасти въ нашемъ русскомъ обществѣ, отнести критически къ этимъ возрѣніямъ съ точки зрѣнія православной богословской мысли предложить въ формѣ систематическаго изложенія рядъ оснований въ подтвержденіе основныхъ истинъ христіанскаго ученія, которыя подрывались господствовавшими тогда ложными теоріями и сопоставить эти теоріи съ философскими возрѣніями различныхъ школъ до христіанской древности, — рѣзко выдѣляетъ апологетическій опытъ Ѳ. Прокоповича въ исторіи нашей скудной апологетики не только изъ предшествующихъ, но изъ большей части послѣдующихъ, особенно переводныхъ, апологетическихъ сочиненій, отъ времени до времени являвшихся въ нашей литературѣ съ конца прошлаго столѣтія, не всегда къ сожалѣнію въ очищенномъ видѣ отъ примѣси мистическихъ, масонскихъ и другихъ возрѣній, несогласныхъ съ духомъ православія“ (1).

Сочиненія, написанныя Ѳ. Прокоповичемъ по различнымъ богословскимъ вопросамъ и направленные противъ невѣжества русскихъ съ одной стороны и противъ иностранныхъ нападокъ на православіе съ другой, заслуживаютъ такъ же какъ и крупныя его про-

(1) Тамъ же, стр. 188—9.

изведенія, полного вниманія исторіи духовной литературы. Въ такимъ сочиненіямъ принадлежать, между прочимъ, трактаты „О нетлѣннй мощей кіевскихъ угодниковъ Божіихъ“ и „Объ игѣ неудобноносимомъ“. Первый написанъ былъ по поводу печатно высказаннаго лютеранами сомнѣнія въ чудесномъ нетлѣннй кіевскихъ мощей⁽¹⁾. Сомнѣніе основывалось на какихъ-то призрачныхъ данныхъ, если судить о нихъ по апологіи Теофана, который нужно замѣтить, не имѣлъ обыкновенія обходить возраженія противниковъ. Въ данномъ случаѣ все онѣ сводятся у Теофана къ тремъ категоріямъ: къ „резонамъ“ *физическимъ, историческимъ* и *богословскимъ*. Физическіе резоны доказывали, что или кіевскія пещеры имѣютъ естественное свойство предохранять тѣла отъ гніенія, обусловливающагося температурой и воздухомъ, или трупы въ кіевскихъ пещерахъ набальзамированы искусственно. Теофанъ утверждалъ напротивъ, что атмосфера кіевскихъ пещеръ скорѣе можетъ содѣйствовать разложенію тѣлъ, чѣмъ ихъ сохраненію, что бальзимованіе не было въ обычаѣ христіанъ, потому что не имѣетъ себѣ основанія въ ихъ религіи и слишкомъ дорого для нищихъ — подвижниковъ, скончавшихся въ пещерахъ. Дешовыя, простые средства сохраненія труповъ достигаютъ своей цѣли не на долго, на нѣсколько дней, а не столѣтій. Простыми соображеніями опыта и, частію медицинскимъ авторитетомъ Сеннерта⁽²⁾. Теофанъ разбилъ и возраженія, касавшіяся кіевскихъ муроточивыхъ главъ. Между богословско-историческими возраженіями первымъ стоитъ вопросъ: кому приписывать честь нетлѣннй мощей (если они дѣйствительно нетлѣнны) — заслугамъ І. Христа, или самихъ угодниковъ? Теофанъ ви-

(1) Сочиненіе, вызвавшее Теофана на отвѣтъ, принадлежало І. Гербиню и было напечатано въ Кенигсбергѣ въ 1675 г. (см 48 стр. «о нетлѣннй кіев. мощей»).

(2) О нетлѣннй мощей, стр. 61—62.

дѣлъ въ этомъ вопросѣ вопросъ о значеніи для нашего спасенія добрыхъ дѣлъ вообще и отвѣчалъ: хотя нѣкоторые божественные дары иногда ниспосылаются туне, безъ особенныхъ заслугъ челоуѣка, но добрыя дѣла „суть орудія, чрезъ которыя сила крови и смерти Спасителя нашего въ насъ дѣйствуетъ“; чудотворенія нужны промыслу для нашего же спасенія; онѣ не имѣются въ виду у подвижниковъ, какъ награда за подвиги, но даются имъ, какъ достойнѣйшимъ носителямъ благодати Божіей, во славу добродѣтели на землѣ. (1). Второй вопросъ: если Богъ прославилъ нетлѣніемъ новозавѣтныхъ праведниковъ, то почему не удостоились той же чести праведники ветхозавѣтные и даже первые поклонники Христа Спасителя—волхвы? На это Теофанъ отвѣчаетъ, что коль скоро доказана сверхъ-естественная причина нетлѣнія мощей и выяснено, что чрезвычайные дары благодати не составляютъ цѣли искупленія и добрыхъ дѣлъ, хотя и сообщаются преимущественно праведникамъ, то поставленный Гербиніемъ вопросъ является неумѣстнымъ и дерзкимъ, такъ какъ въ немъ слышится безразсудное любопытство, желаніе проникнуть въ судьбы Божіи, *яже суть бездна многа*.—Смерть и тлѣніе, продолжалъ Гербиній, составляютъ удѣлъ челоуѣчества по опредѣленію Божию; мыслимо ли, чтобы Богъ сталъ въ противорѣчіе съ собою, освобождая отъ тлѣнія святыхъ?—Возраженіе, отвѣчалъ Теофанъ, направлено уже противъ всѣхъ мощей, а не кіевскихъ только, и падаетъ, послѣ всего сказаннаго выше, са о собою. Богъ по благоусмотрѣнію можетъ измѣнять порядокъ природы и творить чудеса безъ посторонняго совѣта.—Историческіе „резоны“ у Гербинія совершенно слабы; иногда и самъ Гербиній сознавалъ это. Таково напр., возраженіе, будто на мѣстѣ нынѣшняго Кіева стояла Троя (sic), и тѣла въ кіевскихъ пещерахъ—ничто иное,

что и въ кн. 1-й, гл. 1-й, стр. 1-й, въ изданіи 1875 г. (въ изданіи 1875 г. стр. 1-й, гл. 1-й, стр. 1-й)

(1) Тамъ же, 67—73. 18—19, что въ изданіи 1875 г. (2)

какъ набальзамированные трупы троянцевъ; или: будто кievскія моци принадлежать времени до раздѣленія церквей ('). Теофанъ совѣтуетъ Гербинію навести по-точнѣе справки въ „хронологіи“.

„Книжица, въ ней же похвѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими и трудность слова Петра апостола о неудобноносимомъ игѣ законномъ пространно предлагается“ заслуживаетъ вниманіе преимущественно своей послѣдней половиной, основная мысль которой та, что падшій человекъ не можетъ совершенно исполнить евангельскаго нравственнаго закона и потому получаетъ оправданіе только черезъ вѣру въ искупительную заслугу І. Христа. Установивъ сначала подлежащій разсмотрѣнію вопросъ и устранивъ неправильныя объясненія библейскихъ выраженій о неудобноносимости законнаго ига, Теофанъ высказываетъ принятый имъ взглядъ на этотъ предметъ. Неудобноносимость закона, по Теофану, состоитъ въ томъ, что никто не въ силахъ исполнить нравственный законъ всецѣло, безъ погрѣшностей, безъ претыканій. Слѣдуютъ доказательства изъ св. писанія, изъ учителей церковныхъ, изъ соображеній относительно цѣли пришествія на землю Сына Божія, относительно разницы двухъ заветовъ относительно оправданія ветхозавѣтныхъ праведниковъ чрезъ вѣру въ грядущаго Мессію. Всего въ сочиненіи 19 главъ. Оно можетъ служить новымъ доказательствомъ въ пользу глубокаго богословскаго образованія автора, хотя по своей близости къ протестантской доктринѣ, вызвало возраженія со стороны опасливыхъ русскихъ архіеревъ и послужило въ свое время поводомъ къ немаловажнымъ смутамъ въ іерархіи.

Въ концѣ книги Теофанъ высказываетъ свои мысли о необходимости реформы въ русской церкви, и предлагаетъ нѣкоторыя мѣры къ ея исправленію.

(') Эта мысль высказывалась не однимъ Гербиніемъ; ее же проводилъ въ соч. о признакахъ церкви Теофиль Рутки, займающа содержаніе главъ образомъ у Беллармина—изъ трактата «De notis ecclesiae».

Теофилактъ Лопатинскій написалъ противъ Тео-
 фана трактатъ подь заглавіемъ „Иго Господне благо“
 и раздѣлилъ его также на 19 главъ. Здѣсь, послѣ объ-
 ясненія словъ изъ рѣчи ап. Петра на іерусалимскомъ
 соборѣ (Дѣян. 15, 10), говорится о законѣ нравствен-
 номъ и заповѣдяхъ Божіихъ (гл. 3), о христіанской
 свободѣ (4), о разствіи новаго и ветхаго заветовъ
 (5), о добрыхъ дѣлахъ (6), о мнимыхъ противорѣчіяхъ
 въ словѣ Божіемъ касательно удобоисполнимости и тя-
 жести заповѣдей (7), разрѣшаются нѣкоторые вопросы
 о ветхомъ законѣ (8), трактуется о произвольныхъ
 страстяхъ плоти и христіанскомъ совершенствѣ (9),
 о грѣхахъ простительныхъ (10), о вѣрѣ (11), объ оп-
 равленіи (11), о благодати оправдывающей и освящаю-
 щей (13), о пелагіанской и кальвинской ереси (14), о
 возможности храненія заповѣдей Божіихъ (15), о доб-
 родѣтели угодниковъ Божіихъ (16); въ послѣднихъ гла-
 вахъ, по преимуществу полемическихъ, авторъ излага-
 етъ ученіе противника, предполагая въ немъ протес-
 танта по убѣжденіямъ, и опровергаетъ его. Эти главы
 особенно ясно, замѣчаетъ преосв. Филаретъ, намека-
 ютъ на Теофаново сочиненіе о неудобноносимомъ игѣ и
 прямо направлены противъ него (1).

Два означенныхъ сочиненія служатъ первымъ вы-
 раженіемъ розни между двумя партіями писателей—
 богослововъ петровской эпохи, изъ которыхъ каждая
 подозрѣвала и обвиняла другую въ неправомысліи. Пар-
 тія Теофанова изобличалась въ протестантизмъ, про-
 тивоположная ей, во главѣ которой стоялъ м. Стефанъ
 Яворскій, а послѣ него Ѳ. Лопатинскій, обвинялась
 въ приверженности къ католицизму. Обѣ стороны, чув-
 ствуя себя правыми и дѣйствуя въ интересахъ право-
 славной церкви, къ которымъ примѣшивалась и личная
 вражда, доходили, какъ увидимъ, до несправедливой
 рѣзкости на бумагѣ и до жестокости въ мщеніи на
 практикѣ.

(1) Обзоръ духов. литературы, преосв. Филарета. ч. II, стр. 31.

Первымъ оказался шуринъ его, монахъ Пафнуцій, который когда-то самъ увлекался ученіемъ зятя, но потомъ „исправился и на него за церковь возсталъ“. Сперва Пафнуцій защищалъ православіе въ устныхъ бесѣдахъ съ Тверитиновымъ; пользы отъ того вышло немного: еретику былъ упоренъ и не безъ успѣха опаривалъ своего оппонента. Тогда Пафнуцій рѣшился на составленіе письменной, болѣе или менѣе полной и обстоятельной защиты и написалъ сочиненіе: „Рожнецъ духовный. Вкратцѣ собраніе отъ божественныхъ писаній противолютеранская и калфинская и иныхъ еретиковъ, умуствующихъ и непокоряющихся восточнѣй, соборнѣй и апостольстѣй церкви“. По характеру своему это сочиненіе принадлежитъ къ типу сочиненій, написанныхъ начитанными самоучками; въ изложеніи его нѣтъ системы. Оно имѣетъ діалогическую форму и носить на себѣ явные слѣды недавнихъ споровъ съ Тверитиновымъ. Въ началѣ сочиненія поставленъ главный вопросъ — о значеніи св. писанія и св. преданія и ихъ взаимномъ отношеніи. Пафнуцій рѣшаетъ его, какъ и другіе затронутые еретиками вопросы, на основаніи св. писанія и разума, соображая, что иныхъ авторитетовъ въ богословской области его противники не признаютъ. Сила доводовъ Пафнутія — въ хорошемъ подборѣ текстовъ, въ умѣннѣй подмѣтити слабыя стороны противника и поставить его въ затруднительное положеніе при помощи оружія, которое тотъ самъ избралъ для полемики. Число возраженій, и нашедшихъ себѣ отвѣтъ у Пафнутія, не исчерпываетъ всѣхъ разногласій православія съ протестантизмомъ. Авторъ „Рожнеца“ имѣлъ намѣреніе опровергать не систему протестантизма, а только заблужденія Тверитинова и его послѣдователей. Кромѣ основнаго вопроса о св. писаніи, какъ единственномъ источникѣ богословія, „Рожнецъ“ разсуждаетъ по вопросамъ: есть ли основаніе въ св. писаніи на то, чтобы молиться о заступленіи ангеламъ и умершимъ святымъ? Слѣдуетъ ли воздавать имъ почтеніе, какое воздаетъ православ-

ная церковь? Заслуживаютъ ли довѣрія мощи и чудеса совершающіяся при нихъ? Можно ли знать до дня суднаго, кто праведенъ и кто грѣшенъ? Позволительно ли строить храмы въ честь святыхъ? Иконпочитаніе не есть ли идолопоклонство? Не противорѣчитъ ли св. писанію монашество? Какой смыслъ имѣетъ молитва, поклоны на молитвахъ и вообще церковная обрядность? Нужна ли проповѣдь, какъ разъясненіе догматовъ вѣры и обязанностей христіанина, не стѣсняетъ ли она свободы вѣры? На чемъ основывается обычай налагать эпитиміи? Имѣетъ ли молитва за умершихъ значеніе? Совершается ли пресуществленіе даровъ въ евхаристіи? Нужна ли вода при крещеніи? Какой смыслъ таинства священства? Какъ понимать слова св. писанія, что живущій по вѣрѣ, какова бы ни была послѣдняя, приятенъ Богу? Есть ли у ангеловъ іерархія? Крестъ, какъ орудіе казни Богочеловѣка, заслуживаетъ почтенія, или пренебреженія? Необходимо ли прямое указаніе бібліи во всѣхъ случаяхъ нашей вѣры и обрядности, или иногда достаточно примѣненія къ ней? — О. Пафнутій раздѣлилъ свое произведеніе на 46 частей, по числу разрѣшенныхъ въ немъ возраженій. Въ существѣ дѣла, всѣ они сводятся къ выше поставленнымъ вопросамъ, и подробность въ изложеніи Пафнутія отчасти зависѣла отъ его повторяемости, отчасти отъ неумѣнья обобщить нѣскольکو близкихъ по содержанію возраженій въ одно и отвѣчать на него систематически—последовательно. Повторимъ здѣсь, что авторъ „Рожница“ находился подъ вліяніемъ живой бесѣды съ Тверитиновымъ, въ которой спорящія стороны, по тому или другому поводу, всегда могутъ возвращаться къ прежде сказанному. Возраженія относительно ангеловъ и святыхъ отшедшихъ Пафнутій поставилъ въ началѣ сочиненія (подъ цифрою 5), но не обсудивъ ихъ вполне въ одномъ мѣстѣ, дополняетъ свой отвѣтъ подъ 37-ю рубрикою и

далѣе (1). Крупные и мелкіе вопросы Пафнутій мало различаетъ, сперва онъ занятъ догматическимъ, потомъ обрядовымъ, потомъ опять догматическимъ тезисомъ православія, хотя не рѣдко у него замѣчается стремленіе подчинить важнѣйшему менѣе важное и указать тѣмъ самымъ на связь, на взаимное отношеніе того и другаго (2). Сила доводовъ Пафнутія, сказали мы, заключается въ его знаніи библіи и въ умѣнный логическимъ путемъ разбить хитросплетенія противника. Примѣры хорошо подобранныхъ цитатъ у него встрѣчаются на каждомъ шагѣ.—Какъ на образецъ вѣскихъ доказательствъ отъ разума, можно указать на аргументацію Пафнутія въ пользу таинства евхаристіи. Протестанты говорятъ ему, что пресуществленіе даровъ недопустимо внѣшнимъ чувствомъ и потому сомнительно. Онъ отвѣчаетъ: лучше довѣрять глаголу Божию, никогда не изнемогающему, нежели чувствамъ, часто обольщающимъ насъ. Ангель, спутникъ Товіи, на взглядъ послѣдняго былъ человекъ. І. Христосъ по воскресеніи не былъ узанъ апостолами, пока самъ не открылся—и т. д. Протестанты говорятъ: огонь—не вода, хлѣбъ—не тѣло и кровь—не вино. Пафнутій отвѣчаетъ: огонь въ печи вавилонской орошалъ отроковъ, вода, воздѣтая на жертву (пр. Иліи), поцалила ее—и т. д. (3). Вся задача Пафнутія—въ опроверженіи возраженій; надъ ней онъ трудится съ начала до конца сочиненія, излагая православное ученіе въ самыхъ краткихъ словахъ, насколько это было необходимо для сопоставленія его съ протестантскими мыслями. Иначе сказать, положительная сторона сочиненія Пафнутія сквозить въ отрицательной, отражается въ ней, какъ контрастъ. Съ положительной стороны трудъ этотъ

(1) Пр. Об. 1863 г. XII, 201 и 215.

(2) Вопросъ о монашествѣ. Тамъ же стр. 209—10.

(3) Тамъ же, 213.

не претендовали ни на какое значеніе; онъ былъ важенъ только въ полемическомъ отношеніи, пригоденъ для своей спеціальной цѣли. Мудрость православія въ разсужденіи подтежавшихъ разсмотрѣнію вопросовъ, не раскрыта для читателей: она подразумѣвается сама собою. Полноты безотносительной, поэтому, въ „Рождѣ“ нѣтъ. — „Слогъ Рождѣ“, говоритъ г. Терновскій, не можетъ похвалиться правильностью и чистотою; видно, что авторъ считалъ своею обязанностію писать книжнымъ, славянскимъ языкомъ, но видно также, что ему трудно было втискивать живую рѣчь въ непривычныя формы“ (1).

Самымъ сильнымъ противникомъ Тверитинова и его сообщниковъ былъ м. Стефанъ Яворскій. Какъ только дошелъ до него слухъ о ереси, онъ, не смотря на видимое несочувствіе государя, рѣшительно началъ преслѣдовать ее даже полицейскими мѣрами. Гражданскимъ судомъ онъ довелъ одного изъ приверженцевъ протестантизма до казни, а остальныхъ предалъ церковному отлученію, пока не раскаются. Предостерегая отъ ереси народъ, Стефанъ обличалъ ее въ устной проповѣди. Затѣмъ, противъ нея онъ написалъ капитальное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Камень вѣры православно-католическія восточныя церкви святаго, сыномъ на утвержденіе и духовное назиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе“. — „Камень вѣры“ не представляетъ собою самостоятельного труда. Названіе заимствовано у іезуита Теофила Рутки, написавшаго сочиненіе „Lapis“, (2) а въ содержаніи очень много взято изъ сочиненія католическаго богослова Бедлярмина. Ни научныхъ средствъ, ни времени у Стефана не было на то, чтобы написать исключительно самому такое обширное и основательное сочиненіе, о какомъ предстаетъ

(1) Тамъ же, стр. 200. (1—60) — 1. 1. мѣст. лондон. (1)

(2) Труды К. Д. Ак. 1864 г. I. Біогр. Стефана Яворскаго, стр. 62.

„Камень вѣры“, и онъ обратился къ готовой протестантской системѣ Беллармина, очень научной, обильной доводами изъ св. писанія, соборныхъ постановленій, патерстическихъ произведеній, исторій церкви и др. источниковъ. Манера опровергать противниковъ и доказывать свои положенія взята Стефаномъ у Беллармина же. Сдѣлаемъ нѣкоторые сопоставленія. На первомъ мѣстѣ въ „Камень вѣры“ стоитъ трактатъ о святыхъ иконахъ. Въ сочиненіи Беллармина соответствуетъ ему трактатъ „De reliquiis et imaginibus sancto-rum“. М. Стефанъ, прежде чѣмъ начинать изложеніе доказательствъ православнаго ученія, ставитъ рубрику: „Извѣщеніе глаголемыхъ и нѣкая къ свѣденію подлежащая“, подъ которой объясняетъ значеніе словъ „икона“ или „образъ“, а въ началѣ полемической части трактата различаетъ понятія иконопочитанія и идоло-служенія. У Беллармина рѣчь о томъ же ведется подъ заглавіемъ „De nomine imaginis et idolis“⁽¹⁾. У Стефана аргументація направлена къ тому чтобы доказать законность иконопочитанія и опровергнуть его противниковъ. Белларминъ въ первыхъ строкахъ названной главы говоритъ: „теперь намъ, сообразно съ планомъ настоящей полемики, слѣдуетъ говорить о почитаніи иконъ, т. е. 1) разсуждать о понятіяхъ „образъ“ и „идолъ“ и „изображеніе“ (икона), 2) о противникахъ иконопочитанія, 3) позволительно ли имѣть иконы, 4) позволительно ли ихъ почитать, 5) какъ почитать“... Белларминъ выясняетъ понятія иконопочитанія и идолослуженія историческимъ путемъ, показывая, у какихъ древнихъ и новыхъ писателей и въ какомъ смыслѣ употреблялись обозначающія ихъ слова. М. Стефанъ держится въ этомъ случаѣ только на почвѣ св. писанія и при помощи его старается разграничить тѣже понятія, но цитуетъ библію по Беллармину. Иногда Онъ

(1) Камень вѣры. I, 1—4; 109—114; Bellarm. t. 8. De reliquiis sanct., cap. V. p. 432 и др.

перестанавливаетъ доказательства источника, нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ опускаетъ, какъ неправославныя; иногда (когда у него есть русскіе авторитеты) прибавляетъ свои. Измѣненный въ подробностяхъ планъ полемики позволяетъ Стефану помѣщать рядомъ такія доказательства, которыя у Беллармина разбросаны (1). Сокращенія въ выраженіи однихъ мыслей и распространенія въ другихъ, своеобразное построение силлогизмовъ придаютъ „Камню вѣры“ характеръ самостоятельности (2). Чтобы видѣть зависимость „Камня вѣры“ отъ Беллармина относительно библейскихъ цитатъ, приведемъ выдержки. У Беллармина: „Jacob vidit Deum, innixum summitati scalae et proinde forma corporea. Genes. 28, v. 13. Moyses vidit posteriora Dei, id est tegra et humeros. Exod. 33, v. 23. Isaias cap. 6, v. 1 et Micheas 3 Reg. ult. v. 19. viderentur Dominum, sedentem in solio ad formam hominis Regis, et Amos cap. 9, v. 1. vidit Dominum stantem super altare... Spiritus sanctus apparuit in forma columbae. Matth. 3, 16. Denique angeli apparerentur frequentissime in forma humana. Genes. 18, v. 2, 19, v. 1 et in liber. Tobiae. Visi sunt etiam cum aliis, ut Jsaiae 6, v. 2, Daniel. 9, v. 21 et in candida. Matth. ultimo

(1) Измѣненіе это, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что Белларминъ напр. подъ рубриками, намѣченными въ главѣ «De nomine imaginis et idolis» послѣдовательно, въ связи съ полемикой, большею частью въ вопросо-ответной формѣ, приводитъ цитаты изъ св. писанія, соборовъ, св. отцевъ, исторіи и т. д. не дѣлая для нихъ особенныхъ рубрикъ, а только выставляя цифры предъ каждымъ формулированнымъ доказательствомъ; авторъ же «Камня вѣры», кромѣ Белларминова дѣленія, неопредѣленнаго въ заглавіяхъ, но удержаннаго въ расположеніи мыслей, ставитъ особыя рубрики, въ родѣ «твердость камене вѣры отъ св. писаній» (гл. 1) «отъ соборовъ вселенскихъ» (гл. 2) и т. д. Цифры Беллармина у него замѣнены цѣлыми выраженіями: — заключеніе глаголемыхъ первое, — заключеніе глаголемыхъ второе, — утверженіе, — подкрѣпленіе и т. д.

(2) Ср. Кам. вѣры, стр. 2—3, 8, 9, 27, 109, 110, 111 и др. и Белларм. t. sec., стр. 437 дѣленіе 17; стр. 435 дѣл. II; стр. 437, дѣл. 14; стр. 438, дѣл. 23; 437, 28; 438, 26, 433, 7, 443, 12.

v. 3, luce ultimo, v. 4, et Joan. 20, v. 12“... Въ „Камнѣ вѣры“ читаемъ: „Господь явился Іакову на лѣствицѣ утверждающая. (Быт. 28) И паки: къ Моисею рече: задняя моя узриши, лице же мое не явиттися (Исх. 33) И паки: Духъ св. виденъ бысть въ видѣ голуби-нѣ (Мѡ. 3). Тое же разумѣй и о ангелахъ, иже аще и безплотни суть, обаче во образѣ тѣлеснѣмъ являхуся. Якоже Аврааму, Товіи, Исаіи, Даніилу, мирноносцамъ при гробѣ Господнемъ и прочимъ по вокресеніи Христовомъ (Быт. 28, Исх. 33, Исаіа 6, 3 Цар. 25, Мѡ. 3)“, Ссылкъ на св. писаніе въ „Камнѣ вѣры“—множество. за нѣкоторыми исключеніями, они подобраны хорошо.— Кромѣ цитать изъ св. писанія, м. Стефанъ заимство-валъ у Веллярмина цитаты изъ соборныхъ постанов-леній, изъ свв. отцовъ, историческія свѣдѣнія. Тутъ разница между ними замѣтнѣе. Видно, что у м. Сте-фана были подъ руками нѣкоторые изъ источниковъ, указанныхъ Веллярминомъ, что позволяло ему провѣ-рять послѣдняго и дѣлать свои прибавки. Нерѣдко онъ указываетъ на свято отеческія творенія, которы-ми самъ пользовался⁽¹⁾. Въ выборѣ цитатъ канониче-скаго характера авторъ „Камня вѣры“ соблюдетъ над-лежащую осторожность. Обходя католическіе соборы и многія произведенія западныхъ учителей, онъ оста-навливается на авторитетахъ церкви восточной (ра-зумѣется и на тѣхъ, которые признаны ею за тако-вые, хотя бы были и западнаго происхожденія), часто дѣлая при этомъ такого рода указанія: „Вѣдѣти же подобаетъ, яко свидѣтельства послѣдствующихъ здѣ отецъ святыхъ взята суть отъ Дамаскина святаго, отъ трехъ его бесѣдъ, якоже богомудръ написать есть о почитаніи иконъ святыхъ діалектомъ греческимъ“⁽²⁾. Тоже дѣлаетъ онъ относительно русскихъ сочи-неній. Доказывая, напр., „твердость камне вѣры отъ исторій церковныхъ и отъ чудесъ, при иконахъ святыхъ бываемыхъ“, онъ беретъ изъ исторіи фактъ,

(1) Камень вѣры, II, 38, 50, 116, 119, 121, 239 стр. и др.

(2) I, гл. IV; также III, 20; III, 22 и др.

что I. Христосъ послалъ Авгарю свое изображение и прибавляетъ: „читай о семъ въ пролозѣ, августа въ 6 день, и виждь начало иконъ у Самаго I. Христа“. Также онъ цитуетъ Кормчую и богослужебныя книги. — Доказательства отъ разума въ „Камнѣ вѣры“ взяты изъ Беллярмина же. Въ трактатѣ о св. иконахъ м. Стефанъ указываетъ признаки истинной церкви, подводитъ подъ нихъ церковь восточную, дѣлаетъ выводъ о необходимости повиноваться ей, какъ непогрѣшимой хранительницѣ и толковательницѣ божественнаго откровенія, обличаетъ въ неповиновеніи ей протестантовъ — по трактату Беллярмина „De ecclesiae natura et proprietatibus“ и „De potestate verae ecclesiae“, по обыкновенію опускаая непригодныя для православнаго богослова аргументы и придерживаясь постоянно св. писанія, такъ что цѣлыя отдѣлы раскрывающіе „твердость камня вѣры отъ доводнаго показанія“, представляютъ собою умозаключеніе по формѣ *sylogismi theologici*. — Не смотря на такую сильную зависимость „Камня вѣры“ отъ сочиненія Беллярмина, онъ можетъ быть вполне названъ камнемъ православной вѣры: католическіи идеи, которымъ, кажется, легко было проникнуть въ произведеніе м. Стефана, не проникли въ него. — При первой возможности оставить католическій источникъ, Стефанъ оставлялъ его въ пользу православнаго и уже безъ стѣненія, безъ пропусковъ и переделываній, списывалъ цѣлыя страницы изъ I. Дамаскина, изъ I. Златоуста, изъ „Православ. исповѣданія“ и т. п. Въ этихъ авторитетахъ онъ видѣлъ надежнѣйшую опору своему богословствованію и вѣрнѣе средство расположить въ свою пользу читателей. Беллярмина онъ нигдѣ не цитовалъ, избѣгая нареканій.

Вопросы, рассмотрѣнные въ „Камнѣ вѣры“ — тѣже, которые рѣшилъ и о. Пафнотій въ „Рождѣнцѣ“, съ прибавкою двухъ, очень важныхъ: о значеніи литургіи, какъ умилостивительной жертвы, и объ оправданіи человѣка вѣрою и добрыми дѣлами, — и за исключе-

ніемъ вопросовъ о монашествѣ, о чинахъ церковныхъ и о почитаніи святыхъ. Одною общаго, всеобъемлющаго и всепроникающаго начала, которое устанавливало бы связь между всѣми отдѣлами сочиненія, въ „Камень вѣры“ не система, а полемическій отвѣтъ на вопросы, поставленные временемъ, хотя, сравнительно съ Рожницемъ, онъ представляется болѣе полнымъ и систематичнымъ опроверженіемъ протестантской доктрины. Хотя м. Стефанъ не постарался размѣстить части своего сочиненія соответственно ихъ важности, но каждый отдѣльный трактатъ у него, не связанный съ предыдущимъ и послѣдующимъ, является цѣльнымъ, законченнымъ изслѣдованіемъ по однообразному, разъ избранному плану. Доказательства отъ св. писанія, отъ соборовъ вселенскихъ, отъ благочестиваго ученія отецъ св., отъ исторій церковныхъ, отъ чудесъ, отъ доводнаго показанія, на св. писаніяхъ утвержденного, слѣдуютъ въ положительной и отрицательной частяхъ каждаго трактата сплошными рядами и неуклонно бьютъ въ одну цѣль, подкрѣпляютъ и дополняютъ другъ друга, измѣняютъ позицію противника, изъ наступательнаго положенія ставятъ въ оборонительное и отступательное. Послѣ каждой частной побѣды, авторъ „Камня вѣры“ останавливается какъ бы осматривается, чтобы потомъ снова начать съ опредѣленнаго пункта. Показавъ въ трактатѣ о св. иконахъ „твердость камене вѣры“ отъ писанія, м. Стефанъ пишетъ „заключеніе глаголемыхъ первое“, потомъ — „второе“ и д., сколько ему ихъ нужно, затѣмъ снова ставить цѣль и идетъ къ ней путемъ научной силлогизации. „Не можетъ быти то грѣхомъ, что Господь Богъ творити повелѣваетъ... но понеже творити образъ Богъ повелѣваетъ... убо творити образъ, нѣсть грѣхъ“, — это схема его вывода изъ доказательствъ отъ св. писанія. „Мощно, глаголють, имѣти иконы, но почитати я и тѣмъ кланятися не подобаетъ. Тако ли глаголете противницы? Отвѣтъ слѣдуетъ далѣе. — Съ цѣлю найти надлежащій смыслъ священнаго текста,

авторъ „Камня въры“, придерживаясь своего принципа „свящ. писаніе само себе толкуетъ“, обыкновенно прибѣгаетъ къ контексту, уясняя его толкованіемъ св. отцовъ и дѣлаетъ выводъ въ формѣ силлогизма (¹). Для выясненія своей мысли, въ видахъ устраненія неправильнаго пониманія, или намѣреннаго извращенія со стороны противниковъ, а также для того, чтобы сообщить ей осязательныя формы непререкаемой истины, онъ приводитъ сравненія (²). Разнородные цитаты у м. Стефана въ совокупности составляютъ послышки одного полисиллогизма, первое звѣно котораго иногда отстоитъ отъ заключенія на нѣсколько листовъ, хотя находится съ нимъ въ тѣсной связи. Чтобы читатель не терялся, не путался въ длинной цѣпи аргументовъ, ему часто предлагается резюмѣ сказаннаго (³). Не довольствуясь прямыми письменными свидѣтельствами древности въ пользу православнаго ученія, м. Стефанъ прибѣгаетъ къ косвеннымъ даннымъ, сообщая имъ ярезъ введеніе въ логическую цѣль рѣское значеніе (⁴). Такъ какъ протестанты недовѣрчиво относятся къ богословскимъ авторитетамъ, кромѣ св. писанія, то въ „Камнѣ въры“ свидѣтельства преданія связываются съ библейскими текстами (⁵). Въ отдѣлахъ отрицательнаго характера обыченъ такой приѣмъ: прежде всего указывается камень претыканія и соблазна, о которой загнулись противники, каковымъ является большею частію выдержка изъ св. писанія, изъ соборныхъ дѣяній и т. д., потомъ опредѣляется способъ правильнаго пониманія приведеннаго мѣста, высказывается православный взглядъ на него и начинается защита послѣдняго въ связи съ опроверженіемъ протестанскаго

(¹) Тамъ же, гл. 14. (²) Тамъ же, гл. 16, 22 и др. (³) Тамъ же, гл. 25—26. (⁴) Тамъ же, гл. 27. (⁵) Тамъ же, гл. 33 и др. 52, 61, 63 и дал.

ученія, при чемъ Стефанъ старается поставить ученіе противниковъ въ разладъ съ писаніемъ и преданіемъ, ищетъ въ немъ внутреннихъ противорѣчій и недомолвокъ, зависящихъ отъ непоследовательности, доводитъ его до крайностей по способу *ab absurdo* и *ad absurdum*. При случаѣ указывается явное разногласіе въ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ у лютеранъ и кальвинистовъ, родственниковъ по происхожденію. Въ концѣ изслѣдованія того или другаго вопроса у автора „Камня вѣры“ какъ бы невольно вырывается побѣдный возгласъ, и прилагается нѣсколько строкъ, а послѣ крупныхъ трактатовъ нѣсколько страницъ, назидательнаго свойства или для православныхъ читателей, или для противниковъ.

Принципы пониманія и толкованія св. писанія у м. Стефана высказаны ясно. „Преданія къ вѣрѣ, говоритъ онъ, тако суть потребна, яко единымъ преданіемъ можетъ быти вѣра, а безъ преданій св. писаніе нѣсть къ вѣрѣ довольно“. Это первый принципъ, указывая который, авторъ, очевидно, хотѣлъ поднять въ глазахъ читателя источникъ богословской мысли, отвергаемый протестантами. Увлеченный собственнымъ усердіемъ, онъ даетъ преданію слишкомъ большое значеніе, такъ что думается, не станеть ли м. Стефанъ злоупотреблять этимъ богословскимъ источникомъ въ полемикѣ съ людьми, непризнающими его. Оказывается—нѣтъ. Стефанъ не упустилъ изъ вида ученія своихъ противниковъ и на доводы изъ преданія не особенно рассчитывалъ, а если и помѣщалъ ихъ, то въ качествѣ дополненія, очень, впрочемъ, обширнаго, въ виду православныхъ читателей (черта отличающая „Камень вѣры“ отъ „Рожница“). „Писаніе священное само себе толкуеть“. Это второй принципъ Стефана—экзегетическій, котораго онъ крѣпко держится вездѣ, гдѣ можно и должно, и о которомъ очень часто говоритъ въ своихъ трактатахъ. „Не тако нечестивии, не тако, обыкновенно восклицаетъ онъ, когда видитъ, что текстъ приводится противниками отрывочно и толкуется про-

о вѣрѣ бываемыхъ можете имѣть конецъ и опредѣленіе? Кто страны противныя между вами разсудить и едину истинную, другую же лживу быти распознаеть и рвеніямъ конецъ сотворить?... Добро есть священнаго писанія держатися: но аще будетъ сумнительно, обоудно, неясно и, по вашему свободному мудрованію, на двѣ противныя страны толкуемо, кто разсудить ея? кто дастъ ему правое и опредѣлительное толкованіе“⁽¹⁾? Когда Стефану возразили, что св. писаніе ясно, не обоудно, онъ выписаль множество „въ свящ. писаніяхъ встрѣчающихся мнимыхъ противорѣчій, яже немалымъ трудомъ читателя обременяють“⁽²⁾, и привелъ убѣдительноѣйшій примѣръ разнообразныхъ утонченныхъ толкованій словъ Спасителя: *сие есть тѣло Мое* ⁽³⁾.
 Въ заключеніе повторимъ, что авторъ „Камня вѣры“, какъ православный богословъ, внушаетъ къ себѣ полное довѣріе, что онъ очень строгъ и разборчивъ въ приисканіи авторитетовъ. Все обвиненія, сыпавшіяся на Стефана — въ томъ, что онъ больше католикъ, чѣмъ православный, больше слуга папы, чѣмъ русской церкви, могли принадлежать или его личнымъ врагамъ, или замаскированнымъ врагамъ православія, или, наконецъ, совсѣмъ непроницательнымъ, невѣжественнымъ ревнителямъ отечественной вѣры. Скажемъ нѣсколько словъ и о недостаткахъ „Камня вѣры“. На немъ лежитъ глубокой слѣдъ довольно сильной раздражительности — общая черта полемическихъ сочиненій петровской эпохи, не только русскихъ, но и иностранныхъ ⁽⁴⁾. У него встрѣчаются, на примѣръ, така-

⁽¹⁾ «Камень вѣры» III, 30.

⁽²⁾ III, 36—40.

⁽³⁾ III, 96—97. Вариацийъ въ толкованіи этого текста онъ насчитываетъ до 26-ти.

⁽⁴⁾ Схоластическая сторона «Камня вѣры», а также отношеніе м. Стефана къ протестантской доктринѣ, выразившееся въ этомъ сочиненіи, довольно подробно рассмотрѣны въ статьѣ г. Терновскаго. Пр. Об. 1863 г. XII, 270 и дал.

го рода заключенія по аналогіи. „Первому собору никейскому повинуетея, противницы, убо и второму должни есте. Аще же сей отмищете, отвержите и первый и тако озлочестя Аріева держитесь“⁽¹⁾. Или: „слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія“ (1 кор. I, 18). Отъ сихъ словесъ апостольскихъ сицевъ доводъ: имѣтъ же слово крестное бываетъ юродство, отии суть сынове погибели. Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть. Но вамъ, противницы, слово крестное есть юродство. Егда бо мы кланяемъ кресту Господню и научаемъ кланятися, вы сему смѣтаете и насъ вмѣняете быти юродивыхъ. Понеже убо вамъ слово крестное есть юродство, убо вы есте сынове погибели“⁽²⁾. Странными и неумѣтными кажутся, наряду съ серьезными доводами, и тѣ схоластическія препирательства, въ которыя довольно охотно вступаетъ Стефанъ въ своихъ искусственныхъ діалогахъ (полемицескіе отдѣлы у него имѣютъ большею частию діалогическую форму)⁽³⁾. Въ приисканіи ветхо завітныхъ прообразовъ, различнаго рода сравній и подобій также замѣчается схоластическая замашка. Въ главѣ „Твердость Камня въры“ отъ проображенія креста Христова въ ветхомъ завѣтѣ“ прообразовъ показывается больше 30-ти. Между прочимъ, здѣсь читаемъ: „креста проображеніе бяху два полънца, яже жена вдовица въ Сарептѣ Сидонской собираше, еже специ малъ опрѣенокъ“⁽⁴⁾. Побѣдныя возгласы, которыми заключаются почти всѣ крупныя и мелкія части „Камня въры“, часто выражены неумѣренно. Иногда они занимаютъ цѣлыя листы и страницы. Патетическія изліянія облечены у Стефана въ

(1) Камень въры I, 34.

(2) Тамъ же I, 233—6.

(3) I, 20—24.

(4) I, 223.

самую витиеватую форму, писаны самым торжественнымъ стилемъ, съ схоластическими украшениями. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, которые очень ловко высчитали противники м. Стефана, чтобы уронить въ глазахъ читателей и сочиненіе и автора, „Камень вѣры“ произвелъ въ свое время замѣчательное дѣйствіе въ Россіи и за границей, вызвалъ цѣлую полемическую бурю, потому что направленъ былъ не противъ горсти московскихъ еретиковъ, запуганныхъ судомъ, а противъ протестантской доктрины, лежавшей въ основѣ ученія Тверитинова. Polemica эта важна въ томъ отношеніи, что вызвала на откровенность два враждебныхъ западныхъ церковныхъ лагеря и выяснила ихъ корыстные взгляды на русскую церковь которая, по выраженію г. Извъкова, представлялась имъ лакомымъ кускомъ, и въ спорѣ изъ за которой они стали соперниками. Обыкновеннымъ приемомъ, употреблявшимся у католиковъ и протестантовъ въ видахъ привлеченія Россіи, было излагать свое и православное ученіе въ примирительномъ духѣ, доказывать, что эти ученія *facillime legitimeque ununtur* и, какъ бы на прогос, чернить въ глазахъ русскаго духовенства и народа своихъ противниковъ, соискателей вліянія на Россію. Таковы, напр., были два протестантскихъ сочиненія іенскаго профессора Вуддея и и профессора петербургской академіи Коля⁽¹⁾, написанныя еще до появленія „Камня вѣры“ какъ только пронесся слухъ о замыслахъ сорбонскихъ богослововъ касательно соединенія церквей. Сочиненіе м. Стефана, мѣтко направленное противъ всевозможныхъ попытокъ на этотъ же счетъ со стороны лютеранства, разоблачавшее „волковъ въ овчихъ кожахъ“, естественно, испугало послѣднихъ и поставило ихъ въ оборонительное положеніе. Нужно было, во чтобы то ни стало, отразить своевременно тяжелый ударъ и през-

(1) Православ. обозр. 1876 г., II, 141.

де всего доказать, что онъ принадлежитъ не безпристрастному перу православнаго богослова (православная доктрина - де такъ близка къ лютеранству!) а раздражительному врагу лютеранства—католику, доказать, что м. Стефанъ Яворскій вовсе не охранитель русской церкви, а усердный защитникъ тѣхъ убѣжденій, которыя вынесъ онъ изъ коллегій братьевъ іезуитовъ. Такого рода трудъ, въ сущности поверхностный и голословный, опромѣчливо соскользнувшій съ богословско-полемиической почвы на политически-партизанную, появился прежде всего въ Лейпцигскихъ Ученыхъ Актахъ (за май 1729 года), въ видѣ предварительнаго критическаго отзыва о сочиненіи м. Стефана. Вниманіе автора въ этомъ отзывѣ останавливается главнымъ образомъ на предисловіи „Камня вѣры“ гдѣ Стефанъ съ особенною рѣзкостью указываетъ на двуличность враговъ православія, напоминаетъ объ ихъ небреженіи къ догматамъ, принятымъ православною церковію, говоритъ, что хотя протестанты въ своемъ отрицаніи главную цѣлю имѣютъ римскую церковь, но стрѣлы ихъ досягаютъ и до насъ“, убѣждаетъ православныхъ избѣгать общенія съ еретиками, опредѣляетъ признаки послѣднихъ и такъ далѣе. Насколько чувствительны были обличенія „Камня вѣры“, видно изъ раздражительнаго тона лейпцигской рецензіи, изъ ругани, какою осыпаетъ она м. Стефана, забывъ протестантское спокойствіе и безпристрастіе. Не довольствуясь одною личностью сочинителя „Камня вѣры“, рецензентъ обвиняетъ въ несостоятельности и его издавателя, Теофилакта Лопатицкаго. Центръ тяжести разсматриваемаго отзыва — въ обвиненіи м. Стефана въ томъ, что онъ совершенно окатоличился, дѣйствуетъ въ интересахъ папы и пишетъ подъ вліяніемъ римскихъ богослововъ. Въ концѣ рецензіи находится предупрежденіе, чтобы читатели не повѣрили на слово автору „Камня вѣры“, или увѣдомленіе, что увѣтъ непродолжительномъ времени на сочиненіе будетъ написана основательная критика. Она, дѣйствительно,

не замедлила явиться, подписанная именемъ Буддея и подь заглавиемъ „Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra calumnias et obtreccationes Steph. Jaworskii, В—е М. М., ad amicum Mosquae de gentem, scripta a I. Fr. Buddeo theologiae D. Ienae. 1729 an.“ Смысль и цѣль этого сочиненія тѣ же, что и у вышеупомянутаго отзыва, только оно пообширнѣе, поосновательнѣе и похладнокровнѣе его, хотя опять-таки далеко несильно для того, чтобы разбить „Камень вѣры“ потому что не идетъ дальше разсмотрѣнія и опроверженія „предисловія къ читателю“ и „предувѣщенія православному христіаномъ“ которыя Стефанъ помѣстилъ на первыхъ листахъ своей книги, и представляется так. обр. по отношенію къ сочиненію м. Стефана логическимъ уклоненіемъ (*εστραγγίλισις*): то, что требовало въ „Камнѣ вѣры“ опроверженій и возраженій со стороны Буддея, обойдено въ его критикѣ. Правда, слѣдуя историческому методу въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ Буддей научнѣе отнесся къ „Камню вѣры“, чѣмъ лейпцигская рецензія, но м. Стефанъ, какъ знатокъ дѣла, за которое взялся, изучилъ позицію непріятеля раньше, чѣмъ тотъ ее занялъ, и безопасилъ себя отъ нападній. Въ подтвержденіе своихъ положеній Буддей ссылается на различныя мѣста св. писанія, не обращая вниманія на слова „Камня вѣры“, что „писанія божественная однимъ могутъ служить камнемъ созиданія и утвержденія, а другимъ камнемъ претыканія и соблазна и погибели“,—въ зависимости отъ того, какъ и на какомъ основаніи ихъ понимаютъ. „Разсмотри, говоритъ м. Стефанъ и узриши истину. Слова сія Христова: *не входящее въ уста сквернитъ человекъ, но исходящее изъ устъ*, тому (Лютеру) бже камнемъ претыканія и соблазна, на немъ же преткнувся, отмѣтаетъ отъ церкви святыя посты. Слова Божія сія: *не сотвориши себѣ кумира, ниже всякаго подобія*, тому бяху камнемъ претыканія, того ради отмѣтаетъ отъ церкви святыя иконы. Слова сія Христова: *горе вамъ яко зиждете гробы пророкъ*, тому быша камнемъ

претыканія, того ради отмѣщеть отъ мощей святыхъ честь. Слова сїа Христова: *разористе заповѣдь Божию за преданіе више*, тому быша камнемъ претыканія, того ради отмѣщеть преданіе“ и т. д. (1). Эти немногія строки довольно мѣтко характеризуетъ протестантскую доктрину вообще и, въ частности, апологію Буддея. Не смотря на то, что приведенные тексты и другіе, имъ подобные, на извѣстныхъ основаніяхъ православная церковь понимаетъ въ извѣстномъ смыслѣ, противномъ лютеранскому отрицанію иконъ, мощей и т. д., протестантскіе богословы не перестаютъ ссылаться на нихъ, навязывая православнымъ и католикамъ какое-то грубое пониманіе ихъ. Если бы Буддей не игнорировалъ содержаніе первыхъ листовъ „Камня вѣры“, гдѣ отчетливо разграничены понятія иконопочитанія и идолопоклонства, онъ не далъ бы мѣста въ своей апологіи слѣд. строкамъ: „Люгеръ не отвергалъ того почтенія (*δεδείαν*), которое принадлежитъ І. Христу, святымъ и ликамъ (ангельскимъ), но утверждалъ, что поклоненіе (*λατρεία*), понимаемое въ смыслѣ обоготворенія и соединенное съ жертвами, принадлежитъ только Богу. Въ этомъ смыслѣ рассуждаетъ объ иконахъ само Православное Исповѣданіе, разсмотрѣнное и утвержденное восточными патриархами. Самъ Богъ запретилъ боготворить всякія изображенія, скульптурныя и живописныя (Исх. 20, 4). Изъ выраженій этого текста слѣдуетъ заключить, что иконопочитаніе, понимаемое въ смыслѣ чествованія вещей, противно Богу. Иконы, которымъ воздается какое либо религиозное почтеніе (*cultus*), справедливо называются идолами, о которыхъ говоритъ вторая заповѣдь десяти-слова. Поэтому мы, протестанты, чествуемъ І. Христа, Богоматерь и св. угодниковъ, но не воздаемъ, въ избѣжаніе идолослуженія, поклоненія ихъ иконамъ“. Далѣе слѣдуютъ указанія на практику первенствующую

цей церкви: ссылки на историковъ, которые никакъ не равносильны противоположнымъ доводамъ „Камень вѣры“. Спрашивается: зачѣмъ и противъ кого ратовалъ Буддей? Ни православные, ни католики не боготворятъ иконъ, за исключеніемъ невѣждъ, въ родѣ нашихъ раскольниковъ, да и то не всѣхъ. „Камень вѣры“ имѣлъ право сказать Буддею, что если протестанты не чествуютъ иконъ въ избѣжаніе злоупотребленій, то они, оставаясь послѣдовательными, должны отказаться отъ употребленія огня, воды, отъ всего, что полезно чело­вѣку и чѣмъ онъ, въ тоже время, можетъ злоупотреблять.—Такова же аргументація Буддея и въ во­просѣ о постахъ. Вообще, Буддей оказывается правъ только въ тѣхъ пунктахъ своей аполוגіи, которыхъ „Камень вѣры“ не оспариваетъ, потому что они не противорѣчили его собственному взгляду на дѣло. „Многія мѣста нов. завѣта свидѣтельствуютъ, что постъ есть произвольный подвигъ чело­вѣка“, говоритъ, напр., Буддей и цитуетъ: Гал. 5, 23; Рим. 13, 14; Тит. 2, 12. М. Стефанъ, опредѣляя постъ, пишетъ: „Постъ въ обществѣ есть хотѣніе самопроизвольное удержаніе отъ желаемыхъ страсти. Глаголется же самопроизвольное удержаніе, ибо удержатися отъ желаемого по нуждѣ, сирѣчь или за скудость, или за немощь, или за тщеславіе, сирѣчь удержаніе не имать силы, посту надлежащія, нѣсть бо отъ благаго произволенія, но отъ нужды“. Обязательную заповѣдь о постѣ м. Стефанъ видитъ (опускаемъ его ссылки на нѣк. завѣтъ) въ слѣд. текстахъ: Мѡ. 6, 16; 9, 14; Мар. 2, 18; Лук. 15, 35; Мѡ. 13, 21; Мар. 9, 29; Рим. 13, 13 и 14; Кор. 7, 5; 2 Кор. 6, 4; 11, 27; Сол. 5, 6; Петр. 5, 8 и др. Логическое сочетаніе этихъ мѣстъ свѣдѣнія. При по­мощи контекста и параллелизма, даетъ слѣдующее пра­вило: *Супостать намъ диволь, яко злѣвъ, рыкая хо­дитъ, искій кого поглотити* (Петр. 5, 8); *и бисовскій родъ ничимъ же можетъ изыти токмо молитвою и постомъ* (Мѡ. 17, 21; Мар. 9, 29); *тѣмъ же, возлюб­леніи, препоясавше чресла помысленія вашего, тре-*

звѣщающа (Петр. 1, 13), умертвите удоу вама на землѣ (Колос. 3, 5); (да) опидете узкими враты въ животъ вѣчный Лук. 13, 24; Мѣ. 7, 13); егда же поститесь, не будите якоже лицемеры сътующе... (Мѣ. 6, 16). Противъ мысли, что ни апостолы, ни первенствующіе христіане не имѣли опредѣленныхъ правилъ для поста, м. Стефанъ говоритъ еще: „Христосъ Спасъ нашъ постился сорокъ дней и сорокъ ночей (Мѣ. 4, 2); Иоаннъ имѣя ризу свою, отъ власъ верблуджь и поясъ узмень на чреслахъ своихъ, снѣдь же его бы пружіе и медъ дивій (Мѣ. 3, 4)... Служащимъ же имъ (апостоламъ) Господеви и постящимся рече Духъ св: отдѣлите мнѣ Вараву и Савла на дѣлю, ни неже призвалъ ихъ. Тогда постившеся и помолившеся и возложше руки на нихъ, отсутища ихъ (Дѣян. 13, 2). Рукоположше же имъ пресвитеры на оубо церкви ои помолитися съ постомъ, предаша ихъ Господеви (14, 23).“ Т. е. для м. Стефана важно было доказать не то, были ли опредѣленные правила для постовъ въ первенствующей церкви, а то — считался ли тогда постъ такимъ же важнымъ подвигомъ, какимъ его признаетъ православною церковь, были ли тогда примѣры поста и заслуживаютъ ли они подражанія со стороны христіанъ. Приведенные Буддемъ цитаты не разрѣшаютъ сущности дѣла и менѣе всего противорѣчатъ православному ученію о постахъ. Наконецъ, Стефанъ напомнилъ протестантамъ, что церковь въ правѣ „установляти зачны о постахъ“, и на основаніи словъ Спасителя (Мѣ. 18, 15 и дал.), анаематствовалъ ея послушниковъ (*). Съ одной стороны, для православныхъ читателей авторъ „Каменя вѣры“ раскрывалъ истину, положительно и догматически, а съ другой — указывалъ въ протестантахъ двучинныхъ интригановъ, смотря по обстоятельствамъ принимающихъ на себя ту или другую фізіоню

(*) Камень вѣры III, 230.

мію. Развивая мысль, что протестантство стоит въ ближайшей родственной связи съ православіемъ, Буддей говорилъ, что образованная Лютеромъ церковь признаетъ и содержитъ во всей чистотѣ евангельское ученіе, принимаетъ свидѣтельства отцъ въ первыхъ трехъ вѣковъ, руководствуется никео-цареградскимъ символомъ и опредѣленіями первыхъ вселенскихъ соборовъ. Какъ бы предвидя такую соблазнительную для простодушныхъ уловку, Стефанъ пишетъ: „На соборѣ святомъ первомъ вселенскомъ, иже въ Никеи, отцы богоносніи воспоминаютъ постъ св. четырехдневный и въ правилѣ пятомъ сице глаголютъ.... дважды въ лѣтѣ коеждо области собору быти: первое убо прежде четырехдесяти дней св. и вел. поста, второе же по времени овощнѣмъ.... Здѣ прилежно разсуди, яко отцы оніи вселенскаго собора воспоминаютъ токмо постъ великій, а не уставляютъ, яко прежде собора уставленъ бысть (1)“. Непослѣдовательность протестантизма разоблачалась у Стефана настойчиво. Проводя строгое сравненіе „Камня вѣры“ съ критикой на него, можно найти множество странныхъ несообразностей. — Невѣрность Буддея самому себѣ обусловливалась обстоятельствомъ написанія его апологетическаго письма, задачей котораго было заискивать передъ русскою церковію и, въ тоже время, полемизировать противъ чисто православнаго сочиненія, обсуждавшаго именно тѣ пункты, въ которыхъ погрѣшаетъ протестантизмъ. Буддей по неволѣ ограничился въ своемъ письмѣ разборомъ „предисловія“ и „предувѣдомленія“; если бы онъ коснулся „Камня вѣры“ въ его главныхъ частяхъ, тутаницѣ и противорѣчіямъ не было бы конца. „Предисловіе“ и „предувѣдомленіе“ раскритиковать было не тяжело съ той точки зрѣнія, на какую сталъ Буддей: дѣйствительно, недружелюбныя чувства м. Стефана къ протестантамъ выражены у него слишкомъ

(1) Тамъ же, III, 240.

рѣзко. Но и здѣсь Буддей оказывается неправъ, потому что неправильно объяснял причину гнѣва русскаго архипастыря; а такъ какъ онъ сдѣлалъ это на мѣренно, то и съ нравственной стороны его репутація обрисовывается невыгодно въ глазахъ исторіи. Пастырской ревности м. Стефана нужно отдать справедливость, и въ ней прежде всего слѣдуетъ искать объясненій его непріязни къ протестантамъ, присоединивъ сюда и личное раздраженіе его противъ шайки Тверитинова, борьба съ которой навлекла на него гнѣвъ государя; наконецъ, несдержанность въ обращеніи съ литературными противниками становится еще понятнѣе при томъ соображеніи, что „Камень вѣры“ писанъ въ ту пору, когда не только въ богословско-полемиическихъ, но и въ историческихъ произведеніяхъ сильно выступала вѣроисповѣдная рознь. Самъ Буддей, при всемъ своемъ похвальномъ желаніи отнестись къ дѣлу хладнокровнѣе, чтобы тѣмъ дать, такъ сказать урокъ м. Стефану, не опускаетъ случая кольнуть, обвинить, а при возможности и очернить, если не прямо м. Стефана, то католичество, къ которому онъ будто бы слѣпо былъ приверженъ.—Разсмотрѣнное апологетическое письмо протестанты приписывали Буддею; о томъ, что Буддей работаетъ надъ составленіемъ критики „Камня вѣры“ было повѣщено въ Лейпцигскихъ Актахъ заранѣе, а потомъ, когда книга явилась, въ нихъ снова помѣщена была ея рекомендація. Несмотря на все это, такъ какъ Буддей умеръ 19 ноября 1729 г., т. е. чрезъ полгода послѣ перваго извѣстія о его трудѣ, а по заявленію Ѳ. Лопатинскаго—до изданія его; такъ какъ въ литературныхъ приемахъ апологетическаго письма и сочиненій Ѳ. Прокоповича нашли сходство⁽¹⁾; такъ какъ, далѣе, Теофанъ былъ соперникомъ и личнымъ врагомъ автора „Камня вѣры“ и отъ него можно было ожидать противодѣйствія ему,—то приверженцы м. Сте-

(1) Пр. Обзоръ, 1876 г. II 163; примѣч.

фана, русскіе епископы, съ Ѳ. Лопатинскимъ во главѣ, рѣшительно приписывали апологію протестантизма „новгородскому епископу“, говорили, что она печатана въ Ревелѣ и сильно возмущались противъ Прокоповича. Католиковъ же особенно смущало содержаніе апологетическаго письма, искавшее примиренія русской церкви съ протестантскою въ ущербъ ихъ расчетамъ. Популярность произведенія Буддея, какую оно сразу приобрѣло между сторонниками лютеранской партіи, заставила ея оппонентовъ отписываться, и вотъ, въ 1731 г. является „*Responsum antapologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias I. F. Buddei nomine evulgatas in orthodoxos latinos et graecos, quo Petrae fidei, a St. Iaworskio ad evertendum Lutheri jactae, repetitur ictus. Datum ad omnes fideles et serenissiman, altissiman et potentissiman Dominan An. Ioannown. (Wienne 1732 an.)*“. Отвѣтъ этотъ— дѣло рукъ доминиканца Рибейры, секретаря при испанскомъ посольствѣ въ Москвѣ. Какъ видимъ изъ посвященія, онъ рассчитывалъ на благосклонное вниманіе „всѣхъ вѣрныхъ“ и даже самой императрицы. Прежде всего „*Responsum*“ получилъ извѣстность между знакомыми Рибейры, а потомъ между другими приверженцами его автора. Его одобрили, но отпечатать на русскомъ языкѣ не могли: бдительный Ѳ. Прокоповичъ, со смертію Петра В. исключительно отдавшійся интригамъ, разбѣнявши, по выраженію г. Чистовича, свой талантъ на мелкую монету, сумѣлъ помѣшать его изданію и сократить католическую партію до того, что она только украдкой писала свои апологіи противъ враговъ и то безъ успѣха: Теофанъ, при помощи тайной канцеляріи, не давалъ имъ ходу (1). Такая судьба, между прочимъ, постигла и „Апокризисъ, или отвѣтъ на написаніе отвѣтное Фр. Буддея къ нѣкому другу, въ Москвѣ живущему, о лютеранской ереси, на книгу

(1) Подробности въ статьѣ Извѣкова, Пр. Обзор. 1876 г. 156 и дал.

Камень вѣры“ (Θ. Лопатинскаго), который такъ и затерялся въ бурномъ ли круговоротѣ послѣ-петровской эпохи, или еще позже. А на сочиненіе м. Стефана безпрепятственно все сыпались порицанія изъ протестантскаго лагеря. Почти одновременно съ отвѣтомъ Рибейры въ Тюбингенѣ напечатано было сокращеніе „Камня вѣры“: „St. Iaworskii genius ex ejus opere posthumo theosophico „Petra fidei“ dicto in epistola familiari revelatus“—анонимный трудъ Яблонскаго, брата президента берлинской академіи наукъ, который былъ хорошо знакомъ съ Θ. Прокоповичемъ. Мало-сдержанное раздраженіе, нерѣдко грубая брань на покойнаго митрополита, обвиненія его въ латинствѣ наконецъ, увѣренія, что отъ протестантства до православія рукой подать—вотъ характерныя черты полемики противъ „Камня вѣры“. Между тѣмъ, „Камень вѣры“ оставался камнемъ преткнанія для протестантовъ; только нѣкоторыя части его, неимѣющія научнаго достоинства, пострадали, отъ нападеній враговъ. Послѣ „предисловія“ и „предувѣдомленія“ обращено было вниманіе на послѣднюю главу сочиненія м. Стефана—„о наказаніи еретиковъ“, гдѣ гнѣвъ автора обрушился на „противниковъ“ сполна⁽¹⁾. Эту главу изъ Камня вѣры перевелъ на латинскій языкъ академикъ Бюльфингеръ и послалъ ее лютеранскому богослову Д. Мосгейму, а Мосгеймъ написалъ на нее опроверженіе подъ заглавіемъ: *De roenis haereticorum, cum St Iaworeio disputatio*. Со- отвѣтствующимъ финаломъ раздражительной полемики служатъ: „Молотокъ на Камень вѣры“ (анонимное сочиненіе) и „Возраженіе на Молотокъ“ Арсенія Маціевича⁽²⁾. Въ этихъ произведеніяхъ затронута уже и

(1) М. Стефанъ сознавалъ свою рѣзкость въ сужденіяхъ о протестантахъ, а Петръ В. замѣчалъ ему о ней. Въ письмѣ къ Антонію Стаховскому Стефанъ просилъ вычеркнуть излишнія рѣзкости въ „Камнѣ вѣры“. Тр. Кіев. Д. Акад. 1866 г. Апрель. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняя глава „Камня вѣры“ не печатана.

(2) Появленіе этого сочиненія г. Извѣковъ относитъ къ 30-мъ гг. 18 вѣка.

жизнь м. Стефана чуть не съ пеленокъ, при чемъ, съ одной стороны (въ первомъ сочиненіи) оказывалось, что Стефанъ, зараженный папезскими идеями, проводилъ ихъ постоянно въ Россіи—и въ академическихъ лекціяхъ, и въ проповѣдяхъ, и въ административной дѣятельности, и въ литературѣ, что онъ плохо управлялъ ввѣренною ему паствою, былъ своекорыстенъ и т. д., а съ другой (во второмъ сочиненіи)—онъ рисовался, какъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ архипастырь; первое изъ названныхъ сочиненій такъ обр., представляется пасквилемъ на м. Стефана, а второе—панегирикомъ ему. „Камень вѣры“ оставленъ, собственно говоря, въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ, отъ нихъ ему не было ни ущерба, ни прибыли.

Движеніе новѣйшей исторіи, говорятъ, образуется взаимодействіемъ двухъ началъ,—начала авторитета и начала свободы. Въ религіозной области на западѣ представителемъ перваго начала является католицизмъ, представителемъ втораго — протестантизмъ. Развитие русской исторіи подъ вліяніемъ принципа свободы началось съ Петра В., когда открытъ былъ государемъ доступъ иностранцамъ въ Россію, а для русскихъ стало обязательнымъ бывать за границей для образованія. Петръ не долго выбиралъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, когда задумалъ устроить жизнь Россіи по образцу европейскихъ государствъ. Католицизмъ не имѣлъ кредита въ глазахъ царя преобразователя; даже кіевскіе ученые, сохранившіе симпатію къ схоластическому образованію, не пользовались у него особенною милостію, потому что не сочувствовали его стремленіямъ въ преобразованіи церковнаго управленія и не задумывались обличать крайности въ его реформахъ вообще. Властолюбивыя попытки папы по отношенію къ русской церкви, такимъ обр., въ началѣ 18 ст. кажутся неблаговременными болѣе, чѣмъ когда либо. Поэтому ихъ немного и было, и литература разсматриваемаго періода не богата антикатолическими произведеніями. Пользуясь

личнымъ присутствіемъ Петра В. въ Парижѣ (въ 1717 г.), сорбонскіе богословы предложили ему вопросъ о соединеніи римской и русской церкви, причемъ рассчитывали, конечно, на содѣйствіе всемогущаго монарха. Внушительный отвѣтъ государя, что онъ солдатъ и въ богословіе не мѣшается, несомнѣнно смутилъ ихъ. Они испросили у Петра позволеніе начать переговоры съ русскими епископами и написали къ нимъ посланіе. Отъ имени послѣднихъ составленъ былъ отвѣтъ въ двухъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ принадлежала Ѳ. Прокоповичу, другая Стефану Яворскому. Отослана была по назначенію первая, потому что она болѣе отвѣчала намѣренію Петра относительно русскаго патріаршаго престола, въ то время еще не выяснившемуся. Сущность отвѣта м. Стефана заключается въ слѣдующихъ его словахъ: „Аще бы мы и хотѣли сему злу (раздѣленію церкви) коимъ либо образомъ забѣжати, възбраняетъ намъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ничтоже, а наипаче въ столь великомъ дѣлѣ церковномъ, творити попускаетъ, престоль же святѣйшаго патріаршества русскаго празденъ и вдовствующій быти мнѣмъ, яко извѣстно есть иностраннымъ, и сего ради епископомъ безъ своего патріарха хотѣти что либо замышляти тоже было бы, акибы членамъ безъ своея главы, хотѣти движитися... Сей есть предѣлъ крайній, который въ настоящемъ дѣлѣ не попускаетъ намъ больша что либо глаголати или творити“ (1). Петръ не думалъ замѣнять патріаршій престоль. Прокоповичъ, какъ и всегда, угадалъ его мысль, или она была ему открыта. Онъ мотивировалъ отказъ русской церкви касательно ея соединенія съ римской иначе. „Россійская церковь, писалъ онъ, не одна православную церковь составляетъ; православія держатся и иные народы многіе“. Необходимо ихъ согласіе, иначе съ ними придетъ

(1) Тр. Кіев. дух. Акад. 1864 г. II, 169.

ся ссориться, а это немислимо. Это посланіе и было отправлено въ Сорбонну 15 іюля 1718 г. (1). Собственно антикатолическихъ произведеній петровской эпохи извѣстно два: „Отрипаніе и опроверженіе римско католическихъ догматовъ“ (2). — Палладія Роговскаго (игумена москов. Закономъспасекаго монастыря), написанное при отреченіи Палладія отъ католицизма, который обязательно навязывался въ то время всѣмъ, кто хотѣлъ получить образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Свое сочиненіе Роговскій подалъ патріарху Адріану, чтобы онъ разрѣшилъ ему поступить на службу русской церкви и государству. Другое сочиненіе — „Восписаніе на книгу папезскую“ — принадлежало Стефану Прибыловичу и написано было по случаю появленія книжки (какого-то уніата) подъ заглавіемъ: „Вопросы, разрѣшенные отвѣтами св. отецъ“, гдѣ оправдывались католическіе догматы хитро подобранными мѣстами изъ святоотеческихъ твореній. Стефанъ, на основаніи того же источника, съ прибавленіемъ свидѣтельствъ изъ св. писанія, опровергъ католическаго богослова и обличилъ его въ подлогахъ (3).

5) Сочиненія противъ раскола. Самую трудную и рѣшительную борьбу русская церковь должна была вынести съ расколѣмъ, который ко времени Петра В. сформировался и окрѣпъ на столько, что сталъ смѣло угрожать авторитету церковному и государственному, принявъ, по выраженію Шапова, религіозно-національно-демократическій характеръ и завоевавъ себѣ право гражданскаго существованія. Преобразованія Петра, менѣе всего согласовавшіяся съ симпатіями старообрядцевъ и непонятныя для народа, давали обильную пищу проповѣди расколуучите-

(1) Тамъ же, стр. 170.

(2) Отпечат. въ 18 ч. Древней рос. Вивліюонки.

(3) Словарь м. Евгенія, II, 262. «Восписаніе» не издано въ печати; хранится въ Петерб. академіи.

лей, настойчиво доказывавшихъ, что церковь православная на Руси стала мерзостью запустѣнія, что древнее благочестіе скрылось въ скитахъ старовѣровъ, что на престолѣ русскомъ воцарился „императоръ — антихристъ“, что Москва — Вавилонъ и т. д. Противораскольническая литература разсматриваемаго времени сохранила въ себѣ все, что было характернаго въ отношеніяхъ тогдашнихъ представителей церкви, а частію и государства, къ раскольникамъ. Въ зависимости отъ того, какое образованіе имѣли эти представители, какое общественное положеніе занимали они, какими полномочіями были облечены, насколько были знакомы съ раскольниками, какъ смотрѣли на нихъ — измѣнялись ихъ приемы въ литературной борьбѣ съ старообрядствомъ. М. Стефанъ, въ качествѣ дѣятеля противъ раскола, не похожъ на Птирима нижегородскаго, Ѳ. Прокоповичъ не похожъ на нихъ обоихъ. По характеру противораскольническихъ обличеній къ Стефану Яворскому близокъ Теофилактъ Лопатинскій; Птирима имѣлъ подражателя въ своемъ ученикѣ, іеромонахѣ Неофитѣ; близокъ къ нему и крестьянинъ Посошковъ.

Памятникомъ противораскольнической дѣятельности м. Стефана осталось между прочимъ его сочиненіе: „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“, носящее на себѣ отчетливые слѣды систематическаго образованія автора и малаго знакомства его съ тѣми людьми, для которыхъ онъ писалъ. Сочиненіе имѣетъ приличное предисловіе, установленную тему и правильно расположенныя части въ изложеніи главнаго предмета; оно свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ его зналъ латинскій и греческій языки, былъ начитанъ въ богословской области, и — о томъ, что изъ раскольнической литературы онъ, кромѣ тетрадокъ Талицкаго (1), ничего не читалъ, хотя въ ней вопросъ объ антихристѣ былъ однимъ изъ видныхъ

(1) Знаменія пришествія антихриста з. 22 наоб.

съ давнихъ поръ. „Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка“ Стефанъ написалъ вскорѣ по вступленіи въ званіе блюстителя патриаршаго престола (первое изданіе сочиненія относится къ 1703 г.), въ то время, когда у него было множество дѣла и безъ раскольниковъ; онъ знакомился съ епархіей, съ патриаршими дѣлами, судилъ еретиковъ, писалъ проповѣди, хлопоталъ о школахъ. При всемъ томъ, онъ не могъ и не хогѣлъ молчать, когда ему донесли, что въ Москвѣ появился цѣлая шайка дерзкихъ бунтовщиковъ, устно и письменно возмущавшая народъ мыслию, что Петръ В.—антихристъ, а его помощники — слуги діавола, увлекающаго православныхъ на путь гибели. Истребивъ шайку при помощи гражданской власти, Стефанъ хотѣлъ истребить и посѣянные ею плевелы, хотѣлъ путемъ убѣжденія успокоить взволнованные умы и возвратить къ обычнымъ занятіямъ тѣхъ, которые бѣжали изъ городовъ и сель въ лѣса, въ скиты и пустыни, чтобы тамъ умереть въ готовыхъ гробахъ не даваясь въ руки слугамъ антихристовымъ. Не ограничиваясь проповѣдью, Стефанъ рѣшился писать сочиненіе, хотя довелось писать его спѣшно, безъ подготовки, лишь при помощи латинскаго сочиненія Мальвенды „Antichristus“. Понятно, что произведеніе вышло далеко не такое, какого требовали обстоятельства и цѣль его написанія. Содержаніе его, кромѣ приступа, указывающаго на трудность подлежащаго рѣшенію вопроса, составляетъ разсмотрѣніе признаковъ пришествия антихристова, указанныхъ въ св. писаніи. М. Стефанъ дѣлитъ ихъ на три категоріи, на предваряющіе, совокупные и послѣдствующіе. Излагая православное ученіе объ антихриствѣ и его пришествіи, сочиненіе опровергаетъ вслѣдъ за тѣмъ неправильныя мнѣнія раскольниковъ по данному вопросу, заключая въ себѣ, такъ обр., двѣ стороны—положительно-догматическую и отрицательно-полемическую. Послѣдняя у Стефана очень слаба и мало содержательна. Обыкновенный приѣмъ его таковъ: онъ ставитъ вопросъ и, не разобравъ обстоятель-

но всѣхъ недоразумѣній, связанныхъ съ нимъ, прямо говорить: „отвѣщаю“, и кратко, въ докторальномъ то-нѣ пишетъ свой отвѣтъ, подкрѣпляя его относительно немногими цитатами изъ св. писанія и отеческихъ твореній. Скрупулезныхъ въ сущности, но серьезныхъ въ глазахъ раскольниковъ, возраженій и доводовъ Стефанъ или не зналъ, или игнорировалъ ихъ намеренно. Лучшими мѣстами его сочиненія можно назвать тѣ, въ которыхъ авторъ былъ внимательнѣе, снисходительнѣе къ невѣжеству своихъ противниковъ. Въ началѣ книги напр., о седмицахъ давидовыхъ⁽¹⁾, или „о первомъ знаменіи, пришествіе антихристово предварающемъ, еже ссть разореніе и кончина монаршества римскаго“⁽²⁾, говорится довольно много; глава 8-я „о имени антихристовѣ и о начертаніи его“ отличается особенно подробными каббалистическими (по выраженію Фокеродта) изысканіями и въ свое время навлекла даже нареканія на м. Стефана: его обвиняли въ мелочности, въ любви къ пустому словопренію⁽³⁾, хотя это обвиненіе въ настоящемъ случаѣ нельзя назвать заслуженнымъ, соображая, что Стефанъ полемизировалъ съ раскольниками петровской эпохи. Для нихъ не неумѣстны были даже такія разсужденія, какими занимается м. Стефанъ по вопросу о рожденіи антихриста⁽⁴⁾, приводя тутъ различныя, совсѣмъ не-солидныя мнѣнія и выбирая изъ нихъ „истиннѣйшее“.

(1) Тамъ же, л. 9 наоб. и дал.

(2) Тамъ же л. 27 и дал.

(3) Извѣстный по своимъ запискамъ о Россіи при Петрѣ В. Фокеродтъ (секретарь прусскаго посольства при русскомъ дворѣ) далъ такой отзывъ о сочиненіи Стефана, «м. Стефанъ написалъ противъ Таллицкаго сочиненіе до того плохое, что оно могло бы служить посмѣшищемъ для всей Европы. Одно изъ самыхъ главныхъ доказательствъ, почему Петръ не антихристъ, выводилось изъ того что антихристово число 666 никакой каббалой нельзя было составить изъ имени Петра». Чт. въ обществѣ ист. и древ. рос. 1873 г., II: «Матеріалы иностранныя», стр. 10. Записки Фокеродта отпечатаны въ «Рус. Архивѣ» за 1872 г.

(4) Листъ 44 и дал.

Если истиннѣйшее мнѣніе и не всегда имѣло подь собою твердую почву, все же оно было лучше и основательнѣе раскольническихъ. Вопросъ объ имени антихриста интересовалъ Стефана настолько, на сколько имъ занимались раскольники; его задача состояла въ томъ, чтобы показать накончаемыя разногласія даже между просвѣщенными богословами въ пониманіи темнаго апокалипсическаго мѣста, упоминающаго о числѣ звѣриномъ, и привести читателей къ сознанию что досужее любопытствіе на этотъ счетъ не можетъ дать никакого дѣльнаго результата (1). Въ разсматриваемомъ сочиненіи постоянно имѣется въ виду разъ намѣченная цѣль: разоблачить несостоятельное убѣжденіе раскольниковъ, будто антихристъ уже пришолъ и царствуетъ въ лицѣ Петра; всѣ доказательства автора сводятся къ той мысли, что признаковъ наступившаго пришествія антихристова, указанныхъ въ св. писаніи, нѣтъ, а если они и открываются лжеучителями, то совершенно неправильно, произвольно и злонамѣренно.—Высказанныя положенія свои, какъ мы замѣтили, Стефанъ обыкновенно основываетъ на св. писаніи и свято отеческихъ сочиненіяхъ. Въ св. писаніи онъ различаетъ два смысла—буквальный и таинственный (2). Склонность понимать библейскій текстъ преимущественно въ духовномъ смыслѣ не доходитъ у него до схоластическихъ крайностей. Сравнительная простота, естественность въ толкованіи слова Божія составляетъ одну изъ хорошихъ чертъ настоящаго произведенія. Таинственный смыслъ большею частію безъ натяжекъ принаравливается въ немъ къ содержанию текста и удобно подразумѣвается въ послѣднемъ. Въ выдержкахъ изъ св. отцевъ онъ также не обнаруживаетъ схоластическаго стремленія произвольно подтасовывать цитаты, перетолковывать ихъ въ

(1) Листъ 66 наоб. и 67.

(2) Листъ 32 наоб. и дал.

свою пользу; выписывая ихъ часто сполна, онъ понимаетъ ихъ правильно (¹). Историческихъ данныхъ у м. Стефана почти нѣтъ (²).—Какъ на важный недостатокъ сочиненія, кромѣ слабости его полемической части, нужно указать еще на бранныя выраженія, нерѣдко встрѣчающіяся въ немъ и относящіяся къ раскольникамъ, которые, конечно, могли только раздражаться ими (³). Во внѣшней обработкѣ, въ изложеніи, замѣчается схоластичность, но умѣренная. Языкъ сочиненій свободенъ отъ иностранныхъ словъ и тяжелыхъ оборотовъ. Встрѣчающаяся по мѣстамъ образность рѣчи, нѣкоторая витіеватость съ слога не вредятъ общедоступности сочиненія. Судя по тому, что трудъ Стефана неоднократно издавался печатно въ 18 ст. (⁴), можно заключать о его немаловажномъ значеніи для своего времени. Самъ авторъ усердно заботился о его распространеніи: рекомендовалъ его новгородскому м. Іову (⁵), а директору типографіи Поликарпову велѣлъ раздавать экземпляры его всѣмъ желающимъ бесплатно (⁶). Но позволительно предполагать и то, что значеніе и популярность сочиненія Стефана мало простиралась на раскольническую среду: на первыхъ же порахъ раскольники отвѣтили Стефану сочиненіемъ, гдѣ провели параллель между своимъ ученіемъ о Петръ—анти-

(¹) У него встрѣчаются имена: Св. Аванасіи, Г. Златоустаго, І. Дамаскина, Кирилла Гер., Теофилакта, Амвросія, Мегафраста, Кирилла Алек. Ниполита и др.

(²) Имена Баронія, Зонары, Бедьскаго, Никифора Каллиста только перечислены (л. 22).

(³) Раскольники называются у Стефана козлящами, безсловесными, рожденіемъ эхидновымъ, скорпіями вселютѣйшими (предисл. л. 3 наоб. и 9), скудоумными (38 л.), безмозглыми мужиками (66 наоб.) и т. п.

(⁴) Словарь духов. писат. м. Евгенія, II, 253. У насъ имѣлось изд. 1819.

(⁵) Странникъ 1861 г., II, 120. Въ Новгородѣ также ходили тетрадки Талицкаго.

(⁶) Тр. К. Дух. Ак. 1864 г. I, 260.

христѣи признаками пришествія антихристова, изложенными у митрополита, нашли соотвѣтствіе и тѣмъ разумѣется, нанесли чувствительный ударъ сочиненію Стефана, по крайней мѣрѣ въ глазахъ своихъ собратій (¹).

Другимъ памятникомъ петровской противораскольнической литературы, памятникомъ, по характеру похожимъ на разсмотрѣнное сочиненіе м. Стефана, служить „Обличеніе неправды раскольническія“ Теофилакта Лопатинскаго. Это произведеніе также явилось изъ-подъ пера не специально приготовленнаго автора, также носить на себѣ печать обширнаго и систематическаго образованія послѣдняго, слѣды его основательнаго знанія греческаго языка, но, кромѣ того, оно свидѣтельствуетъ и о его знакомствѣ съ русскими сочиненіями, написанными раньше противъ раскола, хотя въ полемической части и оно не отличается тою опытностію, тою внимательностію къ возраженіямъ противниковъ, какія находимъ, напр. у Питирима нижегородскаго.—Когда раскольники на всѣ предложенія явиться въ Синодъ для открытыхъ ученыхъ состязаній отвѣчали молчаливымъ отказомъ. Синодъ, по указу государя, для собесѣдованія съ ними на мѣстѣ ихъ жительства, отправилъ въ Поморье іеромонаха Неофита, а въ Стародубье іеромонаха Іосифа (Рѣшилова), снабдивъ ихъ подробной инструкціей (въ 17-ти пунктахъ), гдѣ давались наставленія, какъ обращаться съ раскольниками и куда сообщать о результатахъ миссіи (²). Но раскольники опять не хотѣли устно состязаться съ православными на ученой почвѣ. Прибывшій по назначенію Неофитъ послалъ къ выговцамъ 106 вопросовъ и ждалъ отъ нихъ отвѣта, сообразно своему требованію, черезъ мѣсяць. Отвѣты были, сверхъ ожиданія миссіонера, очень обширны и неудовлетворительны, хотя надъ ними трудились не мѣсяць, а семь мѣся-

(¹) Хр. чт. 1863 г. III, 220 и дал.

(²) Тр. К. Д. Ак. 1860 г. III, 242—49.

цевъ. Въ нихъ собрано было все, чѣмъ богаты были раскольники со временъ Никона и что давно уже было опровергнуто православными учителями. Въ устныхъ бесѣдахъ съ Неофитомъ раскольники упорно держались своего и постоянно ссылались на свои отвѣты. Неофитъ понялъ, что нужно писать почтенныхъ размѣровъ книгу для новаго опроверженія раскольническаго кодекса, о чемъ просили въ предисловіи и сами составители его. Поэтому онъ, записавъ кратко свои диспуты, возвратился въ Синодъ. Трудъ письменнаго опроверженія поморскихъ отвѣтовъ выпалъ на долю преосв. Теофилакта Лопатинскаго, который и составилъ названное выше сочиненіе. Исключительное вниманіе авторъ обратилъ въ немъ на 50-й отвѣтъ раскольниковъ, гдѣ подъ нѣсколькими рубриками исчислены были всѣ мнимыя новизны и ереси русской церкви, ради которыхъ раскольники оставили ее. Разсмотрѣнію этихъ пунктовъ и посвящена вся книга (изъ 10 главъ), а относительно прочихъ отвѣтовъ авторъ ея въ послѣдней главѣ замѣтилъ, что они „безъ всякаго обличенія сами себе показываютъ быти неправыми: иныя бо ложными доводами утверждаются, иныя суетнымъ многословіемъ и приборными рѣчами покрываютъ силу вопросовъ (Неофита), иныя мимо вопросовъ колобродятъ“... На это у Теофилакта находимъ и доказательства (1). Главная мысль, проникающая все сочиненіе Теофилакта, та, что „ни едина изъ статей (разногласія между православіемъ и расколомъ), ни вси кунно, довольни суть къ раздору церковному: не суть бо сія догматы апостольскія и православныя вѣры, но внѣшніе чины и обряды церковнаго моленія, не отъ Христа преданныя, не отъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ установленныя, но отъ пастырей потомъ благоглѣбія ради и внѣшняго единогласнаго вѣрныхъ знаменія, введенныя, иныя же и невѣдомо откуда внешнею догматичностию утверждаются, отъи у православныхъ ахын

(1) Обличеніе неправды раск., гл. 10 листъ 49 и д. 1000 (1)

сошася и долговременнымъ обычаемъ утвердишася“ (1) Эту мысль авторъ постоянно имѣетъ въ виду и развиваетъ ее во всѣхъ частяхъ книги, доказывая, что если и есть въ исторіи основанія для какого либо обряда церковнаго, то они на сторонѣ православія, а не раскола.—Взявъ „первый чинъ раскольническаго суетвѣрія, во еже бы въ знаменіи крестномъ слагати два персты средній, а палець — съ двумя послѣдними“, Теофилактъ шагъ за шагомъ опровергаетъ его 1) на основаніи св. писанія („сложеніе перстовъ раскольническое ни отъ Христа предано, ни отъ апостоловъ проповѣдано“), 2) на основаніи соображенія (что иконописаніе, которому даютъ большое значеніе раскольники, не можетъ стоять на ряду съ авторитетомъ св. писанія, 3) на основаніи разногласія по данному предмету въ средѣ самыхъ раскольниковъ, 4) на основаніи сочиненій свв. отцовъ и учителей церкви, 5) — соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, 6) на основаніи перстосложенія у мощей святыхъ. Въ такомъ родѣ написаны всѣ главы „Обличенія неправды раскольнической“, главы обширныя и обстоятельныя, свидѣтельствующія, объ усердномъ трудѣ автора. Св. писаніе, творенія свв. отцовъ, дѣянія соборовъ, церковно-историческія свѣденія не составляютъ еще всего научнаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи пр. Теофилакта. Онъ обратилъ серьезное вниманіе на археологическія и литургическія данныя, особенно драгоценныя въ спорѣ съ расколомъ касательно изображенія креста Господня, перстосложенія для крестнаго знаменія, иконописи и т. п. и этихъ данныхъ у него оказывается большой запасъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги приложены различныя рисунки съ доказательствами ихъ историческаго достоинства. Наконецъ, Теофилактъ зналъ библиографію древнихъ церковно-богослужебныхъ и другихъ книгъ.—Выдержекъ изъ разныхъ церковныхъ писателей у него встрѣчается множество; они

(1) Предисл. гл. 2. слова 91 сл. жезлъ издаваема въперизь80 (1)

отличаются обширностію (1), и ко многимъ изъ нихъ, гдѣ нужно, авторъ относится критически (2). Не опущены у него и произведенія русской литературы въ родѣ „Жезла Правленія“, „Пращицы“ и т. п. Нерѣдко обращается онъ къ славянскимъ богослужебнымъ и катихизическимъ книгамъ (3). Наконецъ, что особенно важно въ полемикѣ, Теофилактъ опирается и на такіе авторитеты, которые имѣютъ вѣсъ и у его противниковъ, напр. на Кириллову книгу. Постановленія собора 1551 г., будто бы утвердившаго нѣкоторыя догмы раскола, онъ опровергаетъ на основаніи другихъ соборовъ и главнымъ образомъ—собора 1667 г.—Вообще, со стороны содержанія сочиненіе Теофилакта полно и обстоятельно въ разсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые онъ въ немъ рѣшалъ, но недостаточно было для своей цѣли, такъ какъ изъ 106-ти отвѣтовъ, данныхъ раскольниками Неофиту, оно останавливалось на одномъ, хотя существенномъ и важномъ. Всѣ другіе отвѣты Теофилактъ назвалъ не заслуживающими вниманія и серьезнаго опроверженія. Это для раскольниковъ, надо полагать, было совсѣмъ неубѣдительно. Правда, у Теофилакта приведены примѣры ихъ несостоятельности, но, основываясь на нихъ, онъ напрасно предполагалъ, что читатели во всемъ остальномъ повѣрятъ ему на слово и вполне согласятся съ нимъ. Правда, далѣе, что Теофилактъ нерѣдко отсылаетъ читателей за разрѣшеніемъ недоразумѣній къ прежде написаннымъ сочиненіямъ противъ раскола, но и въ

(1) Теофилактъ цитуетъ: Афанасія В., Василия В., І. Златоустаго, Кирилла Іерус., Амвросія, Тертуліана, Григорія Наз., Мелетія Ант., Θεодорита Кирскаго, Петра Дамаскина, Никифора Панаголю, Григорія Неокасар., Августина, Іеронима, Иннокентія, папу римскаго, Принея, Иустина, Созомена, Никифора Ксанопула, Евсевія Памфила и др. (2) См., напр., разборъ житія Евфросія Псковскаго, стр. 99—107 и дал. (3) У него есть выдержки изъ Мидея, Октоиха, Пролога, Филаретовскаго Трехника, Коричей и т. д.

этомъ представлялось большое неудобство: книги въ то время, какъ жаловался Посошковъ, были рѣдкостію; не бѣда, слѣд. если бы полемиеть и допустилъ повторенія въ защиту православія, не взирая на мелочность раскольническихъ придирокъ. — Другая важная опрометчивость Теофилакта—пренебрежительный тонъ его въ обращеніи не только съ самими раскольниками, но и съ тѣми авторитетами, на которыхъ они основывали свою полемику. Раскольниковъ онъ осыпаетъ руганью не меньше м. Стефана (¹). Въ изложеніи сочиненія Теофилакта нужно отнести къ числу недостатковъ излишне-дробную дѣлимость. Въмѣсто того, чтобы, напр., въ четвертомъ „разсужденіи“ о перстосложеніи для крестнаго знаменія, просто опровергать постановленія стоглаваго собора, онъ дѣлитъ это разсужденіе на 10 частей (потому что находитъ 10 „винъ“, доказывающихъ невѣжество отцовъ собора) и отмѣчаетъ рубрики: „вина первая“, „вина вторая“ и т. д., хотя нѣкоторыя изъ нихъ легко было соединить. Не мало пестрятъ страницы и обычныя у него рубрики: „вопросъ“, „отвѣтъ“, „отвѣтъ на отвѣтъ“ и т. п. Часто, наконецъ, у Теофилакта составляютъ особенныя дѣленія выдержки изъ разныхъ церковныхъ писателей (²). Планъ сочиненія поставленъ въ зависимость отъ порядка статей разногласія между православіемъ и расколомъ, перечисленныхъ въ 50-мъ отвѣтѣ на вопросы Неофита; системы въ немъ нѣтъ. Сочиненіе не представляетъ собою труда цѣлостнаго и законченнаго.

(¹) Они у него—сыны діавола, есіоны, всезлые люди и т. п. Сравнивая ихъ съ прелюбодѣлюю женою, онъ употребляетъ ужъ совѣсмъ неприличныя выраженія (гл. 1, л. 8 наоб.). У него не рѣдкость, потому, такія выраженія: «Двуперстное ваше сложеніе (говоритъ онъ, обращаясь къ раскольникамъ) отстоитъ ли отъ латинскаго перстосложенія, или ни, о томъ здѣ разсужденія не творимъ, и отъ латинъ ли вы взяли, или отъ внаго какого горшаго черта, о томъ здѣ не изслѣдуемъ» (л. 26). Или: «Сколько ты ни мый своего есіона Зизанія, не возможеши его бѣлымъ сотворити» (л. 139) и т. п.

(²) Листъ 10—15.

Новый памятникъ противораскольнической литературы, уже другаго типа, мы имѣемъ въ сочиненіи Пятирима нижегородскаго, подъ заглавіемъ: „Працица противу вопросовъ раскольническихъ“. Благодаря особеннымъ обстоятельствамъ своей жизни⁽¹⁾, Птиримъ изучилъ расколь по первоисточникамъ, узналъ его внутреннія пружины и неожиданно выступилъ смѣлымъ его обличителемъ, подъ покровительствомъ Петра и съ благословенія м. Стефана, получивъ назначеніе быть миссіонеромъ въ керженскихъ и чернораменскихъ дѣсахъ нижегородской губерніи, гдѣ ютилось одно изъ главныхъ гнѣздъ раскола. Св. писаніе, святоотеческія произведенія, дѣянія соборовъ, церковная археологія и письменность составили научную почву въ его полемической борьбѣ и помогали ему въ большинствѣ случаевъ выходить изъ нея побѣдителемъ. Неустомимая ревность монаха сломила упорство раскольниковъ, — онъ заставилъ ихъ слушать себя и въ частныхъ бесѣдахъ, и при народныхъ собраніяхъ, отвѣчать на свои устные и письменные вопросы опредѣленно, безъ обычныхъ увертокъ. Долго Птиримъ ограничивался въ своей полемикѣ устными бесѣдами съ противниками; но потомъ, сознавъ необходимость и возможность изложить подробное опроверженіе раскольническихъ заблужденій письменно, онъ въ генварѣ 1716 года послалъ къ раскольникамъ діаконова согласія 130 вопросовъ, требуя особаго и обстоятельнаго рѣшенія каждаго изъ нихъ. Онъ спрашивалъ: что заставило раскольниковъ отдѣлиться отъ церкви? Какъ понимаютъ они себя и православныхъ? Въ чемъ состоитъ ихъ ученіе, что оно значитъ, на чемъ основано? Раскольники общали отвѣчать письменно же, но чрезъ пять мѣся-

(1) Родители и родственники воспитали его въ раскольни. духъ. См. брошюру: Птиримъ, архіед. нижегор. и алатырскій. Дѣятельность Птирима противъ раскола, въ связи съ біографіей, рассмотр. у г. Ободкаго, въ Хр. Чит. 1874 г. III, 1—14 и 247—312.

цевъ прислали Питуриму не отвѣты, а 240 вопросовъ съ требованіемъ ихъ рѣшенія. Питуризмъ и написалъ „Працицу противу вопросовъ раскольническихъ“—одно изъ обширнѣйшихъ сочиненій своего времени, сочиненіе безъ хорошей литературной отдѣлки, но вѣское своимъ содержаніемъ. Въ авторѣ вопросовъ, по замѣчанію г. Опоцкаго, видится человекъ съ обширными свѣденіями догматическими, историческими, археологическими и каноническими, тщательно изучившій пункты несогласія раскола съ церковію, знакомый съ противораскольнической полемикой и со всѣмъ, что можно сказать въ защиту старообрядства. Кромѣ общихъ и извѣстныхъ положеній раскола, онъ предлагалъ новыя возраженія, опиравшіяся большею частію на археологическихъ, церковно-историческихъ и библиографическихъ данныхъ. Изъ вопросовъ, одни касались общихъ богословскихъ тезисовъ, другіе—частныхъ разногласій между православіемъ и расколомъ. Первые поставлены преимущественно въ началѣ книги, находятся въ связи съ послѣдними и служатъ для нихъ какъ бы основаніемъ. На общіе богословскіе вопросы (что есть вѣра? что есть преданіе вѣры? что есть догматъ?—церковь?) Питуризмъ отвѣчалъ кратко и ясно, согласно съ св. писаніемъ и опредѣленіями св. отцовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ Питуризмъ остановился на вопросѣ о церкви (о ея установленіи, характерѣ, правахъ и обязанностяхъ, о ея іерархіи, таинствахъ и т. д.), потому что въ этомъ вопросѣ онъ видѣлъ краеугольный камень для своихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Послѣ общихъ вопросовъ, дѣло сводится собственно на причины раздѣленія русской церкви и полемика стоитъ больше на церковно-исторической почвѣ. Разсмотрѣны мнимыя новизны въ богослужебныхъ книгахъ, разсмотрѣны основанія невѣжественнаго возмущенія и совершеннаго отдѣленія раскольниковъ, разсмотрѣны попытки церкви образумить фанатиковъ, упомянуты антираскольническіе соборы и розобраны ихъ дѣйствія, разсмотрѣны письменныя авторитеты раскольническаго

ученія, приняты во вниманіе вопросы объ аллилуіа, о перстосложеніи, объ изображеніяхъ на просфорахъ, объ антимицахъ и т. д. Не забыть и вопросъ объ антихристѣ. Пителирмъ не хотѣлъ миновать ни одного сомнѣнія и заботился о полнотѣ своихъ отвѣтовъ. Способъ его доказательствъ соотвѣтствуетъ полемическимъ приемамъ самихъ раскольниковъ. Отвѣтъ у Пителирмы ставится прямо послѣ резюмированного вопроса и сразу подкрѣпляется очевидными данными, если только эти данныя имѣются у него въ достаточномъ количествѣ; ловкихъ фразъ и мудреныхъ софизмовъ, которые прикрывали бы внутреннюю несостоятельность, у него нѣтъ. Къ мелочнымъ придиркамъ раскольниковъ Пителирмъ не относился съ пренебрежительнымъ молчаніемъ, хотя въ его тонѣ нерѣдко звучитъ раздражительность противъ ихъ ничтожности и безтолковости (1).

Какъ всякое обширное по своей задачѣ сочиненіе „Пращица“ не во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково подробна и основательна; погрѣшаетъ она, конечно, въ тѣхъ частяхъ, къ написанію которыхъ у автора не было надлежащихъ средствъ. Отдѣлъ о богослужебныхъ книгахъ, напр., не могъ быть обработанъ Пителирмой основательно, потому что онъ не зналъ греческаго языка и заимствовалъ свои свѣденія при сличеніи стараго и новаго текста изъ чужихъ рукъ, не имѣя возможности отнести къ нимъ критически. Тамъ, гдѣ Пителирмъ имѣлъ дѣло съ русскими источниками, онъ является полнымъ хозяиномъ, дѣлаетъ относительно ихъ иногда обширныя библиографическія замѣчанія (о соборномъ дѣяніи на еретика Мартина); а касательно переводныхъ пособій онъ ограничивался такими лишь замѣтками: „Оная книга Симеона Фессалонитскаго, изъ нея же здѣ во отвѣтахъ многія приведены свидѣтель-

(1) Бранныхъ выраженій въ «Пращицѣ» находимъ не меньше, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ.

ства, переведена убо въ Москвѣ съ печатныя греческія книги, печатанной въ Молдовалахіи, въ Гіазѣ, патріархіи іерусалимской, во обители первоверховныхъ апостоль Петра и Павла; а свидѣтельствована въ достовѣрное утвержденіе древнею письменною греческою же книгою, а та книга писана во градѣ Фессалоникѣ, во обители св. І. Крестителя, въ лѣто 742. А у греческихъ учителей, у іеромонаха Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ естъ“ (1). Не удивительно, если раскольники относились къ такимъ краткимъ свѣденіямъ съ сомнѣніемъ. Понятно также, почему Пителирь преимущественно пользовался пособиями русскаго происхожденія, или такими изъ переводныхъ, популярность и авторитетность которыхъ не могла быть заподозрена его противниками (2).—Внѣшняя отдѣлка „Пращицы“, какъ замѣчено выше, не отличается особенными достоинствами, что повторимъ здѣсь, зависѣло отъ образованія ея автора и, нужно прибавить, имѣло свою хорошую сторону для читателей—простецовъ, Жаль только, что Пителирь не избѣжалъ смѣшенія догматическихъ вопросовъ съ обрядовыми, рабски придерживаясь порядка предложенныхъ ему недоумѣній. Языкъ Пращицы, простой и ясный вообще, темень тамъ, гдѣ у Пителиря не доставало надлежащаго пониманія предмета. По мѣстамъ онъ не правиленъ. Видно, что объ изяществѣ и чистотѣ его авторъ заботился мало.—Сравнивая, въ заключеніе, количество достоинствъ и недостатковъ Пращицы“, нужно сказать, что первыя рѣшительно перевѣшиваютъ въ ней послѣдніе и со-

(1) Пращица, стр. 285.

(2) Пителирь цитуетъ: Василія В., Іоан. Златоустаго, Гр. Назіанзина, Марка Ефес., Андрея Кесарійскаго, Матвея Властаря, а больше: Увѣтъ духовный, Жезлъ правленія, сочиненія Максима Грека, Книгу о вѣрѣ, Катихизисъ, Кормчую, Прологъ, Кириллову книгу, Требникъ хартейный, Скрижалъ, соборное дѣяніе на еретика Мартина, соборныя свѣтки и т. п.,—все, что только онъ могъ собрать при своемъ рвеніи и усидчивомъ трудѣ.

вершено оправдываютъ ея популярность въ свое время. Это капитальное сочиненіе увѣнчало долготѣльную дѣятельность трудолюбиваго миссіонера противъ раскола и увѣковѣчило ее. Посѣщая раскольничьи скиты, Пителимъ, какъ извѣстно, нерѣдко раздавалъ здѣсь и разсылалъ тетрадки противораскольническаго содержанія. Они остались неотпечатанными и затерялись, какъ затерялось множество и другихъ мелкихъ произведеній петровской духовной литературы, которыя въ общей характеристикѣ ея могли бы имѣть важное значеніе. „Пращица“ является дорогимъ сборникомъ опроверженій раскола со стороны человѣка, посвятившаго на изученіе его всю жизнь и знакомаго съ нимъ до подробностей. Какъ ни малы были средства его образованія, онъ воспользовался ими съ замѣчательнымъ умѣньемъ, характеризующимъ природный здравый смыслъ и житейскую опытность лучшихъ представителей духовенства петровской эпохи.

Были у Пителима въ борьбѣ съ расколомъ и сотрудники, которыхъ онъ искалъ усердно и которые много содѣйствовали ему (1). Между ними особенно выдавались: вышеупомянутый Неофитъ (миссіонеръ въ предѣлахъ олонеккой губерніи), Андроникъ (миссіонеръ на Вѣткѣ), Іосифъ Рѣшиловъ (въ Стародубѣ), Филаретъ (состоявшій при св. Синодѣ увѣщателемъ раскольниковъ). Письменные труды первыхъ двоихъ (Неофитъ написалъ 106 вопросовъ по расколу, а Андроникъ— сочиненіе о крестѣ)—незначительны; написали ли что нибудь двое послѣднихъ, неизвѣстно. Въ Новгородѣ находилъ время возражать противъ раскола извѣстный своими заботами о духовныхъ школахъ м. Іовъ. Тетрадки и мысли Талицкаго, который былъ представителемъ мнѣній (касательно совершившихся реформъ) громадной массы простонародья (2), быстро распро- тра-

(1) Хр. Чт. 1874 г. III, 302 и дал.

(2) Страницы 1882 г. Мартъ, 360.

нились въ Новгородѣ, въ Вологдѣ, въ Астрахани, въ Пензѣ. М. Іовъ противъ появившейся тетрадки „о рожденіи антихриста“ поспѣшилъ написать „увѣщательный отвѣтъ отъ писаній“ и въ спискахъ разослалъ его по епархіи. „Отвѣтъ“ надо полагать, былъ основательный: Петръ велѣлъ его отпечатать для всеобщаго употребленія. При удобныхъ случаяхъ, потомъ, м. Іовъ не уклонился и отъ устныхъ бесѣдъ съ раскольниками; такъ онъ вступалъ въ споръ съ вожаками раскола, извѣстными братьями Денисовыми.

Противъ раскола писалъ и Посошковъ. Какъ и Пителимъ, онъ въ молодости самъ былъ раскольникомъ, хотя и не извлекъ изъ знакомства съ расколомъ тѣхъ выгодъ для полемики съ нимъ, какія извлекъ нижегородскій миссіонеръ. Сочиненіе его озаглавляется: „Зерцало, сирѣчь очевидное и извѣстное, на суетумудріа раскольнича, въ немъ же чрезъ св. Евангеліе и Апостольскую проповѣдь и чрезъ многая Божественная писанія, ясно вся ихъ блядословная главизна изъяснится“. Въ расположеніи главъ этого, довольно обширнаго, сочиненія систематичности нѣтъ, хотя у Посошкова не было предъ глазами безпорядочныхъ, раскольническихъ вопросовъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, что оправдывало бы бессистемность его произведенія, какъ, напр., было у Пителима. Извиняясь предъ читателями (¹) за неполноту своихъ обличеній противъ раскола, Посошковъ говоритъ, что онъ обличаетъ изъ раскольническаго ученія только то, что слышалъ отъ лжеучителей при своихъ съ ними сношеніяхъ, которыя съ временемъ прекратились и больше, кажется, не возобновлялись. Не отыскивая взаимной связи и соподчиненія между вопросами, которые ему довелось обсуждать съ раскольниками, Посошковъ въ „Зерцалѣ“ ставитъ рубрику за рубрикой: глава 1) о хульникахъ на Св. Духа, и на церковь, и на вся святы-

(¹) Прилож. ко окончанію Зерцала, стр. 206.

ни; гл. 2) о ругателяхъ; гл. 3) о осудителяхъ, людей осуждающихъ, себе же оправдывающихъ; гл. 4) о крестьянъ и т. дал. до 26-ти главъ. Раскольниковъ Посошковъ осуждаетъ очень строго, примѣняя къ нимъ самыя рѣзкія выраженія св. писанія касательно еретиковъ и воспрещаая всякое общеніе съ ними. Характеристикъ раскольниковъ онъ посвящаетъ нѣсколько главъ, одну другой бранчивѣе (*). Предостерегая православныхъ отъ раскола, Посошковъ научаетъ ихъ различать истинныхъ учителей церкви отъ волковъ въ овчихъ кожахъ, отъ лжеучителей—раскольниковъ, указывая признаки тѣхъ и другихъ. Сравнительно съ разсмотрѣнными выше противораскольническими произведениями, трудъ Посошкова не представляетъ ничего новаго, существенно важнаго. Въ области богословія, по выраженію Брикнера, Посошковъ былъ диллетантъ. Пользуясь своимъ случайнымъ знакомствомъ съ расколомъ, подмѣтивъ его слабыя стороны, онъ, при помощи своей начитанности, вздумалъ, по мѣрѣ разумѣнія, написать опроверженіе лжеученія, руководясь тою мыслию, что, какъ бы ни былъ слабъ его трудъ, онъ принесетъ долю пользы его соотечественникамъ при современной скудости полемическихъ сочиненій противъ раскола. Образцами для Посошкова могли служить сочиненія, ранѣе его написанныя, а пособиями—тѣ же произведенія, которыми пользовался Птириимъ. Знакомства съ церковною археологіею, впрочемъ, у Посошкова не замѣчается, библиографическихъ изысканій онъ не дѣлаетъ, богослужебныхъ книгъ не сличаетъ. Многія главы у него написаны исключительно на основаніи св. писанія и двухъ-трехъ отцовъ церкви и разбавлены благочестивыми размышленіями и возгласами (**). Чаше другихъ у Посошкова встрѣчаются цитаты изъ І. Златоустаго и Кирилла Іерусалимскаго.

(*) Таковы главы 1, 2 и 14.

(**) Напр. 2, 3, 6, 8 и др.

Не много въ „Зерцалѣ“ главъ убѣдительныхъ для раскольниковъ по своей основательности, по непререкаемости доводовъ. Большинство изъ нихъ состоитъ изъ положеній и увѣщаній, которыя каждый расколучитель легко могъ обратить противъ православныхъ. Въ главѣ „о хульникахъ на Св. Духа и на церковь и на вся святыни“ Посошковъ доказываетъ не то, что хульниками являются раскольники, а то, что хульники заслуживаютъ небесной кары, въ чемъ никто не сомнѣвался. Во второй главѣ—„о ругателяхъ“—тоже самое. Кромѣ того, въ обѣихъ главахъ находятся мѣста, прямо соблазнительныя для раскольниковъ: въ нихъ трактуется о послѣднихъ дняхъ міра, когда, по писанію, должны явиться хульники и ругатели въ своихъ похотѣхъ ходящій. Посошковъ въ появленіи раскольниковъ видитъ признакъ послѣднихъ временъ, между тѣмъ какъ раскольники сами проповѣдывали о пришествіи антихриста; во взглядахъ оказывалось, такъ обр., нѣчто общее, очень опасное въ петровскую эпоху. Глава 3 написана на тему: *не судите, да не судимы будете* и представляетъ совершенно лишнія страницы въ книгѣ. Трактатъ о крестѣ (гл. 4) основательнѣе и дѣльнѣе другихъ: въ немъ авторъ весьма благо разумно доказываетъ, что всякій крестъ, и четвероконечный и осмиконечный, одинаково заслуживаетъ почтенія, и что четвероконечный—исторически такъ же ^{болѣе} погрѣбительнъ, какъ и осмиконечный. Въ 5-й гл. Посошковъ усиленно доказываетъ что І. Христосъ не стоялъ на крестѣ, а висѣлъ, и что думающіе иначе подлежатъ церковному проклятію, наравнѣ съ еретиками, отрицающими страданія Спасителя. 7-я гл. посвящена разсужденію о томъ, что непокоряющіеся церкви и устроющіе собранія помимо нея заслуживаютъ полного осужденія и наказанія, а опредѣленія признаковъ истинной церкви въ ней нѣтъ, такъ что всѣ обличенія и угрозы автора скользятъ мимо раскольниковъ. Вообще, о сочиненіи Посошкова пужно замѣтить, что оно въ большинствѣ случаевъ ставитъ и доказываетъ те-

зисы, противъ которыхъ раскольники не возражали. Онъ рассчитывалъ больше на сочувствіе православныхъ читателей; къ нимъ онъ обращаетъ постоянныя воззванія—твердо стоять за церковь и ничтоже сумняся держаться ея. Убѣдительнѣйшими трактатами въ „Зерцалѣ“ являются тѣ, которые мало имѣли нужды въ историческихъ данныхъ для обвиненія раскольниковъ, обличаютъ такіе ихъ поступки, которыхъ ни чѣмъ нельзя оправдать съ догматической точки зрѣнія. Таковы: о важности таинствъ покаянія и причащенія; мірянину учителемъ не быть; о крещеніи единомъ. Очень силенъ своею логичностью и умѣньемъ показать неправомыслие раскольниковъ трактатъ „о книжномъ исправленіи“. Въ немъ нѣтъ историческихъ изысканій, доказывающихъ необходимость и законность исправленія книгъ, но онъ съ неумолимою строгостью проводитъ мысль, что невѣжды не должны разсуждать о томъ, что подлежитъ разсмотрѣнію просвѣщенныхъ пастырей церкви, иначе неизбежна безтолковая путаница въ важномъ дѣлѣ, какъ это и вышло въ русской церкви: взявшись судить и рядить о богослужебныхъ книгахъ, раскольники возвели обряды на степень догматовъ, остановились на мелочахъ и чрезъ нихъ не задумались отторгнуться отъ церкви, ея таинствъ, ея ученія. Коснулся Посошковъ и вопроса объ антихри и сказалъ, что онъ неразрѣшимъ. — Въ качествѣ сочиненія, дополнительнаго къ прежнимъ сочиненіямъ противъ раскола, „Зерцало“ могло имѣть значеніе; какъ самостоятельный и одиночный трудъ, оно осталось бы безъ всякаго вѣса, особенно въ глазахъ раскольниковъ. Последнимъ не могъ нравиться и его рѣзкій, докторальный, недопускающій полемическаго равенства съ противниками тонъ. На популярность въ средѣ православныхъ читателей произведеніе Посошкова могло рассчитывать. Содержаніе его безхитростно знакомяло съ православнымъ взглядомъ на заблужденіе раскольниковъ; убѣжденія держаться церкви, обращенныя къ вѣрнымъ чадамъ ея, краснорѣчивы по теплотѣ и иск-

ренности. По изложенію „Зерцало“ вполне доступно простымъ читателямъ.

По своей отзывчивости на всё, болѣе или менѣе крупныя явленія церковной и гражданской жизни при Петрѣ, по своему официальному положенію въ св. Синодѣ, который былъ озабоченъ церковными нестроеніями, Ѳ. Прокоповичъ, при всѣхъ своихъ безчисленныхъ занятіяхъ, принялъ участіе и въ рѣшеніи вопроса о расколѣ. Какъ за недостаткомъ времени, такъ и за недостаткомъ соответствующей подготовки, Прокоповичъ не взялъ на себя труда написать что нибудь капитальное противъ раскола, а ограничился замѣчаніями въ проповѣдяхъ и, главное, воззваніями, которыя служили выраженіемъ (по крайней мѣрѣ официально) мнѣній Синода о раскольникахъ. Въ 1722 году, по порученію Синода, Прокоповичъ издалъ „Пастырское увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра православной церкви“, гдѣ съ сожалѣніемъ говорилось, что раскольники „не по слову Божию, но по легкомысленнымъ разговорамъ и по бабіймъ баснямъ все вѣрують“. Синодъ приглашаетъ искателей истины безпристрастно обсудить, „коль неисцѣлимый, душенাগубный вредъ есть челоуѣку, неучену сущу, не требуя отъ искусныхъ наставленія, самоволіемъ избирати мнѣнія, и не вѣдая, суть ли истинная, за истинная себѣ утверждати“, и увѣщевалъ „да всякъ, кто бы ни былъ, ежели въ книгахъ прежде печатныхъ, такожь и которыя впредь будутъ напечатаны, покажется кому нѣкое сумнительство, приходилъ бы съ объявленіемъ сего сумнительства въ Синодъ, безо всякаго подозрѣнія и опасенія. И такому (говорилось далѣе) въ ономъ Синодѣ то сумнительство изъяснено будетъ отъ св. писанія, и оный сомнитель по тому разсужденію сумнительства своего удовольствуется рѣшеніемъ“. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ перваго воззванія издано было новое, обращенное собственно къ расколуучителямъ и приглашавшее ихъ въ Синодъ на состязанія въ опредѣленные сроки. Синодъ объявлялъ, что онъ „не намѣренъ никакимъ образомъ

удерживать и озлоблять“ защитниковъ раскола, а хочеть только „свободнаго съ ними о противности разглагольствія“. „Которые (говорилось въ синодальномъ приглашеніи) явятся къ обращенію къ св. церкви непреклонны и останутся при прежнемъ своемъ мнѣніи, тѣмъ дана будетъ неударжимая свобода... Если же который на сіе толь правильное призываніе не придетъ (продолжалъ Синодъ), тотъ, яко совѣстенъ лжи и лести своей и за стыдъ обличенія своего отъ разговора опрятающійся, покажетъ явно о себѣ, что онъ есть безбожникъ и прелестникъ, и не мнимою себѣ истиною, но вѣдомою лестию, ради суесловія и тунеядства своего, уязвляетъ сердца незлобныхъ“ (1). Однако на этотъ миролюбивый призывъ въ Синодъ диспутантовъ не являлось. Довелось писать новыя воззванія, уже въ другомъ родѣ. „Объявленіе съ увѣщаніемъ отъ Синода о продерзателяхъ, неразумно на мученіе дерзающихъ“ написано было Теофаномъ Прокоповичемъ по случаю нѣсколькихъ проявленій упорнаго фанатизма раскольниковъ, которые охотнѣе подвергались, судебному наказанію и самосожженію, чѣмъ соглашались перемѣнить платье, остричь волосы, сбрить бороду. Оно, какъ показываетъ и заглавіе, отличалось болѣе суровымъ тономъ, чѣмъ предшествующія воззванія. Потомъ, опять по порученію Синода, Прокоповичъ написалъ разсужденіе о поливательномъ крещеніи подъ заглавіемъ: „Истинное оправданіе православныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“. Кромѣ предисловія, гдѣ находится обычныя у Теофана рѣзкости противъ невѣждъ, отважно толкующихъ о богословскихъ истинахъ, „ово лицемѣрно воздыхая, ово гордо поднося бровь и пащеки свои надымая“, въ названномъ разсужденіи Теофанъ ищетъ доказательствъ въ пользу поливательнаго крещенія и находитъ ихъ прежде всего въ греческихъ названіяхъ

(1) Рус. В. 1878 г. кн. 6, стр. 506 и дал.

крещенія, которые вообще означают омовеніе, потому — въ прообразахъ, въ сущности и силѣ крещенія, въ обстоятельствахъ, пренятствующихъ погруженію, въ примѣрахъ измѣненія обрядовой стороны высочайшаго таинства евхаристіи, указываетъ на извѣстное мѣсто въ Дѣянїяхъ апост., гдѣ говорится о крещеніи каждаго мученика, на историческія извѣстія о принятїи въ церковь мучениковъ и больныхъ на согласіе относительно дѣйствительности поливательства крещенія между древними пастырями церкви (?). Теофану Прокоповичу принадлежатъ еще: „Увѣщаніе отъ св. Синода невѣждамъ“ (раскольникамъ) и трактатъ „О мученичествѣ“. Содержаніе послѣдняго направлено противъ заблужденія раскольниковъ, въ силу котораго они мученичество полагали въ сопротивленіи власти, въ упорной пропагандѣ, связанной съ большими пренятствїями и рискомъ, а также въ добровольномъ отреченіи отъ жизни — въ самоубійствѣ. Наконецъ, противъ раскольниковъ Теофанъ написалъ разсужденіе о присягѣ и клятвѣ. Самыя заглавія упомянутыхъ воззваній и увѣщаній и обстоятельство ихъ написанія показываютъ, что Прокоповичъ писалъ ихъ больше ex officio. Занятый постоянно другимъ, онъ уступалъ главную дѣятельность противъ раскола людямъ, болѣе свѣдущимъ въ этой области и болѣе свободнымъ. Онъ былъ законодателемъ въ церковной области по волѣ государя и дѣйствовалъ по указаніямъ послѣдняго, а Петръ заботился о status quo церкви на столько, на сколько онъ соответствовалъ status quo государства. Отсюда дѣятельность Ѳ. Прокоповича противъ раскола имѣла оригинальный характеръ, сравнительно съ дѣятельностію въ томъ же направленіи упомянутыхъ выше архипастырей, преслѣдовавшихъ въ ней первѣе всего интересы православія.

(¹) По замѣчанію г. Чистовича, Теофанъ подвергся за это соч. укоризнамъ со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ писателей. IV сборн. Акад. Наукъ, стр. 130.

Въ увѣщаніяхъ и воззваніяхъ, писанныхъ рукою Теофана отъ лица Синода, больше уступчивости въ пользу раскола, больше гуманности въ отношеніи къ заблудшимъ чадамъ церкви, чѣмъ въ сочиненіяхъ частныхъ лицъ. Очевидно, церковное правительство шло объ руку съ правительствомъ гражданскимъ, которое признало право существованія въ государствѣ за громадной массой людей, отторгшихся отъ церкви. Дѣйствуя такимъ образомъ, Синодъ давалъ направленіе противораскольнической полемической литературѣ, сглаживалъ рѣзкости въ обращеніи двухъ враждебныхъ сторонъ. Частію вслѣдствіе церковныхъ неурядицъ, частію вслѣдствіе народнаго недовольства распоряженіями свѣтской власти, въ петровскую эпоху легко было ожидать бунта обширнѣйшихъ размѣровъ, чѣмъ былъ стрѣлецкій бунтъ. Понятны, поэтому, то угрожающія обличенія, то примирительныя увѣщанія Синода, обращенныя къ вожакамъ раскола, на сторону котораго готова была перейти и остальная часть народа, пребывавшая пока въ единеніи съ православіемъ. Авторитетъ церкви былъ единственнымъ, которому вѣрилъ еще темный людъ, недоумѣвавшій предъ распоряженіями императора, дружившаго съ нѣмцами и прозваннаго антихристомъ. Прокоповичъ вообще былъ примирителемъ народа съ правительствомъ, защитникомъ дѣйствій послѣдняго и обличителемъ невѣждъ, позволявшихъ себѣ заявлять свои незрѣлые взгляды на современныя событія, обвинителемъ раскольниковъ за ихъ сопротивленіе новшествамъ, за ихъ несочувствіе просвѣщенному монарху, за ихъ склонность видѣть все въ дурномъ свѣтѣ, или, какъ выражался онъ въ своихъ проповѣдяхъ, за ихъ „мизантропію“ и „меланхолію“. Пессимистическій взглядъ на подвиги Петра, которыми самъ Теофанъ восхищался и въ которыхъ онъ принималъ активное участіе, въ его глазахъ ничѣмъ не могъ быть оправданъ, ни даже исторіей. А исторія показала, что забитый со всѣми духовными потребностями въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, народъ

въ петровскую эпоху оскорбленный въ своемъ національномъ самолюбіи, готовъ былъ умирать за свои традиціи, за свою вѣру. Неудовлетворенныя нормальнымъ путемъ, духовныя потребности массы нашли себѣ другой исходъ, хотя и ложный. Неспособный понять и оцѣнить дѣйствій государя надлежащимъ образомъ, народъ объяснялъ ихъ по своему. Сперва онъ только удивлялся и жаловался, ожидая, что сближенію Петра съ иноземцами придетъ конецъ, что царь, „оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправить на лучшее“; потомъ порѣшилъ, что „нѣмцы его обошли“, далѣе усомнился точно ли изъ-за границы возвратился подлинный русский царь, и пришолъ къ заключенію, что „нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали къ намъ другаго, своего нѣмца же, чтобы обусурманить православныхъ“; наконецъ разыгравшаяся народная фантазія по всемъ признакамъ узнала въ Петрѣ антихриста. Появились и пошли по рукамъ подметныя письма и тетрадки, которыхъ не успѣвали сжигать. Послышалась и открытая проповѣдь о Петрѣ—антихристѣ, образовались цѣлыя „согласія“ (Адамантово и Фодосѣевское) съ ученіемъ о послѣднихъ временахъ міра; масса народа заволновалась и понесла вѣсть объ антихристѣ на самыя отдаленныя окраины Россіи. Раскольники съ горячностію ухватились за эту вѣсть, потому что въ ней видѣли совершенно удовлетворительное объясненіе непонятныхъ дѣйствій императора (1).—Духовенство, такъ долго остававшееся въ невѣденіи относительно того, какія бѣдствія грозятъ церкви по причинѣ его невѣжества и нерадѣнія, глазами лучшихъ своихъ представителей увидѣло теперь ясно, что брошенное давно въ подготовленную почву зерно раскола дало не слабыя ростки, а громадныя размѣровъ дерево. Противъ зла нужно было принять энергическія мѣры. Составился кружокъ немногихъ сравни-

(1) Страницы 1882 г., мартъ, 365—71.

тельно, но даровитыхъ миссіонеровъ и писателей и нашелъ нужнымъ стать съ своею устною и письменною проповѣдью возможно ближе къ заблудшимъ чадамъ церкви. Не говоря о томъ, какъ полезна была въ раскольничьихъ скитахъ живая рѣчь Питирима, слѣдуетъ обратить вниманіе на воодушевленный языкъ указанныхъ выше сочиненій, языкъ чисто разговорный, полный чувства; въ немъ постоянно слышится необыкновенный интересъ къ затронутымъ вопросамъ и неослабывающее вниманіе къ тѣмъ, кто ихъ затронулъ. Иногда это вниманіе сопровождалось миролюбивымъ, а чаще враждебнымъ настроеніемъ полемиста, но заслуга послѣдняго въ томъ, что онъ не равнодушествовалъ. Раздражительный тонъ и несдержанная брань составляютъ крупный недостатокъ разсмотрѣнныхъ произведеній; особенно они неумѣстны въ устахъ пастырей всепрощающей церкви, пастырей, которые сами же довели своихъ чадъ до плачевнаго умственного и религіозно-нравственнаго состоянія; но петровская эпоха была временемъ, когда безъ страсти, безъ излишняго увлеченія ничего не дѣлалось, не говорилось, не писалось. Полемисты противъ раскола видѣли въ раскольникахъ враговъ церкви, враговъ фанатичныхъ и страшныхъ своею ненавистью къ ней; ревнуя о православіи, они приняли ихъ, какъ защитники церкви за своихъ враговъ и не въ силахъ были хладнокровно говорить съ ними о предметъ раздора. Въ тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ находимъ признаки того, что полемисты сознавали свою горячность и какъ будто раскаявались въ ней, подыскивая для себя извиненія въ ней. „Отъ печали и отъ туги сердца написахъ вамъ многими слезами (заключаетъ текстомъ св. писанія м. Стефанъ свое сочиненіе), не яко да оскорбитесь, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ“. А въ началѣ книги онъ привелъ слова св. І. Златоустаго: „ничтоже тако раздражаетъ Бога, якоже церкви раздѣлитися: аще и безчисленна будемъ содѣлавше благая, отъ иже тѣло Его пресѣ-

кающихъ не меншую пріемемъ казнь, пресѣкающе исполненіе церковное“. Питиримъ, послѣ предисловія, обращается съ рѣчью къ раскольникамъ въ апостольскомъ духѣ,—желаетъ имъ, во имя Отца и Сына и св. Духа, „всеусерднѣ здравія, спасенія и всякаго благополучія, мира и тишины и соединенія ко св. церкви“. По мѣстамъ въ противораскольническихъ сочиненіяхъ встрѣчаемъ трогательныя увѣщанія „растерзателемъ ризы Христовы“, убѣждающія ихъ составить едино стадо съ православными, подъ покровительствомъ и руководствомъ православной іерархіи. Вообще видно, что не одно враждебное чувство къ противникамъ церкви говорило въ обличителяхъ раскола, но что они, сердечно переживая строки своихъ сочиненій, поочереды переходили, какъ это часто бываетъ въ полемическихъ произведеніяхъ, то къ симпатическимъ, миролюбивымъ, то къ гнѣвнымъ нотамъ и выраженіямъ. Литературная форма, принятая ими для бесѣды съ раскольниками, по природѣ своей жива; она больше—вопросо-отвѣтная. Въ ней постоянно чувствуется присутствіе двухъ спорящихъ сторонъ, и обмѣнъ мыслей какъ будто олицетворяется. Это—особенно важная черта противораскольническихъ сочиненій петровской эпохи, черта, приближающая ихъ въ устному собесѣдованію пастыря съ пасомыми, которое раньше такъ мало слышалъ русскій народъ.

6) **Проповѣдническая литература.** Перейдемъ теперь къ проповѣди. Она, какъ литературный памятникъ, важна въ томъ отношеніи, что отражаетъ въ себѣ всю религіозно-нравственную жизнь народа со всеми ея подробностями. Частнѣе говоря, проповѣдь разсматриваемаго періода носитъ въ своемъ содержаніи глубокіе слѣды современной жизни и можетъ служить характернымъ ея памятникомъ.—На первомъ планѣ въ обзорѣ проповѣдей петровскаго періода удобнѣе всего поставить проповѣди м. Стефана Яворскаго, такъ какъ они, выражаясь словами г. Терновскаго, „стоятъ

на рубежѣ (по своему складу) между старыми преда-
ніями южно-русской гомилетики и новыми требова-
ніями петровской эпохи“ (¹). Въ содержаніи проповѣдей
м. Стефана находимъ, что авторъ ихъ боролся противъ
тѣхъ же ненормальностей въ русской религіозной жи-
зни, какія обличалъ онъ и въ другихъ своихъ, раз-
смотрѣнныхъ уже нами, литературныхъ произведе-
ніяхъ, — противъ раскола и протестантизма; сверхъ
того, м. Стефанъ касается здѣсь и нравственныхъ
недостатковъ общества, къ которому обращена была
его рѣчь. — Противъ раскола, впрочемъ, м. Стефанъ
съ церковной кафедры ратовалъ немного, вѣроятно
потому, что велъ съ нимъ другаго рода борьбу.
Но первое его слово въ Москвѣ преимущественно
направлялось именно противъ этаго недуга русской
церкви. Въ немъ онъ убѣждалъ паству покаряться
законной іерархіи и не слушать „наученія странныхъ
учителей“. „Не сомнѣвайся, православный народе, го-
ворилъ онъ, не сомнѣвайся, обрѣтая въ печатныхъ
книгахъ нѣкія перемѣны; вѣруйте моему архіерейскому
слову, яко не развращенія суть сія перемѣны, а ис-
правленія. Вѣруйте, отцы мои честніи, братія и чада
любимая, яко просящимъ вамъ хлѣба словесе Божія
не подадимъ камень, ниже просящимъ рыбы не пода-
димъ змію или смертоносную скорпію.... се съ радо-
стію истинная душевная пища подается нами, а подает-
ся аки рыба исчесуенная отъ всякихъ прегрѣшеній
списательничихъ и типографскихъ.... Не преклоняйтесь
въ наученіе странныхъ учителей, послушайте гласъ
пастыря своего. Не ищите врачей неискусныхъ, уби-
вающихъ паче, неже исцѣляющихъ души, но отъ Бо-
га данныхъ вамъ пастырей ищите врачевства духов-
наго“ (²).

Выше мы имѣли поводъ замѣтить, что расколъ
при Петрѣ находился въ такомъ фазисѣ развитія, въ

(¹) Рук. для сельск. паст. 1870 г. № 36.

(²) Чернигов. Епар. Вѣд. 1861 г. № 21, прилож. стр. 529—30,
332—3.

какомъ трудно было побѣдить его одною проповѣдью безъ средствъ судебна—административныхъ. Употребивъ послѣднія, м. Стефанъ заставилъ умолкнуть шайку отважныхъ московскихъ бунтовщиковъ и въ проповѣди какъ бы забылъ о нихъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе его было отвлечено другими важными обстоятельствами службы, и онъ, по необходимости, сосредоточился на другой дѣятельности. По официальномъ донесенію префекта академіи Теофилакта Лопатинскаго, м. Стефанъ энергично началъ слѣдственное дѣло о протестантской ереси, главнымъ распространителемъ которой явился упомянутой Д. Тверитиновъ. Не смотря на бездѣйствіе сената, Стефанъ церковнымъ судомъ довелъ фанатиковъ до застѣнка и казнилъ одного изъ нихъ, а другихъ предалъ отлученію, пока не раскаются,—хотя государь и не сочувствовалъ митрополиту въ его антилютеранской дѣятельности. Обличалъ м. Стефанъ „лютерекую и калвинскую ересь“ и съ церковной кафедры. Въ словѣ на 7 недѣлю по Пасхѣ, установивъ для себя тему: „святіи удовницы Божіи, предстояще престолу Божію, суть молитвенницы о насъ: вѣдаютъ моленія наша къ нимъ и сія приносятъ къ Богу: помоществуютъ же намъ во всякихъ нуждахъ нашихъ и предстательствуютъ“, указываетъ прямое назначеніе слова—„да познають нечестивіи ложь свою, юже въ народѣ о васъ (святыхъ) разсѣваютъ“. Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ говоритъ объ иноземныхъ ересьяхъ, волнующихъ церковь русскую и указываетъ на лютеранскихъ пропагандистовъ, вышедшихъ изъ нѣдръ церкви православной. „Слышасте, православніи слышателие, яко на церковь Божію, на святыхъ Божіихъ, на иконы ихъ возстали свидѣтеліе неправедніи, возсташа злочестивые лжехристиане, возсташа человекцы хульницы, прежде сынове церкви православно-каѳолической, въ семь православномъ градѣ рожденніи, въ благочестіи воспитанніи, нынѣ же исполненніи всякія дести и всякія злобы, сыны діаволи, напыщенніи отъ своея гордости и высокоумія вреднымъ духомъ нѣкихъ ересіарховъ исполненіи“. Они утверждаютъ, „аки бы мы все

творимъ, егда святыхъ Божіихъ почитаемъ, имъ кланяемъся, ихъ помощь призываемъ, нарицающе ихъ мертвыми, и глаголють сія (Кальвина) словеса: кто глаголетъ тако долгія у нихъ быти уши и острыя, дабы отъ неба наши гласи слышали, тако очи ясныя, дабы нужды наши видѣли: не можетъ, глаголють, показатися, коимъ образомъ наши молитвы познавали святые. Не познають убо; а понеже не познають молитвъ нашихъ, то всеу ихъ и въ помощь призывати“. Далѣ проповѣдникъ, слѣдуя постоянному своему обычаю въ полемикѣ, сперва излагаетъ и обосновываетъ положительное православное ученіе, потомъ разбиваетъ доводы противниковъ. И въ томъ и другомъ случаѣ аргументація его отличается хорошимъ подборомъ цитатъ умѣнемъ поставить оппонентовъ въ затруднительное положеніе, а догматы православія въ послѣдовательномъ его развитіи освѣтить, какъ несомнѣнную истину. Тоже нужно сказать и о другомъ его словѣ—по вопросу о преданіи (на 16 нед. по св. Духѣ), гдѣ онъ доказываетъ, съ опытностью искусившагося полемиста, что св. писаніе содержитъ въ себѣ не все нужное для христіанина, что его безъ руководства всегда можно толковать произвольно, что безъ преданія „никоею мѣрою сохранить возможно церковные обычаи“, что І. Христосъ многое говорилъ ученикамъ (особенно по воскресеніи), что, по свидѣтельству св. Луки, не записано въ книгахъ, что апостолы твердо хранили преданное І. Христомъ и заповѣдали церкви наряду съ бібліей хранить и преданіе,—и церковь свято чтитъ эту заповѣдь, какъ видно изъ писаній мужей апостольскихъ, многихъ ея отцовъ и учителей.—Въ проповѣдяхъ м. Стефана преобладаетъ положительная сторона: онъ хотѣлъ ближе ознакомить своихъ слушателей съ мудростью православія и заставить блѣднѣть предъ нею умствования еретиковъ. Искренно увлеченный важнымъ предметомъ спора, проповѣдникъ какъ бы забываетъ о схоластическихъ орнаментахъ рѣчи, говоритъ сравнительно просто, одушевленно, резонно. Въ словѣ о вѣрѣ оправ-

дывающей⁽¹⁾, путем неотразимой логики и богословскаго знанія, м. Стефанъ приводитъ слушателя къ тому убѣжденію, — „что вѣра мертвая, безъ дѣлъ, не только не дарованіе, но гибель человѣку“, который при ней можетъ не превосходить діавола вѣрующаго и трепещущаго.

Воспитанникъ запада, гдѣ со времени реформациі на ряду съ религіей поставлена наука, а на ряду съ церковію — государство, усердный поклонникъ идей общественной и гражданской добродѣтели, Петръ В. былъ неумолимымъ врагомъ суевѣрія и ханжества, выросшихъ на религіозной почвѣ. Но суровая сатира, безпощадная насмѣшка надъ русской народной вѣрой въ прадѣдовскіе обычаи нерѣдко доходили у европейскаго государя до крайностей и оскорбляли приверженцевъ старины. Примѣру царя и его приближенныхъ слѣдовали многіе члены высшаго общества, падкіе въ то время до всего чужаго, потому что оно умно, и смѣявшіеся надъ своимъ, потому что оно глупо; охотно усвоивъ „люторекіе и кальвинскіе обычаи“, они оставили посты, храмы, крестные ходы, молебны по домамъ, забыли молитву, отвертывались на улицахъ отъ св. иконъ, не вѣрили въ св. мощи, трунили надъ духовными особами и т. д.; чтобы сдѣлаться достойными членами „всепьянѣйшей компаніи“ и посѣтителями узаконенныхъ ассамблей, они повели жизнь на широкую ногу, часто не по средствамъ, не стѣняясь обирали народъ, принялись за взяточничество, потерявъ судейскую честность. Женщины, легкомысленно оставившія скучныя терема и пустившіяся въ свѣтъ, увеличивали расходы своихъ мужей и отцовъ; семейныя узы ослабѣли, нравственность падала. М. Стефанъ не могъ терпѣть поношенія вѣры православной и возсталъ на ея защиту съ громкимъ обличеніемъ, забывъ практическіе расчеты, не соображаясь съ желаніями царя.

(1) Въ нед. 24 по Св. Духъ, — т. II, стр. 195—221.

Чѣмъ дальше, тѣмъ безпощаднѣе становился архипастырь въ своемъ карающемъ словѣ. Указавъ (въ словѣ на 15 нед. по св. Духѣ) на тотъ фактъ, что „мнози, егда узрять чуждыя земли, скоро отъ своея православныя вѣры католическія подвижутся и прелагаются, и чуждыя, богомерзкія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведущія, вѣры похваляютъ... свою же осмѣиваютъ и уничтожаютъ“, (1) хорошо понимая, куда можетъ повести такое увлеченіе, митрополитъ рѣшился обличить самихъ виновниковъ нововведеній и увлеченій. „Се имате мзду, закона Божія разорители (говорилъ онъ, не шала, очевидно, и самого государя), слышите громы, заповѣдей господнихъ преступницы, того ради не удивляйтесь, что многмятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется, не удивляйтесь, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира: кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ, гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпое море, человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, во еже непрелобы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты и наипаче чтыредесятницу; берегъ есть почитати иконы“ (2) ..—За это слово м. Стефанъ подвергся опалѣ: ему запрещено было говорить проповѣди (1713—15 г.). Но доблестный архипастырь безтрепетно продолжалъ свою дѣятельность, хотя ему довелось перенести ее съ высшаго сословія на низшее: именно въ указанный промежутокъ времени онъ совершилъ свой строгій судъ надъ Тверитиновымъ и его сообщниками.—Чувство глубокой скорби подавляло святителя, когда онъ обращалъ свое вниманіе на нравственность общества. „Коликое множе-

(1) Проповѣди м. Стефана II, 23.

(2) Истврїя Россїи Соловьева, XVI, 353.

ство между нами растлѣніа“, восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, — „гдѣ только обратиши лице, вездѣ заплаканными очами узриши нравовъ человѣческихъ растлѣніе. Глянешь на начальниковъ — растлѣніе, глянешь на подначальныхъ — растлѣніе, глянешь на посыльчиковъ, которые, яко пѣвицы, кровь пѣютъ изъ людей убогихъ, снѣдаютъ люди, вмѣсто хлѣба, о коликое узриши растлѣніе! Глянешь на супружество, и ту растлѣніе; непрестанные разводы, распускныя жидовскія книги; въ самомъ чину духовномъ и по монастырямъ не малое обрященіе въ правахъ иноческихъ растлѣніе“ (1). Въ словѣ на день успѣнія Божіей Матери м. Стефанъ выражаетъ даже опасеніе за безопасность Россіи. „Что же я ту начну глаголати о тебѣ царствующій граде? Что начну глаголати о тебѣ, благочестія столпе неборимый, Россіе мати наша? Сіяла ты въ прежнемъ времени благочестіемъ свѣтла и аки столпъ непоколебимый въ вѣрѣ православной утвержденна. Нынѣ же что? Усомнѣваюся о твердости твоѣй, столпе непреклонный, егда ты вижу вѣтрами противными отвсюду обуреваема. Вѣетъ на ты вѣтръ иконоборный, иконы святыя нивчтожающій и презирающій и обалити тщащійся. Вѣетъ на ты вѣтръ чревоугольный, посты святые разоряющій. А ты, столпе мой непреклонный, вѣтромъ тлетворнымъ попирающися, уже колебатися начинаеши. и вмалѣ вмалѣ, яко столпъ сиуамскій, паденіемъ своимъ насъ не погубляеши“... Доказательствомъ того, что м. Стефанъ далекъ былъ отъ лицепріятія въ своихъ обличеніяхъ, служить его проповѣдь, попреимуществу направленная противъ стolicной знати, забывшейся въ своемъ временномъ величій и потерявшей вѣру въ благіе обычаи старины. „Блισταете въ очахъ нашихъ сего свѣта свѣтила, на высокихъ властѣхъ, аки на небѣ, и разумѣете, яко мраку смертному есте не причастни. Придетъ, придетъ

(1) Извѣд. проп. Стефана Яворскаго. Хр. Чит. 1867 г. т. 1. 828.

смертный вечеръ, который всѣ ваши погаситъ блиста-
 нія, и яко огонь обращается въ пепель, тако ваша
 слава въ перети вселится, и бысть вечеръ. Не вспо-
 минаю здѣ злата, серебра и каменій драгоценныхъ, не
 вспоминаю лицъ прекрасно сіяющихъ: все то тлѣніе
 міра сего. Придетъ, придетъ вечеръ смертный, кото-
 рый все то погаситъ. Сама только слава небесная,
 самъ только день успокоенія вечера не знаетъ, день
 невечерній, день немерпающий, ночи непричастный.
 О, кое тебѣ, человѣче, на семь свѣтѣ до неба препятіе!
 Для чего къ земли всѣмъ сердцемъ прилипаети? Кровь
 дражайшая Спасителя моего, ради насыщенія
 и услажденія нашего изліянная! Окропи и умягчи ока-
 мененное сердце нашихъ нечувствіе! Дажь намъ сію
 благодать, просвѣти намъ мысленныя омраченныя
 очи!“ (1).

До сихъ поръ мы видѣли, что м. Стефанъ внима-
 тельно вематривался въ современную ему жизнь и со-
 чувственно отзывался пастырскимъ словомъ на ея за-
 просы. Со стороны содержания, поэтому, его проповѣди
 значительно выше произведеній схоластическихъ ора-
 торовъ, мѣнявшихъ жизнь на гомилетику, факты на
 фразы и на правила реторики. Тревожная эпоха, раз-
 вивавшая практицизмъ въ духѣ великороссовъ, жиз-
 ненный характеръ Петра — не гармонировали съ от-
 влеченностью крайняго схоластицизма, проникшаго въ
 южно-русское краснорѣчіе. — Но замѣтны въ проповѣ-
 дяхъ м. Стефана и глубокіе слѣды школы, которую
 онъ прошелъ до своего поступленія на митрополичью
 кафедру. Мало простоты и много витіеватости оказы-
 вается въ дѣхъ его проповѣдяхъ, гдѣ онъ рассужда-
 етъ объ истинахъ христіанской вѣры, отрываясь отъ
 жизненной почвы и пускаясь въ философію, — когда
 онъ говоритъ, напр. о воскресеніи мертвыхъ, о мило-
 сердіи Божіемъ, о грѣхѣ, о мукахъ ада и т. д. Еще

(1) Проп. м. Стефана Яворскаго, 1. 199.

болѣе сквозить готилетика І. Голятовскаго въ словахъ м. Стефана на дни святыхъ; предметомъ ихъ служить обыкновенно добродѣтель въ разныхъ ея видахъ. То же нужно замѣтить и о его панегирикахъ Петру В. Въ послѣднихъ, правда, отводится мѣсто такъ наз. гражданскому элементу, въ нѣкоторыхъ ошутителенъ и ораторскій талантъ проповѣдника, но—не въ большихъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ то время современный слушатель нуждался въ подробномъ раскрытіи пользы начинаній и дѣйствій монарха, въ объясненіи его заслугъ для отечества, а не въ высокопарныхъ, безотчетныхъ восхваленіяхъ, не въ фигурахъ умалчиванія, къ которымъ не рѣдко прибѣгаетъ нашъ проповѣдникъ, касаясь словомъ того или другаго событія изъ гражданской жизни Россіи, развивавшейся подъ исключительною ферулою государя. „Высокаго надобѣ ума, высокихъ словесъ на похвалу высокопарнаго птенца“ (Петра), говорилъ м. Стефанъ въ 1709 г. по случаю полтавской побѣды. „Но что здѣсь словеса пользуют, идѣже кличь, вопль и шумъ марсовый, военный скудоумнаго и косно-язычнаго глагольника заглушаютъ. Не риторскихъ здѣ гласовъ, но многошумныхъ пушекъ, литавровъ, трубъ и всея марсовья музыки требѣ есть на торжественную радость. Мало пользуют тамъ остро-рѣчіе и умъ остръ, идѣже острое желѣзо триумфуетъ“⁽¹⁾.... „Многа суть, говоритъ Стефанъ въ другомъ мѣстѣ, яже мнѣ запрещаютъ глаголати о преславныхъ величіяхъ (Петра); въ первыхъ мое недоумѣніе, таже высота дѣла, умъ и языкъ превосходящая, заграждаетъ уста и кротость побѣдителя сицевому лицу странна и необычна, но наипаче запрещаетъ глаголати зависть побѣжденныхъ, которая яко сѣнь солнцу побѣдителемъ послѣдствуетъ; убо азъ, косноязычный сый, умолчу, но каменіе возопіють, каменіе же не иное, только раз-

⁽¹⁾ Неизд. проповѣди м. Стефана. Приб. къ твор. свв. оо. 1863 г., стр. 251.

рушенныхъ стѣвъ“⁽¹⁾. Въ этомъ родѣ составлено большинство панегириковъ м. Стефана. Но и по нимъ съ достаточною ясностію обрисовывается могучая фигура преобразователя „великаго мужествомъ, крѣпостію, силою, великодушіемъ; великаго счастіемъ воинскимъ, всегда побѣдительнымъ“; Петръ — отецъ Россіи, для которой не щадитъ труда; Петру не страшень огонь и мечъ непріятели, не страшны солдатскія лишенія и походная жизнь; онъ не нуждается въ тѣлохранителяхъ, потому что не боится измѣны; въ обращеніи съ простыми людьми онъ забываетъ свое величіе и снисходитъ вниманіемъ до послѣдняго бѣдняка; его умственныя качества и многостороннее образованіе заслуживаютъ удивленія⁽²⁾. Защищая государя предъ народомъ, роптавшимъ на обременительную воинскую повинность и уклонявшимся отъ нея, м. Стефанъ старался успокоить недовольныхъ, доказать законность войны за правду, напоминая слушателямъ священно-историческіе факты въ подтвержденіе своихъ мыслей, ободрялъ воиновъ, объяснялъ имъ значеніе ихъ жертвъ на благо отечества, именемъ Божиимъ обѣщалъ имъ мученическіе вѣнцы на небѣ и безсмертную славу на землѣ. Замолвилъ слово м. Стефанъ и въ пользу новой столицы, хотя замѣтно, и не понимая надлежащимъ образомъ ея значенія для будущаго Россіи⁽³⁾—Панегириковъ по поводу преобразованій Петра внутри государства у м. Стефана находимъ не много, какъ потому, что митрополитъ не сочувствовалъ имъ, такъ и потому, что важнѣйшія изъ нихъ начаты уже по смерти его, въ 20-хъ годахъ. Отмѣна патріаршества, уч-

(¹) Проп. м. Стефана, III 168—9.

(²) Хр. Чт. 1867 г., II, 113—14; Проп. м. Стефана III, 178—9; II, 113—14. Краснорѣчивая проповѣдь съ остроумными сближеніями сказана была м. Стефаномъ, по случаю взятія Шлиссельбурга, III, 161 и д.

(³) Неизд. проповѣди Стефана Яворскаго. Хр. Чт. 1867 г., II, 100—4.

режденіе монастырскаго приказа, фискальство, обязательное бранобрітіе, нѣмецкое платье, ассамблеи—не нравились архипастырю и даже подвергались съ его стороны нареканію. Онъ былъ человекъ старый, консерваторъ по убѣжденіямъ и не имѣлъ исключительного-оптимистическаго взгляда на совершавшіяся реформы. Хвалить же дѣла, которыя оратору не нравятся, по оффиціи—не легко. По неволѣ приходилось употреблять фразы и украшенія, плохо характеризующія предметъ похвалы: хорошія стороны послѣдняго были скрыты для панегириста.

Слѣды схоластическаго образованія, сказали мы, у м. Стефана особенно явственны въ тѣхъ проповѣдяхъ, гдѣ онъ разсуждалъ на отвлеченныя темы. Напримѣръ. Въ словѣ изъ текста „примите Духъ святъ“⁽¹⁾ ораторъ, не останавливаясь на мысли о внутреннемъ воздѣйствіи св. Духа на христіанина, беретъ на себя задачу показать, какой образъ сошествія св. Духа болѣе приличествуетъ тому или другому сословію его слушателей. Для этого онъ по симфоніи подыскиваетъ мѣста писанія, гдѣ говорится о сошествіи св. Духа, и разные виды его примѣняетъ, не останавливаясь ни предъ какими натяжками. — къ царю (образъ голубя, сошедшаго на Христа-помазанника и живущаго на высотахъ), къ царицамъ и царевнамъ (образъ *остенія*, въ которомъ онѣ нуждаются даже для защиты отъ солнечныхъ лучей), къ боярамъ (образъ *вина*, возбуждавшаго въ апостолахъ смѣлость и краснорѣчіе), къ воинамъ (видъ *огня*) и т. д. Въ другой проповѣди м. Стефанъ съ не меньшею искусственностію проводитъ параллель между рыбою и человекомъ, чтобы оправдать выборъ І. Христа, который взялъ своихъ апостоловъ изъ рыбаковъ и сдѣлалъ ихъ потомъ ловцами человеконъ. Подобій между человекомъ и рыбой у проповѣдника оказывается много; нѣкоторыя изъ нихъ естественны

(1) Въ недѣлю Пятидесятницы, I, 163—79.

и удачны, но не все: сближеніе рыбаго хвоста съ послѣдней судьбой людей, которыхъ ожидаютъ смерть, страшный судъ, небо и адъ, — должно было вызвать у слушателей улыбку. — Въ пониманіи библейскихъ текстовъ и въ толкованіи ихъ проповѣдникъ нерѣдко обнаруживаетъ произволь въ увлекаясь мнимо-тайственнымъ ихъ смысломъ, подозрѣвая въ простомъ историческомъ разсказѣ скрытое правоучительное значеніе; — подражаніе латинно-польскимъ витіямъ. Развивая и раскрывая мысль, что застарѣлый пороки въ человѣкѣ трудно искореняется, м. Стефанъ говоритъ: (1) „понимайте жену лотову, глаголетъ Христосъ Спаситель: а что есть Лоть? А, что есть жена лотова? Лоть есть духъ человѣческій, лотова жена есть плоть сладострастна. Лоть, духъ человѣческій, скоро и легко исходитъ изъ Содома, вепять не озирается; но жена лотова, плоть сладострастна, егда въ нечистой Содомѣ водворится и сквернодѣйствіе себѣ стяжаетъ и возлюбитъ. о сколь трудно ее извести оттуду! Аще же и на время изведется, пакы вепять озирается окаянная и многожды возвращаетъ ся, аки песь на блевотины своя: того ради и въ столпѣ сланный озрѣвшуюся жену измѣнилъ Богъ всемогущій. А для чего не въ столпѣ каменный, не въ столпѣ желѣзный, не въ столпѣ мѣдяный? Вѣдаете, яко соль рождаетъ жажду. Се убо имате тайну, для чего жену лотову измѣнилъ Богъ въ столпѣ сланный. Хотѣлъ насъ тѣмъ самымъ идоломъ устрашити и научити, яко нечистота, въ сердцѣ человѣческомъ вкорененная и застарѣлая, ненасытна есть: всегда жажду терпитъ ненасытную“. — Вся эта аллегорическая панорама построена съ цѣлію занять слушателей, удивить ихъ остроуміемъ. Съ тою же цѣлію давалось мѣсто въ проповѣди у южно-русскихъ проповѣдниковъ баснямъ, притчамъ и анекдотамъ, въ которыхъ нерѣдко было больше смѣшнаго чѣмъ правоучительнаго; приводились

(1) Пров. м. Стефана I, 112—113.

историческіе факты сомнительнаго достоинства, не рѣдко и примѣры изъ древней мѳологіи. Стремленіе завлечь слушателя естественно во всякомъ ораторѣ; жаль только, что латино-польская гомилетика не выработала рациональныхъ средствъ къ тому, и угождая испорченному вкусу современнаго общества, опустила изъ виду серьезное, важное назначеніе проповѣднаго дѣла. Насколько погрѣшала южно-русская гомилетика противъ высокой задачи пастырскаго слова, видно изъ того, что она находила позволительнымъ на церковной кафедрѣ острить на счетъ слушателей, на счетъ собственной персоны оратора и даже—предмета проповѣди, предписывала театральность, драматичность въ изложеніи поученій, доходившую до крайностей. М. Стефанъ не былъ чуждъ всѣхъ указанныхъ недостатковъ воспитавшей его гомилетики⁽¹⁾, требовавшей, въ существѣ дѣла, безусловнаго подчиненія содержанія формѣ; а послѣдняя была опредѣлена до подробностей и по мелкимъ рубрикамъ. Безусловная привязанность къ этимъ рубрикамъ отнимала у слова его естественную простоту, не позволяла предмету рѣчи развертываться предъ слушателемъ такъ, какъ для него удобнѣе, „сообразно съ его природой“, по выраженію Ѳ. Прокоповича. Ничѣмъ незамѣнимая жизненность слова утрачивалась настолько, насколько ораторъ держался формализма. Вотъ доказательство. М. Стефанъ, исключительно по способу сближенія, рекомендованному гомилетикой, „построилъ“ четыре проповѣди на новый годъ въ похвалу Петра и Россіи, заимствовавъ содержаніе для нихъ изъ видѣнія пр. Іезекіиля. Слова эти носятъ названіе торжественныхъ колесницъ. Изображеніе колесницы, видѣнной Іезекіилемъ проповѣдникъ прилагаетъ къ современной Россіи и находитъ въ ней всѣ части, изъ которыхъ ко-

(1) Проп. м. Стефана, II, 74; III, 53—5, 7; 9; I, 166; II, 138, 190. 74 и др. См. Рук. д. с. п. 1870 г. «Проповѣдничество при Петрѣ I Терновскаго.

лесница состояла. „Амвросій и Теофилактъ, говоритъ м. Стефанъ на новый 1703 г. и прочіи съ ними чрезъ колесницу разумѣютъ быти царство, государство, а наипаче благочестивое, православное, идѣже подобіе сына человѣческаго, т. е. Христось Спаситель нашъ и хвала Его святая, благочестіе святое пробѣзжается и торжествуетъ и триумфы строитъ. Держуся я сего толкованія и триумфальною колесницею Іезекіилевую нареку тебе, преславная наша Россійская монархія, тривѣнчанное царство московское“ (1). Представляя слушателямъ животныхъ, движущихъ колесницу (Россію), проповѣдникъ продолжаетъ: „Зрите, во первыхъ, херувима, лице орлеа имущаго. Кто же не вѣдаетъ орла висока быти птенца высокогнѣздящася, высоколетающа, въ высокихъ пребывающа? Премудрости рачительница еллинская древность самому своему высочайшему богу Ювишеви орла посвятила и орломъ всегда Ювита своего изображала. А и у насъ православныхъ Божество Христа Спасителя нашего орломъ изображается: *Въ началъ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово*. Кто же то глаголетъ? Іоаннъ св., котораго знаменіе орель аки бы хотя высоту Божества Христова орломъ изобразить. Сіе знаменіе орла родственное есть высокой царской монарховъ нашихъ россійскихъ породѣ... Что царь, то орель въ высотѣ своей неудобозрительный, родъ святъ, племя Божіе, фамилія, начатокъ свой отъ самаго Бога имущая“. Въ подтвержденіе этого м. Стефанъ указываетъ мѣсто изъ Апокалипсиса (19, 11—16) и посредствомъ толкованія выводитъ изъ него, что „царіе наши православніи орлы суть въ высотѣ родства и примѣтовъ царскихъ неопостижимы, племя Божіе, родъ святъ помазанниковъ Божіихъ. Здѣ убо меня спросите (обращается онъ къ слуш.), для чего то сія колесница Божія, сія тривѣнчанная монархія, вознесена больше и больше, вышше и

(1) Хр. Чт. 1867 г. ч. 1, стр. 419.

вышше. отъ славы въ славу, отъ побѣды въ побѣду? А я вамъ показуючи сего херувима, орлее лице имущаго (Петра), воспоминаю предреченная словеса пр. Іезекііля: *егда шествоваху животная, шествоваху и колеса, егда возношахуся животная, вознотахуся и колеса*“. Подобнымъ образомъ м. Стефанъ находитъ и прочихъ трехъ херувимовъ въ Россіи и, въ частности, въ одномъ Петрѣ. Въ словѣ на 1704 г., посвященномъ разсмотрѣнію того же видѣнія пр. Іезекііля, онъ говоритъ о четырехъ колесахъ или четырехъ сословіяхъ государства: сановникахъ, воинахъ, духовныхъ и податныхъ лицахъ, согласно движущихъ побѣдную колесницу (¹). Въ заключеніи проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на славянскую букву, соотвѣтствующую цифрѣ 4, которою обозначался данный новый годъ, и здѣсь видитъ доброе предзнаменованіе для Россіи. „Велію утѣху усматриваю, слышателие (говоритъ онъ) на сей годъ 4-й (1704). Вѣдаете, яко 4-й годъ изобразуетъ литера Д: возложимъ убо на Бога надежду и упованіе, яко сему году, добромъ изображаемому, подастъ всякое доброе“, и далѣе указываетъ, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ въ 1654 году, когда и послѣдняя буква года была Д и пасхальная также Д (²).

Двойственный характеръ проповѣдей м. Стефана послужилъ причиною разногласныхъ сужденій относительно ихъ достоинства. Утверждать, что Стефанъ — завзятый схоластикъ, что въ его проповѣдяхъ нѣтъ жизни, ускользаетъ дѣйствительность (³), по нашему мнѣнію, будетъ такою же крайностью, какъ и наоборотъ, игнорируя его схоластическіе недостатки, усвоить его проповѣдямъ слишкомъ много практичности. Изъ представленныхъ образцовъ достаточно видно, что м. Стефанъ заплатилъ дань и своему схоластическому

(¹) Проп. м. Стефана Ш, 185—224.

(²) Проповѣди м. Стефана Ш, 224.

(³) Оеофанъ Прокоповичъ и его время, Чистовича, стр. 604.

образованію и шумной жизни петровскаго общества, въ которомъ онъ занималъ такое видное мѣсто. Какъ человѣкъ высокообразованный, онъ былъ сравнительно остороженъ въ выборѣ легендарныхъ украшеній рѣчи; сознавая неумѣстность въ проповѣди міологическихъ сказаній, онъ замѣтно воздерживался и въ этомъ отношеніи (1) и избѣгалъ крайностей Оомы Млодзяновскаго. Горячее сочувствіе дѣйствительности, живость ораторскихъ движеній, находчивость, остроуміе, разнообразіе въ приемахъ—сообщаютъ его рѣчи много жизненности, а громадная начитанность и знаніе библіи придаютъ ей основательность и силу незаурядную. Окончательную реформу проповѣди въ смыслѣ ея освобожденія отъ схоластицизма и сближенія съ жизнію произвелъ Теофанъ Прокоповичъ. М. Стефанъ, строгій блюститель іерархическихъ правъ и церковныхъ интересовъ, не всегда сходился съ Петромъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Воздавая должное похвальнымъ подвигамъ монарха, проводя въ сознаніе волновавшагося народа мысль о неприкосновенности царской власти, онъ не закрывалъ глаза и предъ дурными сторонами реформы государства, указывая на нихъ безстрашною рукою. Вслѣдствіе этого, не замедлила явиться холодность въ отношеніяхъ Петра къ митрополиту и на оборотъ. Стефанъ чаще и чаще сталъ сознавать, что его поприще въ качествѣ фактически-первенствующаго іерарха русской церкви кончалось, чаще и чаще высказывалъ желаніе удалиться въ свою епархію. Петръ сталъ искать себѣ другихъ образованныхъ сотрудниковъ изъ духовенства. „Подвизаясь одиноко на своемъ поприщѣ, говоритъ Сухомлиновъ, онъ зналъ, что очень не многіе понимали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренно почти всѣ его осуждали; а онъ требовалъ не такого

(1) Проповѣди м. Стефана П. 71.

повиновенія; онъ желалъ, чтобы вся Россія по убѣжденію пріобщилась къ его стремленіямъ, чтобы народъ пересталъ смотрѣть на его дѣло, какъ на личную прихоть, чтобы все поняли общую пользу его труда. Государь сталъ искать человѣка, который бы искренно и сознательно былъ преданъ ему, способенъ былъ бы вполне понять его и говорить отъ его лица съ народомъ“ (1). Такого человѣка онъ нашелъ въ Ѡ. Прокоповичѣ. — Первымъ важнымъ шагомъ къ сближенію этихъ двухъ родственныхъ натуръ послужилъ панегирикъ Теофана по случаю полтавской побѣды, произнесенный въ Кіевѣ, въ присутствіи самого побѣдителя. Вызванный (въ 1715 г.) въ Петербургъ, Теофанъ черезъ годъ снова привѣтствовалъ государя по его возвращеніи изъ за границы. Не смотря на сопротивленіе почти всехъ русскихъ, видныхъ въ то время іерарховъ, Прокоповичъ скоро былъ посвященъ во епископа и сдѣлался правою рукою Петра. Въ званіи вице-президента св. Синода онъ de facto сталъ во главѣ церковнаго управленія; какъ государственный человѣкъ, повѣренный монарха, онъ шелъ впереди всехъ, рядомъ съ реформаторомъ, писалъ проэкты, издавалъ указы; какъ писатель, онъ былъ средоточіемъ литературы своей эпохи. Довѣріе государя къ епископу росло со временемъ; ихъ сближеніе стало дружбою. Прокоповичъ весь отдался идеѣ преобразованія. Въ защиту нововведеній онъ разсуждалъ: „аще бы и новое дѣло, что же самая новость вредить? Зло и старое зло есть, добро и новое добро есть.... Разумный есть человѣкъ и народъ, который не стыдится принимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ, безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хочетъ“. „Существенную особенность Теофана (скажемъ опять словами г. Сухом-

(1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. «Ѡ. Прокоповичъ и его время» — критич. замѣч. Сухомлинова.

линова) составляет то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго“. Свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобы помогать Петру, не щадя труда и усердія. „Нужно ли государю, говорить г. Чистовичъ, оправдать предъ народомъ и свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, и онъ поручаетъ Теофану написать „правду воли монаршей“. Нужно ли оправдать отмену патріаршества и учрежденіе, вмѣсто него, коллегіальнаго управленія, и онъ поручаетъ Теофану это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравится лицемеріе въ народѣ, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Теофанъ пишетъ, по его порученію, книгу противъ лицемеровъ. Государя занимаютъ раскольническія дѣла, и Теофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставлялъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной кафедры ихъ пользы и значенія“ (1). „Посвященный во всѣ виды Петра (продолжимъ словами Самарина), Прокоповичъ шелъ предъ нимъ, прочищая ему дорогу. Задолго до каждаго дѣла новаго онъ готовилъ, склонялъ къ нему общественное мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчая на всѣ, доходившія до него, возраженія. Оправданіе преобразованія—это главная и любимая тема проповѣдей Ѳ. Прокоповича, его задача, какъ оратора. Теофанъ хорошо зналъ направленіе умовъ, предразсудки и убѣжденія русскаго народа, вслушивался въ его толки и ни-

(1) Прозвучавъ въ старинной обществѣ, онъ ставилъ вопросъ о преобразованіи церковнаго управления. (2) Въ 1801 г. онъ былъ избранъ членомъ Синодальной свѣдѣтельной комиссии. (3) Ѳ. Прокоповичъ въ его время, 118—119.

тѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти все проповѣди Теофана направлены противъ господствовавшихъ въ его время суевѣрій и предразсудковъ. Его дѣятельность во всехъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ, упрека, ироніи и самой язвительной сатиры“.

Выше было замѣчено, что Теофану принадлежитъ честь окончательной реформы проповѣди: онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ ея освобожденію отъ схоластической отвлеченности и сблизилъ ее съ жизнью, съ нуждами слушателей, съ требованіями времени и обстоятельствъ. Борьба съ схоластикой у Теофана началась еще въ кievской коллегіи, когда онъ преподавалъ тамъ реторику. Его реформаторскія стремленія обнаружилились сразу по его вступленіи на педагогическую карьеру. Онъ вооружался противъ изобрѣтенія узаконеннаго числа доказательствъ по различнымъ рубрикамъ, противъ „распространенія словъ“, противъ „непріятной щепетильности“ въ соблюденіи риторическихъ мелочныхъ правилъ разныхъ „польскихъ казнодорожниковъ“. На томъ основаніи, что современные Теофану проповѣдники, особенно увлекаясь Ѳ. Младзяновскимъ, въ которомъ тогдашняя западная гомилетика нашла себѣ одного изъ усерднѣйшихъ послѣдователей и у котораго ея недостатки и крайности сказались очень рѣзко, Теофанъ особенное вниманіе обращаетъ на него и разбираетъ его до тонкости съ свойственными ему критическою ловкостью и ядовитой насмѣшкой (1). „Когда я вижу, говоритъ Теофанъ въ

(1) Трактатъ Теофана «О проповѣдяхъ польскаго іезуита Ѳ. Младзяновскаго» напечатанъ въ Тр. Кіев. Акад. 1865 г. кн. 1. Онъ заимствованъ изъ 6 гл. Реторики Теофана. Кромѣ этой Реторики, проповѣд-

своей Реторикѣ, что многіе чрезвычайно одобряютъ и восхваляютъ Млодзяновскаго, а молодые студенты краснорѣчія только его и ставятъ для себя образцомъ подражанія, и такимъ образомъ удаляются отъ истинной науки на путь погибельный, то считаю долгомъ кратко изложить то, что я о немъ думаю. *Меня не смущаетъ то, что весьма многимъ не нравится мои мысли, лишь бы я говорилъ правду*. Такъ какъ главное вниманіе латино-польскихъ, а за ними и южно-русскихъ проповѣдниковъ, при составленіи проповѣди, обращалось не на серьезную сторону дѣла, не на солидность содержанія, а на мелочныя украшенія рѣчи, на изобрѣтеніе замысловатыхъ и смѣшныхъ анекдотовъ въ видахъ сообщенія интереса слову, то и критику свою Теофанъ начинаетъ съ обличенія манеры „ученыхъ хвастуновъ“ говорить что нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное, орудумывать „курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умышленія“, задаваться самыми мелочными вопросами, „задерживать слушателя нѣсколько времени безмысленною проволочкою“, важничать передъ нимъ мнимымъ глубокомыслиемъ и — въ результатѣ не сказать ничего въскаго, назидательнаго. На все это у Теофана преведены приемы, заимствованные изъ произведеній „достопотеннаго отца Млодзяновскаго“ и подобранныя на тотъ предметъ, чтобы доказать, что этотъ авторитетъ гомилетики „весь состоитъ изъ пустяковъ“. „Чтобы пересыпать солью свое сумазбродное пустословіе, говорить Теофанъ, проповѣдники постоянно и весьма дерзко шутятъ; все черное проницески называютъ бѣлымъ и бѣлое чернымъ; шутками оскорбляютъ Бога, порочатъ Богородицу, беспокоятъ ангеловъ, извергаютъ хулы

ническая теорія Теофана изложена: въ «Prolegomena» къ его догм. системѣ, въ Регламентѣ: — «О проповѣдникахъ слова Божія» и въ собою трактатѣ: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ».

на свитыхъ,.... измышляютъ безчисленное множество самыхъ вялыхъ и гадкихъ остротъ, гнилыхъ, нелѣпныхъ шутокъ,.... такъ что ихъ рѣчь нужно назвать, если не безуміемъ, то какъ нибудь иначе, а не краснорѣчіемъ“. На такое ораторство не слѣдовало бы обращать вниманіе, еслибы оно не было вредно для людей, мало знакомыхъ съ реторической наукой. „И къ чему ведутъ (спрашиваетъ Прокоповичъ) эти неумѣстныя шутки, побасенки, разглагольствія и другія безчисленныя выходы, не идущія ни къ предмету проповѣди, ни къ назиданію слушателей, не имѣющія ни смысла, ни значенія? Словамъ св. писанія Млодзяновскій даетъ смѣшныя, сумазбродныя и большею частию неблагочестивыя толкованія и, для подтвержденія послѣднихъ, съ тяжкою приводитъ св. отцовъ. Если въ писаніяхъ отеческихъ увидить что нибудь, повидимому, подходящее къ его остроумишку, то постоянно извращаетъ, и съ такимъ насиліемъ прилаживаетъ къ своему пустословію, что человѣкъ незнакомый съ отеческими твореніями можетъ заподозрить самихъ святыхъ отцовъ въ не меньшихъ нелѣпостяхъ“. Еслибы Млодзяновскій самъ получше ознакомился съ святоотеческими твореніями, онъ получилъ бы другой взглядъ на церковную проповѣдь, не украшалъ бы своего краснорѣчія дерзкими и наглыми, нечистыми и срамными шутками,—всего этого нѣтъ и слѣдовъ въ произведеніяхъ лучшихъ церковныхъ витій: Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Назіанзена, Іеронима и др., а если и есть „нѣчто сказанное шуточно, то далеко въ иномъ смыслѣ и весьма рѣдко“. И краснорѣчіе Млодзяновскаго благосклонно „принимается безмысленною толпою, о глупость нашего вѣка, которую никогда нельзя оплакать никакими слезами! Не столько меня печалитъ то, что такъ низко палъ одинъ человѣкъ, оболщенный пустѣйшимъ блескомъ своего умишка, сколько то, что оставилъ по себѣ много подражателей, почитателей и послѣдователей своего заблужденія.—Видятъ въ немъ какое-то искусство, а не образчикъ ве-

личайшаго невѣжества! Но скажите, есть ли что нибудь серьезное и дѣльное у этого кропателя пусто-словія? Есть ли въ немъ хоть тѣнь ораторской опытности? Гдѣ наука составлять приступы, изобрѣтенныя и преданныя столькими ученѣйшими наставниками древними и новѣйшими? Гдѣ здравыя доказательства? Гдѣ движенія душевныя? Гдѣ необходимѣйшія въ священ-ныхъ рѣчахъ заключенія? Гдѣ структура мѣрной рѣчи? Гдѣ украшеніе, блескъ, остроуміе, сила, важность, плавность? Гдѣ энергія, гдѣ тяжеловѣсность мыслей, гдѣ единство частей?... Что сказать о панегирикахъ, гдѣ въ непрерывномъ теченіи рѣчи десять разъ или болѣе повторяются одни и тѣже слова, разбавленныя смѣшными разсужденіями?... Что такое пристойная рѣчь, это не приходило ему (Млодзяновскому) на мысль, потому что и самые печальные предметы, напр. страданія Христовы, не отнимаютъ у него шутливости. Если это краснорѣчіе, то пусть покажетъ намъ добрый господинъ Млодзяновскій, у какихъ авторовъ онъ научился этимъ правиламъ, какими авторитетами оно одобрено? И однако Млодзяновскій видимо вездѣ говоритъ о себѣ съ достоинствомъ, вездѣ нравится себѣ, торжествуетъ. Вы, юноши, студенты истиннаго краснорѣчія, обращается Теофанъ къ ученикамъ, помните то, что сказано въ первыхъ двухъ главахъ этой книги (1), и наблюдайте, ораторствовалъ ли такъ кто нибудь изъ древнихъ и если ораторствовалъ, то принесъ ли какую либо пользу для человѣчества? Пользовался ли когда нибудь уваженіемъ, авторитетомъ, честью?— Это сказано мною не по ненависти человѣческой, потому что я умѣю уважать добродѣтель и во врагѣ,... но когда я вижу, что Млодзяновскій многими принимается съ восторгомъ и потому причиняетъ большой вредъ краснорѣчію и даже государству и религіи, я

(1) Lib. 1, Cap. 1 De laudibus eloquentiae; Cap. 2, De eloquentiae utilitate.

рѣшился подвергнуть преслѣдованію эту заразу въ лицѣ ея виновника“. — Такъ бичеваль Прокоповичъ латино-польскую гомилетику. Въ другомъ мѣстѣ своей Реторики (1) онъ нападаетъ на ея поклонниковъ—южнорусскихъ витій. Высказавъ и доказавъ ссылками на святоотеческія творенія ту мысль, что проповѣдь можетъ и должна быть ораторскою рѣчью, что ея отдѣлка и красота совсѣмъ не оскорбительны для священнаго предмета, раскрытіемъ котораго она занимается, Теофанъ, какъ и въ полемикѣ противъ Ѳ. Млодзяновскаго, вооружается противъ обычая южнорусскихъ церковныхъ ораторовъ переполнять свою рѣчь неумѣстными шутками и остротами, указываетъ, какъ на образецъ подражанія, на І. Христа, который „и въ обыденной жизни не смѣялся, а чаще плакалъ и провозвѣстилъ горе смѣющимся“, указываетъ, потомъ, на непререкаемый авторитетъ въ христ. краснорѣчьи, на св. І. Златоустаго и напоминаетъ его сильныя обличенія неумѣстной шутливости (6 бес. на 2 гл. Мѡ.; 17 бес. на 5 гл. посл. къ Ефес. 15 бес. на 9 гл. къ Евр.). Если шутки и позволительны, если ихъ и употребляли сами св. отцы, то кетати, „благопристойно“ и небезцѣльно, по особеннымъ требованіямъ обстоятельствъ (Григорій Назіанзенъ смѣется въ проповѣдяхъ надъ Юліаномъ; І. Златоустъ—надъ элечіями Ливанія, надъ гордостью богачей, надъ роскошью женщинъ), и шутки эти были умѣренны, никогда не выходили изъ границъ приличія, требуемаго важностью церковнаго слова. Менѣе всего могутъ служить предметомъ шутливости св. писаніе и лица святыхъ.—Чтобы дополнить новыми чертами содержаніе отрицательной части гомилетической теоріи Ѳ. Прокоповича, мы обратимся къ его „Дух. Регламенту“, гдѣ онъ посвящаетъ сужденію о проповѣди особенную главу: „О проповѣдникахъ слова

(1) De arte rhetorica, lib. IX: De sacra eloquentia. См. также предисловіе и гл. 1.

Божія“. Тонъ рѣчи здѣсь, по мѣстамъ насмѣшливый, теряетъ свой полемическій характеръ, отличается увѣренностью, — законодательный. Поставивъ главнымъ условіемъ умѣнья проповѣдывать образованіе пастырей церкви, ихъ знакомство съ св. писаніемъ, Теофанъ даетъ будущимъ проповѣдникамъ такія предостереженія, полныя практическаго значенія. О грѣхахъ въ обществѣ говорить, но не называть по имени согрѣшившаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ уже опубликованъ отъ всей церкви. Даже когда пронесется о комъ либо недобрый слухъ, и тогда проповѣдникъ долженъ молчать о грѣхѣ, такъ какъ при воспоминаніи о немъ, хотя бы имя виновнаго и не произносилось, слушатели прямо отнесутъ обвиненіе къ нему, слѣдствіемъ чего у обличаемаго можетъ явиться желаніе не исправиться, а отмстить проповѣдику. Тяжкій грѣхъ, явно совершенный гордымъ грѣшникомъ, съ презрѣніемъ закона Божія, прилично наказывать епископу, а не пресвитеру. Стогато наказанія заслуживаютъ тѣ изъ проповѣдниковъ, которые позволяютъ себѣ метить своимъ обидчикамъ, пятнать ихъ репутацію, хотя бы и анонимно. Не прилично проповѣднику, особенно молодому, обличать слушателей властно и въ обличеніи выгораживать себя. Не позволительно гордиться предъ паствою успѣхомъ слова и унывать, когда оно не дало ожидаемыхъ результатовъ: дѣло проповѣдника — учить, а обращеніе сердець къ добру — дѣло Божіе. Самоуничжаться относительно успѣха собственнаго слова также не нужно въ обществѣ: это поведетъ къ комплементарамъ. — Въ соединеніи съ тѣмъ, что было приведено выше изъ соч. Теофана „De arte rhetorica“, наставленія Регламента представляютъ довольно подробное и точное указаніе недостатковъ, какіе видѣлъ Прокоповичъ у современныхъ ему проповѣдниковъ южнорусскаго образованія, и отъ которыхъ онъ хотѣлъ предостеречь студентовъ кievской академіи и будущихъ пастырей — учителей на сѣверѣ Россіи. — Со стороны содержанія, очевидно, Прокоповичъ нахо-

диль современную ему проповѣдь совершенно недостаточною, неотвѣчающею своей прямой задачѣ—учить и назидать слушателей. Ратуя противъ шутокъ и остротъ, Теофанъ указывалъ на существеннѣйшую ошибку латино-польскихъ и южно-русскихъ витій — будто этими дешовыми украшеніями можно замѣнить суть дѣла. Не надѣясь на собственную вліятельность и желая устранить всякія подозрѣнія насчетъ пристрастности своихъ сужденій, Теофанъ ссылается на древніе, давно признанные всѣми авторитеты церковнаго и свѣтскаго краснорѣчія и у нихъ ищетъ суда надъ схоластицизмомъ — Давая положительныя правила гомилетики, Прокоповичъ находить возможнымъ и удобнымъ употреблять въ проповѣди всѣ роды краснорѣчія (изъянительный, совѣщательный и судебный), разграниченные и указанные классической риторикой, не исключая судебного (который у его предшественниковъ не имѣлъ гомилетическаго примѣненія), на томъ основаніи, что проповѣднику иногда приходится брать на себя обязанности судьи, карать или миловать грѣшника. Вопросъ о томъ, можетъ ли проповѣдникъ, врачъ и отецъ своей паствы по призванію, раздражитель І. Христа, кроткаго и милующаго—употреблять прещенія и проклятія противъ тяжкихъ грѣшниковъ, напр. еретиковъ—этотъ вопросъ Теофанъ разрѣшалъ утвердительно, опираясь также на примѣръ Спасителя, грозно обличавшаго фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ и изгонявшаго торжниковъ изъ храма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Теофанъ рекомендуетъ и насмѣшку. „Нужно знать, говоритъ онъ, что не всѣ грѣхи можно искоренять одинаково или жаркимъ порицаніемъ, или насмѣшливою рѣчію; но для иныхъ одно, для другихъ другое лучше. На роскошь, прошу, не нападай шутками; такимъ средствомъ болѣе распалишь, нежели погасишь этотъ пламень. Такого соображенія не имѣютъ, или пренебрегаютъ имъ тѣ, которые много и неприлично смѣются надъ похотливыми, или блудниками. Чего они достигаютъ, это мож-

но видѣть на слушателяхъ. Замѣтно, что если кто изъ зараженныхъ этою болѣзнію присутствуетъ при проповѣди, то онъ такъ жадно слушаетъ, что, кажется, принимаетъ ее на свой счетъ и первый отъ нея бѣжить. Гордость, напротивъ, болѣе возрастаетъ, если поднимешь противъ нея войну, человѣкъ торжествуетъ, когда видитъ, что на борьбу съ нимъ требуются великія силы. Думается, поэтому, что противъ роскоши нужно призывать громы гнѣва Божія, суда, смерти, адекаго огня, а гордость слѣдуетъ поражать презрѣніемъ, шутками и фдкимъ смѣхомъ“ (1). Ниже, когда дѣло коснется практическаго употребленія Теофаномъ этихъ и подобныхъ правилъ его теоріи, мы увидимъ, какъ ловко онъ пользовался своимъ знаніемъ человѣческаго сердца, какъ удачно подмѣчалъ слабыя стороны извѣстныхъ ему лицъ, какъ язвительно смѣялся надъ невѣжественною увѣренностію и гордостью раскольниковъ, какъ умѣлъ защитить, что ему нравилось и унижить то, къ чему не лежали его симпатіи. — „Совѣщательный родъ церковнаго краснорѣчія, говоритъ Прокоповичъ, содержитъ въ себѣ доказательства и убѣжденія слѣдовать добродѣтели и убѣгать пороковъ, или, что тоже, совѣщательный родъ краснорѣчія составляетъ нравственная проповѣдь“. Средства убѣжденія здѣсь могутъ быть раздѣлены на два разряда: одни изъ нихъ заиствуются изъ соображеній о благодати, милосердіи, благодати Божіей другія вытекаютъ изъ мысли о правосудіи и наказаніи. Первыя увлекаютъ, вторыя побуждаютъ. Что удобнѣе ставить въ проповѣди на первомъ планѣ, рѣшить трудно: не наука, а благодать Божія даетъ успѣхъ слову; но можно все-таки совѣтывать, на основаніи опыта, что побужденіе лучше ставить на первомъ мѣстѣ, а потомъ привлеченіе; грѣшникъ, въ которомъ возбуждено раскаяніе чрезъ чувство страха, не оцѣпенѣетъ, не придетъ

(1) De arte rhetorica, lib. IX, c. 3.

въ отчаяніе, когда, въ контрасть съ картиною грознаго суда Божія, передъ нимъ раскроется неизмѣримая пучина Божественнаго милосердія. Чтобы слушатель не потерялъ чувствительности къ угрозамъ, не нужно „долго гремять“, — страхъ отъ привычки ослабѣваетъ. „Поэтому нужно тщательно разнообразить предметы проповѣди и брать доводы то радостные, то печальные, то полные страха и опасности, то кроткіе“ (1). Чтобы слово нравственнаго назиданія имѣло вѣсь и не давало слушателю возможности самооправданія, чтобы слушатели „не ласкали себя нѣкоторыми извиненьями“, проповѣдникъ долженъ войти самъ въ положеніе наставляемаго, глубокимъ анализомъ изслѣдовать его душевные изгибы и отсюда вынести пригодное орудіе борьбы противъ извѣстнаго недуга и указать способъ освобожденія отъ него. Для этого не достаточно опытности и провидцательности одного лица; необходимо читать произведенія мудрыхъ людей, каковы, напр., Кассіанъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, а также Сенека, Эпиктетъ и другіе, которые, если читаются съ умѣренностью и благоумною осторожностью много могутъ принести пользы“ (2). — Третій родъ церковнаго краснорѣчія — изыскательной. Къ нему относятся проповѣди на праздники господскіе, богородичныя и святыхъ. Трактаты о проповѣдяхъ этого рода полонъ подробныхъ наставленій — какъ писать слова на тотъ или другой день года, посвященный памяти того или другой событія, или святого. Главный совѣтъ проповѣднику — строго держаться избраннаго предмета, не смѣшивать его съ другими, не расплываться. Въ каждомъ святомъ прилично воехвалать ту его добродѣтель, которую онъ особенно прославился, не касаясь всѣхъ его достоинствъ; иначе онъ обезличивается въ глазахъ слушателей, его нравственный образъ не можетъ стать особнякомъ въ ихъ

(1) Ibid. cap. 4.

(2) Ibid. cap. 3.

головѣ, а потому и назиданіе отъ него скоро забывается. Эта мысль, очевидно, противопоставлена была укоренившемуся ко времени Теофана обычаю проповѣдниковъ — хвалить, такъ ужь хвалить, порицать, такъ порицать. Въ силу такого обычая, въ словахъ на дни святыхъ, надгробныхъ и вообще въ панегирикахъ собирались всевозможныя похвалы въ честь извѣстнаго лица, — восхвалялись его происхожденіе, имя, фамилія, ростъ, даже день его рожденія, при чемъ фізіономіи восхваляемыхъ оказывались до того схожими, что одна и таже проповѣдь могла быть, съ ничтожными измѣненіями, произнесена въ честь разныхъ лицъ. — О внѣшнемъ построеніи проповѣди Теофанъ ничего, или почти ничего не говоритъ. Это и понятно. Главную цѣну Прокоповичъ давалъ содержанію, а не формѣ проповѣди. Расположеніе „матеріи“ у него самаго главнымъ образомъ зависѣло отъ свойства разсматриваемаго предмета, а не отъ заранее намѣченныхъ рубрикъ; онъ не имѣлъ, поэтому, нужды давать наставленія тамъ, гдѣ гомилетика опередила его: она изобиловала всевозможными правилами относительно темъ, приступовъ, наррацій и т. п. Прокоповичу пришлось замолвить слово даже противъ излишней ревности въ употребленіи всѣхъ этихъ гомилетическихъ правилъ на практикѣ. Вотъ что онъ говоритъ, напр. о темѣ. „Подъ темами въ священныхъ проповѣдяхъ разумѣются нѣкоторыя слова, взятая изъ св. писанія и приставленныя къ рѣчи, какъ бы нѣкоторыя надписи, или титулы, изъ смысла которыхъ проповѣдникъ выводитъ свое предложеніе, которое потомъ и утверждается. У древнихъ отцовъ они рѣдко находятся, у новѣйшихъ же такъ строго соблюдаются, что опущеніе темы многіе считаютъ дѣломъ нерелигіознымъ“... Сдѣлавъ предположеніе, что въ его время обязательное употребленіе темы могло развиться изъ подражанія нѣкоторымъ отцамъ, выводившимъ иногда въ своихъ проповѣдяхъ нравственныя уроки изъ текстовъ св. писанія, удачно впрочемъ выбранныхъ и прицаровленныхъ къ дѣлу, Теофанъ продолжаетъ, что

это дѣло иногда полезное и пригодное, стало (вслѣдствіе неразумнаго къ нему отношенія) „вреднымъ какъ ораторамъ, такъ и слушателямъ: послѣднимъ потому, что они внимательно слушаютъ только тему и послѣ нея, какъ будто понявши всю проповѣдь, выходятъ изъ храма, или другое что дѣлаютъ, а первымъ потому, что что они (излишне) заботятся объ этой темѣ и надъ изобрѣтеніемъ ея утруждаютъ себя и большую частію схватываютъ слабую“ (1). Тему Теофанъ допускаетъ только для проповѣдей съ содержаніемъ изъ воскресныхъ евангелій; въ похвальныхъ словахъ совѣтуетъ ее опускать; а ужъ если подчиняться „общему обычаю“, разсуждаетъ онъ, то слѣдуетъ подчиняться разумно, осмысленно, — „изобрѣтать такую тему, отъ которой бы зависѣли не частички причины, а вся причина“. — Даже въ Регламентѣ, гдѣ, кажется, нелишне было бы коснуться внѣшней стороны церковнаго слова, такъ какъ правила его преимущественно назначались для „неискусныхъ“ священниковъ, Теофанъ разсуждаетъ только о содержаніи проповѣдей. Правда 6-е правило обязуетъ проповѣдника прилежно читать книги св. І. Златоустаго, „ибо тако (онъ) приобучитъ ся складать чистѣйшее и яснѣйшее слово, хотя и не будетъ Златоустому равное“ и запрещаетъ читать „казнодеишекъ легкомысленныхъ, каковыя наипаче польскіе бывають“, но это только не большой намекъ на внѣшнюю сторону проповѣди.

Не трудно замѣтить, что въ главныхъ своихъ чертахъ гомилетическая теорія Прокопозича составляетъ собою примѣненіе общихъ риторическихъ правилъ къ церковной проповѣди; — это положительная ея часть, а отрицательная состоитъ изъ полемики противъ южно-русской гомилетики, полемики рѣзкой по тону и выраженіямъ, авторитетной по содержанію. — Но важнѣйшая заслуга Теофана — въ томъ, что свою теорію

(1) De arte rhetorica, lib. ix, cap. 8.

онъ блистательно примѣнилъ и, такъ сказать, защитилъ на практикѣ. Собственно здѣсь-то она и развита у него до подробностей, здѣсь-то и высказались ея несомнѣнно-хорошія стороны, которыхъ не могли не признать лучшіе изъ современниковъ; они и образовали изъ себя вскорѣ особую школу проповѣдниковъ—подражателей Теофана Прокоповича.

Печать глубокаго, аналитическаго ума и недюжиннаго ораторскаго таланта лежитъ на всѣхъ проповѣдяхъ Теофана, говоренныхъ въ Кіевѣ и Петербургѣ, но типичнѣйшими изъ нихъ служатъ тѣ, которыя произнесены были въ новой столицѣ Россіи. Слова: о богачѣ и Лазарѣ, о любви къ Богу, о почитаніи иконъ, въ день св. апостоловъ Петра и Павла, въ день великомученицы Екатерины, о страстяхъ Христовыхъ—отличаются солидностью доказательствъ, логичностью мыслей, полнотою и обширностью взгляда на предметъ, ловкими оборотами рѣчи, пропорціональностью въ частяхъ, неотразимою силою убѣжденія въ цѣломъ; но немногія изъ нихъ могутъ похвалиться задушевностью оратора, теплотою его чувства, возбужденнаго ревностью по Богу (что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе напр. у Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго); нельзя сказать, чтобы въ нихъ вылилась вся мощная и страстная натура проповѣдника, какою она является потомъ въ позднѣйшихъ его словахъ, сказанныхъ на защиту горячо любимаго монарха и всѣхъ его дѣйствій.—Какъ лицо духовное и какъ церковный ораторъ, Теофанъ въ своихъ поученіяхъ старался смотрѣть на подвиги и преобразованія Петра съ библейско-церковной точки зрѣнія и въ этомъ духѣ говорить о нихъ съ народомъ, защищая и восхваляя начинанія государя, выясняя ихъ важность и пользу для Россіи; все же въ нихъ много такъ называемаго политическаго или гражданскаго элемента, составляющаго ихъ характерный признакъ. Всѣ важнѣйшія событія царствованія Петра В., отъ полтавской побѣды до кончины государя, были предметами,

воодушевлявшими сердце, умъ и воображеніе Теофана; лучшая, блестящая сторона эпохи сполна отразилась въ его словѣ, полномъ жизни и ораторскаго вдохновенія. Потокъ красноречія на похвалу Петра у него кажется неистощимымъ; слушатель невольно долженъ былъ увлекаться этимъ потокомъ, имѣя предъ собою красивое, выразительное лицо талантливаго проповѣдника, обладавшаго рѣдкою способностью произношенія. Тако продолжаетъ радости твоея, тако славы твоея умножаетъ Богъ, о Россіе! „Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ его дѣла: есть флотъ російскій. Его благословеніе есть толикая сила и толикіе плоды флота російскаго. Онъ смотрѣніемъ своимъ навелъ очи монаршіе на презрѣнный ботикъ, Онъ царское сердце зажегъ къ архитектурѣ корабельной, Онъ, предопредѣляя Россіи возвращеніе и полученіе новыхъ приморскихъ странъ, предварилъ то благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ и толикии уцедрилъ побѣдами. Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако. Буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка“! Въ словѣ по случаю полтавской побѣды (1) проповѣдникъ не опустилъ ни одного мотива для похвалы блистательной побѣды и ея виновника. Съ одной стороны онъ выставляетъ силу, богатство, храбрость и гордость врага, съ другой—неудобства, тяжелое положеніе Россіи и неожиданную измѣну Мазепы—все шансы, заставлявшіе страшиться сильнаго непріятели, уже показавшаго свое превосходство въ прежнихъ сраженіяхъ. Въ этомъ контрастѣ и заключается сила панегирика несокрушимоу Петру, въ ра котораго въ лучшую будущность Россіи не ослабѣла послѣ горькихъ потерь и неудачъ и съ пророческой надеждой сформировала новую армію съ новой артиллеріей. „Господь силъ, сокрушай брани мышцею выжвляя...“

(1) Слова и рѣчь О. Прокоповича, 1. 143—63.

сокою, поборствуетъ тебѣ, обращался ораторъ къ торжественвавшему монарху, — устрашишася отъ гласа грома твоего, бѣжать отъ лица твоего ненавилящій тебѣ“... „Научитесь паденіемъ сего неблагодарнаго вси непослушннн господіемъ и неблагодарннн благодѣтелемъ своимъ (говорилъ онъ далѣе, имѣя въ виду измѣнника Мазепу), зрите явѣ сбывшееся прещеніе Божіе, усты премудраго Соломона изрѣченное: *неблагодарнаго упованіе яко земный иней растаетъ и изліется, яко вода неключимая*. И нынѣ намъ приличествуетъ глаголати: услышите сія вси языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Поимъ Господеви, славно бо прославися! Велій Господь нашъ и велія крѣпость Его... Десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости, десная Твоя рука сокруши враги и множествомъ славы Твоея стерлъ вси супостаты. Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло“... Вотъ гдѣ излилась вся душа Теофана, восхищеннаго славнымъ торжествомъ русскаго царя. И это восхищеніе не нуждалось въ схоластическихъ блестящихъ, облекаясь въ церковныя покровы, единственно приличную одежду проповѣдническихъ чувствъ. — Встрѣчая государя, вернушагося изъ-за границы, Теофанъ произнесъ другой замѣчательный панегирикъ, восхваляя на этотъ разъ просвѣтительныя распоряженія Петра и раскрывая благодѣтельныя послѣдствія для Россіи отъ ея сношеній съ иностранцами. Петръ былъ центромъ русской жизни, въ которой заструился, благодаря ему, новый духъ. „Кто наипервѣе потщался неборимыми регулярными крѣпостями оградить царство российское? Петръ I. Кто изобрѣте только крѣпкое и удобное расположеніе мѣста къ населенію сего царственнаго града? Петръ I. Кто его украсилъ многосозидаемыми архитектурными многокрасными зданіями? Петръ I. Пристанище ли въ немъ флота воинскаго и купческаго, пристанище врагомъ страшное другу пріятное, иностраннымъ желанное, своимъ отечественнымъ вождельнное, кто устрои? Петръ I. Фло-

та ли російскаго дивнаго устроенія кто изобрѣтатель? Петръ I. Кто многоприбыльное сокровищамъ царственнымъ на земли и на морѣ водить купечество? Петръ I. Различныя хитрости, инженерство, корабельное дѣло, архитектуру и иныя мастерства кто насади въ земли російской? Петръ I. Уставы и законы правосудія кто чинишь содѣла? Петръ I. Правду исполнити всяку, неправду же искоренити кто тщится? Петръ I... Таковъ есть трудъ, толикъ подвигъ, толико есть тщаніе самодержца твоего, Россіе. Самъ тщится во всемъ всегда о твоей пользѣ. Тщится глава царства, да все прочіи члены въ цѣлости своей поживутъ безбѣдно; тщится храбрый вождь, да воинство его въ побѣдахъ не изнеможетъ; тщится воинъ, да отечество сохранить отъ врагъ ненавѣтовано и неразрушимо; тщится правильный и законный обладатель и наслѣдникъ, да наслѣдное достояніе его не точию по восхищеніи отъ непріятеля да возвратится, но притомъ наипаче расширится, умножится и распространится; тщится единою породивый Россію въ храбрость оружія, силы и славы, и еще отродити въ свѣтъ премудрѣйшихъ ученыхъ и уже породилъ есть" (1). Подобное же слово было произнесено и послѣ другаго путешествія Петра за границу. То и другое научало здраво смотрѣть на эти поѣздки „за море“ и разрушало опасныя предубѣжденія противъ нихъ. Между многими обвиненіями, какія взводились на государя со стороны раскольниковъ, немаловажно было то, что онъ дружилъ съ нѣмцами, потерялъ любовь къ святой Руси, гналъ православіе, вводилъ еретическія новизны и вообще непохожъ былъ на царя благочестиваго. Здѣсь коренилось сомнѣніе народа, поддерживаемое расколомъ, — законный ли наслѣдникъ престола Петръ? Зачѣмъ онъ назвался императоромъ? Не антихристъ ли онъ? Последній вопросъ былъ заключительнымъ въ ряду безпокой-

(1) Тамъ же, I, 180—81.

ныхъ размышленій о нѣмцѣхъ — императорѣхъ; время отъ времени онъ (вопросъ) больше и больше приближался къ положительному рѣшенію, — что Петръ дѣйствительно антихристъ и признаки на то есть. Признаки находили различныя Талицкіе. — Похитили сердце его (Петрово) очужія страны, — говорилъ Прокоповичъ въ объясненіе дружбы Петра съ иностранцами, — тамъ ему не побывати возмнилось равнѣ, аки бы и отнюдь не быть въ мірѣ семь: не видѣти и не научиться дѣйствъ математическихъ, искусствъ физическихъ, правилъ политическихъ, и извѣстнѣйшія къ тому гражданскія, воинскія и корабельныя архитектуры: тѣхъ и прочіихъ ученій не переняти и аки дражайшихъ товаровъ не вывезти въ Россію, равнѣ, аки бы и не жити судилося ему. Жалостно было отлучитися отечества и дому, матери своей благоутробнѣйшей и любезнѣйшей. Отлучился! Тяжело было подняти на тѣло юношеское неспокойство и безгодія, еще же бѣдствія дорожнія. Поднялъ! Трудно было пребыти препятія, ово тайная и лестная, ово же явная. Пребылъ! Такъ охотно избѣгъ отечества ради отечества, какъ бы другой уходилъ изъ плѣна и неволи: такъ къ трудамъ спѣшилъ, какъ бы кто къ царствованію... И мало ли тщаніемъ своимъ сдѣлалъ? Что ни видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Если на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, дѣяніе, и въ дружествѣ обхожденіе... и прочія благопріятныя обычаи, не исповѣмы ли, что и сего Петръ насъ научилъ? И чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же реши о ариѳметикѣ, геометріи и прочіихъ математическихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійстїи съ охотою учатся съ радостію навыкають, и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде были ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано: а если бы гдѣ нѣкое явилось ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе,

то тогда волшебством нарицано. Что о архитектурѣ речемъ? Какое было и каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нуждѣ служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра и мраза охраняти могло: а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и велелѣніемъ свѣтлѣется. Что еще и о воинской и о корабельной архитектурѣ? Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не могли. Но тако по едину дѣла Петрова исчисляя никогда конца не дойдемъ: лучше все двѣма силами оглавити, которыхъ себѣ отъ государей своихъ всякій народъ требуетъ. Сія же суть — народная польза и безпечаліе“. И далѣ проповѣдникъ указываетъ, что именно сдѣлано государемъ для безопасности и безпечалія Россіи (*). — 14 февраля 1721 г. Прокоповичъ является на каедрѣ съ словомъ по поводу открытія св. Синода. Выходя изъ текста: *избрахъ васъ и положихъ, да вы идете и плодъ принесете и плодъ вашъ пребудетъ*, проповѣдникъ уясняетъ новоучрежденному правительству его обязанность распространять христіанское просвѣщеніе, искоренять вредныя предубѣжденія и суевѣрія въ народѣ. Дѣла св. Синоду въ этомъ отношеніи предстояло много. Народъ не ощущалъ даже потребности образованія и недовѣрчиво смотрѣлъ на самую проповѣдь; духовенство или благодушествовало безпечно, или невѣжественно богословствовало, прибавляя къ ереси новую ересь. Какой пользы нужно было ждать отъ Синода? Этотъ вопросъ естественно возникалъ въ умѣ всякаго кто интересовался хотя немного общественными дѣлами. Но онъ кажется Прокоповичу страннымъ. Кто спрашиваетъ такъ, тотъ, по его мнѣнію, „не видитъ, или видѣти не хочетъ, каковую нищету и бѣдство страждетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. Но, о окаянныхъ временъ нашихъ! (раздра-

(*) Тамъ же, II, 183 и далѣ.

жительно восклицаетъ проповѣдникъ). Суть, и мнози суть, которые всепагубнымъ безпечаліемъ—ученія, проповѣди, наставленія христіанская, то есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ, отвергать не стыдятся; къ чему де намъ учителя, къ чему проповѣдники; христіане есмь и православнии; шель бы другой къ жидамъ и мухамеданомъ и прочимъ невѣрнымъ и тамъ бы проповѣдалъ; у насъ слава Богу: все хорошо, не требуютъ здравіи врача, но болящии. Но такъ себе и прочихъ льстятъ сіи окаянницы, яко же иногда во Іерусалимѣ народъ и священство крайнимъ безуміемъ и безсовѣстіемъ ослѣвлены и гнѣва Божія находящаго и проповѣди пр. Іереміи невѣдящии, льстили себе сладкимъ льщеніемъ“. А между тѣмъ подобныя сомохвалы „христіанскаго праваго ученія“ не знаютъ; „слѣпыя слѣпыхъ водятъ и невѣжды богословствуютъ и догматы смѣха достойныя пишутъ, ученія бѣсовская предають, и во преданіи бабимъ баснямъ скоро вѣруется“ (').—Поставляя Петра въ центрѣ русской жизни, величая его, какъ воина-побѣдителя, мудраго и неутомимо-трудлюбиваго царя, постоянно работающаго на благо Россіи, Теофанъ въ одной изъ проповѣдей специально защищалъ царскую честь и власть отъ нареканий со стороны людей, недовольныхъ реформой. Въ энергической, настойчивой дѣятельности Петра видѣли депотизмъ неограниченнаго монарха, злоупотреблявшаго своимъ положеніемъ. Продолжительныя войны, сооруженіе флота, содержаніе арміи, постройка Петербурга—все это сильно обременяло народъ и вызывало въ немъ недовольство, ропотъ, уклоненіе отъ работъ и податей. По поводу этихъ обвиненій Прокоповичъ неоднократно выходилъ на кафедру, какъ защитникъ государя. Малѣйшимъ случаемъ онъ пользовался для того, чтобы освѣтить высокую личность реформатора и оградить ее отъ непріязненныхъ толковъ.

(') Тамъ же II, 63—70.

Въ словѣ на день рожденія царевича Петра Теофанъ развивалъ мысль о превосходствѣ монархіи предъ другими формами правленія, о счастіи Россіи, которая управляется единодержавно такимъ великимъ и славнымъ царемъ. Тѣ же мысли проводятся и въ другихъ проповѣдяхъ Прокоповича (*).

Можетъ быть, что въ панегирическихъ словахъ Теофана есть преувеличенныя похвалы Петру, но они весьма просто объясняются увлеченіемъ проповѣдника, которое въ своемъ основаніи имѣло глубокое, искреннее сочувствіе къ дѣламъ гениальнаго монарха. Не злость, не поддѣлка подъ чужой тонъ и вкусъ слышатся въ краснорѣчій панегириста, а убѣжденіе въ правотѣ защищаемаго и прославляемаго дѣла. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Прокоповичъ хорошо видѣлъ пользу преобразованій для Россіи въ будущемъ, а потому и содѣйствовалъ усердно ихъ успѣху, не желая видѣть въ настоящемъ темныя стороны реформы. Его умныя, воодушевленные, убѣдительныя проповѣди были лучшей апологіей предпріятій государя. Послѣдній хорошо понималъ это; онъ дорого цѣнилъ Теофана и спѣшилъ печатать его даже мелкія произведенія; онъ ревниво оберегалъ своего талантливаго помощника отъ сторонней неприязни и служилъ ему постоянной защитой.—Какъ трогательна была прощальная картина при разставаніи навсегда этихъ гениальныхъ друзей—царя и подданнаго! Какъ больно отозвалась въ сердцѣ Теофана всероссійская потеря, когда онъ провожалъ въ могилу отца осиротѣвшаго государства и своего незамѣнимаго покровителя! „Что се есть?“ спрашиваетъ недоумѣнно убитый горемъ ораторъ.— „До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли сіе? Не сонное ли видѣніе?... Ахъ, какая истинная

(*) Тамъ же, I, 255; II, 459—4; I, 180 и дал. смъ тамъ (*).

печаль, какое известное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благодѣній и нашихъ радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ такую силу и славу, или паче родившій и воспитавшій, прямой сый отечества нашего отецъ, которому, по его достоинству, добриіи россійстии сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и составу крѣпости многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялися: противно желанію и чаянію скончалъ жизнь!... Довольно видимъ, коль прогнѣвали Тебе, о Боже нашъ, и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О, недостойныхъ и бѣдныхъ насъ, о грѣховъ нашихъ безмѣріе!... „Что видимъ? Что дѣлаемъ?“ Какія слезы дрожатъ въ этихъ словахъ, сколько чувствъ зажигаютъ они въ русскомъ сердцѣ, сколько мыслей вызываютъ въ русскомъ умѣ!

Обличительныя слова Теофана, составляющія, такъ сказать, отрицательную сторону его проповѣдничества, носятъ на себѣ сатирическій характеръ. Въ нихъ онъ нападалъ на заблужденія раскольниковъ, на недостатки духовенства и свѣсевой знати. Въ словѣ на 1 января 1725 г. онъ говоритъ: „Новый годъ отъ сего дне начинаемъ: слава Богу!—Но не слава Богу у братіи нашей раскольниковъ. Ибо ихъ учителя, желая славиться видомъ всякія премудрости, недовольно себѣ имѣютъ показать искусство свое въ богословіи, чудные поистинѣ составляя догматы и священнымъ писаніемъ называя невѣдомыхъ авторовъ; еще къ тому служить у нихъ и физика—о зачатіи, на примѣръ, младенца во чревѣ матери, и грамматика—о нарѣчій *въкомъ*, а не *въковъ*, и о имени Иисусовѣ, и географія—о земномъ раи, о Римамъ и Вавилонахъ, и ариѳметика—о аллилуи, и архитектура—о дѣланіи крестовъ, и еще не знаю какая хитрость—о сложеніи перетовъ, буде то не хиромантія, и музыка—о церковномъ пѣніи, и мануфактура—о камилавахъ и клобукахъ: такъ много знаютъ ониіи господа. Что же? Чудо было бы, если бы они оставили хронологію. Не оставили, ибо перенесенное съ сентемврія на генварь новолѣтіе ставятъ

въ великую ересь и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицають. Се видимъ, и хронологи они суть изрядныя! (1) Слѣдуютъ доказательства, почему новый годъ удобнѣе начинать съ генваря. — „И смѣшно и жалко видѣти, говоритъ въ другой проповѣди Теофанъ, когда человекъ, перомъ только начкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыйкій, въ богословскія дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о Богѣ, о ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо, и что нелюбо, и что хранити надобно къ счастію, что къ сбереженію отъ чаровъ, и кія дни къ такому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя молитвы и псалмы сильнѣйшія, и прочія безмѣстныя басни: да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословить, будто онъ восхищенъ былъ до третіяго неба и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ св. писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ или другихъ подобныхъ; часто на св. отцовъ шлетѣя, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многажды въ разговорахъ бредивъ, довольно восклицаетъ: глубина богословія! великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуру“. — Плохо скрытое раздраженіе сквозитъ во всѣхъ обличительныхъ строкахъ Теофана, а обличалъ онъ многое. Во всемъ настоящемъ онъ видѣлъ какъ будто анахронизмъ, нетерпѣливо стремился впередъ, въ будущее и, объ руку съ Петромъ, всеми силами боролся съ назойливой стариной. Раскольники, какъ заклятые враги новшества, очень сильно искушали терпѣніе Прокоповича, ихъ упорство было для него невыносимо, и вотъ беспощадной сатирой онъ караетъ ихъ невѣжество. Нерѣдко встрѣчаются въ проповѣдяхъ Теофана рѣзкія нападки на народъ и духовенство за ихъ ропотъ на распоряженія государя. Не принимая во вниманіе тяжелаго ига, которое несло податное сословіе, несло безъ надежды на пользу, на производительность своего труда, — Прокоповичъ возмущался съ своей точки зрѣнія: ропотъ направлялся противъ его любимца, при-

(1) II, 114—15.

надлежалъ слѣпой толпѣ, — и этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы хладнокровіе Теофана и безпристрастіе его въ оцѣнкѣ дѣйствій двухъ противоположныхъ сторонъ потеряло надлежащую силу. „Увы окаянства! Увы злословіе временъ нашихъ! — восклицаетъ онъ въ гнѣвѣ — до того дошло, что уже и самые бездѣльные въ дѣло, да въ дѣло и мерзкое и дерзкое! Уже и дрожіе народа, души дешевые, люди ни къ чему иному, точию къ пояданію чужихъ трудовъ родившіися, и тѣ на государя своего, и тѣ на Христа Господа! Да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: откуда ми сіе? Возобновила ся намъ воистинну исторія о Давидѣ, на него же и слѣпшіи и хроміи бунтъ подняли“ (1). Раздражался Теофанъ и мрачнымъ пессимизмомъ толпы, ея безотраднымъ взглядомъ на міръ и — зло смѣялся надъ „безмысленными меланхоликами“. „Суть нѣщія, говоритъ онъ (и далъ бы Богъ, дабы немногіе), или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которые такового нѣкоего имѣють въ мысли своей уroda, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и небогопротивно, наприм., лучше любить день ненастный, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми, самого счастья не любятъ и не вѣмъ, какъ-то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: хотѣли бы быть веѣмъ злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ еллини древніе нарицали мисантропы, си есть челоуѣконенавидцы... Сіи наипаче власти безчестити трепещуть и всякую власть мірскую неточию не за дѣло Божіе имѣють, но и въ мерзость вмѣняють“ (2). —

(1) I. 262 — 3.

(2) Пессимизмомъ мучились преимущественно раскольники же. Пятриръ нижегородскій въ «доношеніи» о нихъ писалъ, между прочимъ, государю: «а все они, гдѣ ни обрѣтаются, благоулучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются». Чт. въ общ. истор. и древн. рос. 1860 г. IV, 284 — Смѣсь.

Ропоть духовенства сводился главнымъ образомъ къ той мысли, что императоръ допускалъ незаконное вмѣшательство свѣтской власти въ церковную область, ей неподвѣдомственную. Приводились и каноническія доказательства въ пользу этой мысли. Прокоповичъ, когда въ дѣлѣ царевича Алексѣя оказались участники даже изъ высшаго духовенства, является съ обличеніемъ противъ своихъ собратьевъ, не щадя въ прозрачныхъ намекахъ и крупныхъ сановниковъ іерархіи. Предъ верховною властію царя должны преклоняться всѣ подданные, — это его основная мысль, и онъ осуждалъ въ духовенствѣ католическое воззрѣніе на отношеніе церкви къ государству. „Суть нынѣшніе, говорилъ онъ, были и древніе настоящему ученію (о повиновеніи царской власти) противницы, которые не невѣжды себе мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летають пружи, животное окрылотѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздойдется полетать, да тотчасъ на землю подасть. Тако и они, суще книгочи, аки бы крылатыя покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостію мозга буесловцами являютъся, не разумѣюще писанія, ни силы Божіей“. Указавъ на примѣры покорности даже языческой власти въ первые вѣка христіанства, упомянувъ и тогдашнія возраженія противъ нея, Теофанъ продолжалъ: „Се о древнихъ продерзателяхъ, суть же и въ нынѣшнія времена онымъ послѣдующе, яко же папа себе и клиръ свой отъ власти державныхъ изымающій, но и мечтающій данною себѣ властію даровати и отымати скипетры царскіе. Помыслить убо кто, и многіе помыслять, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ (повиновеніемъ царю) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се серпъ, или паче рещи жало, но жало се зміино есть, папезекій се духъ, но невѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ: священство бо иное дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, но не иное государство“.

Содѣйствуя Петру В. въ преслѣдованіи святошъ, ханжей и всякаго рода лицемѣровъ, Теофанъ и на нихъ вооружался жестокимъ словомъ обличенія. Слово въ день великомуч. Екатерины можетъ быть упомянуто здѣсь какъ памяти къ именно этого вида проповѣднической дѣятельности О. Прокоповича. „Лицемѣріе, разсуждастъ онъ, есть сугубое: тонкое и дебелое. Тонкое нарицаю лицемѣріе, когда самихъ себе прельщаемъ, мнящеся быти боголюбцы, а отъ любви Божіей далече отстояще... на примѣръ, посетится нѣкто тѣлеснѣ, а не духомъ, молитвы творить многословіемъ, а не духомъ и умомъ, велерѣчить о нестяжаніи, а самъ крадетъ, славить милостыню, а самъ ограбляетъ и симъ подобная; аще же къ тому сотворить нѣчто вышнее, подастъ въ храмъ Божій приношеніе или убогому цату тысячную сотой части отъ излишества своего, уже безстрашенъ и безпечаленъ ходитъ аки бы не должникъ, но заимодавецъ Божій... Но се есть лицемѣріе тонкое, обаче Богу мерзкое; то колыми паче другое, оное дебелое. Се же есть, егда не сами мнимою намъ святынею прельщаемся, но наречно претворяемъ ухищренной святости видъ въ прельщеніе людей; се же ради легкаго прибытка и пріобрѣтенія суетной славы. То творимъ, егда предъ людьми воздержницы быти показуемся... Плачь явити тщимся, сумильно осклабляемся... Смежаемъ очи... И куда возшло лукавство оное? Сонія видѣнія видятъ, святіи сіи идоли, дабы прельстити къ себѣ сердца незлобныхъ и снискати честь и имѣніе. И какъ то смѣшно, а имъ благополучно дѣется: тое пріобрѣтаютъ ложнымъ сномъ, чего другіе не могутъ истиннымъ трудомъ“ (1). Указывая вообще каждому члену государства свое мѣсто и свое дѣло, Прокоповичъ, въ словѣ на день св. Александра невскаго, выбралъ текстъ: *кѣждо въ званіи, въ немъ же призванъ быть, въ томъ да пребываетъ*. Сказавъ сперва, что

(1) Слова и рѣчи Теофана Прокоповича, 1, 217.

обыкновенно досадно бывает поведеніе нашихъ слугъ, если они начинаютъ усердствовать предъ нами совершенно не въ томъ, что мы имъ приказываемъ: вмѣсто питья, напр. подають намъ шапку, вмѣсто того, чтобы ѣхать на село, кланяются намъ, хвалять „многими и долгими словами“, вмѣсто того, чтобы коня сѣдлать, стануть на жерновахъ молоть и т. п., Теофанъ продолжаетъ: „Помысли же отъ сего и о Бозѣ. Вѣмы, яко все наше поведеніе Его премудрымъ смотрѣніемъ опредѣляется: кому служить, кому господствовать, кокому воевать, кому священствовать и прочая. Егда убо на каковый чинъ или степень восходишь, или въ рабской гноищи обрѣтаешия, Божіе то опредѣленіе есть, и Богъ сіе или иное дѣло тебѣ вручаетъ. Что же, егда не повинуешия воли Его и ино что дѣлати начнешь.... то ли путь богоугодный? Развѣ помыслимъ, яко человекъ точию гнѣвается, когда слуга его не по его воли дѣлаеть, а Богъ любитъ, аще противу его воли творять? Омраченіе бы то было, а не разумъ, иже бы такъ мыслить“. Отсюда ясно, какъ неправы тѣ, которые, думая угодить Богу, оставляють свое дѣло и берутся за другое, недолжное; напр., судія, когда его ждуть обиженные, идетъ въ церковь пѣть, не соображая, что просители могутъ много потерпѣть отъ его несвоевременнаго усердія къ храму Божию; „тоже и о прочихъ, малыхъ и великихъ и малѣйшихъ чинахъ годствуетъ. Аще же всякій чинъ отъ Бога есть, то самое намъ нужнѣйшее и Богу пріятное дѣло, его же чинъ требуетъ: мой мнѣ, твой тебѣ, и тако о прочихъ. Царь ли еси? Царствуй убо, наблюдая, да въ народѣ будетъ безпечаліе, а во властехъ правосудіе, и како отъ неприятелей цѣло сохранить отечество. Сенаторъ ли еси? весь въ томъ пребывай, како полезныя совѣты и судъ немздопримный, не на лица зрящій, прямой же и правильный произносити. Воинъ ли еси? Не обялуйся куплями, не обиди своихъ, во всѣхъ воинскихъ уставахъ обучаешься. Пастырь ли духовный еси? смотри, чего требуетъ отъ тебя пастырей начальникъ Христось. Испразднй суевѣріе, от-

мѣтай бабія басни, корми словомъ Божіимъ овцы врученныя и оберегай отъ волковъ, кожами овчими одѣянныхъ.... И просто рѣци, всякъ разсуждай, чесога званіе твое требуетъ отъ тебе и дѣломъ исполняй требованіе его. И то дѣло—спасенное, то дѣло—богоугодное и всякому по чину званія своего первѣйшее, главнѣйшее и нужднѣйшее“.

Вообще о проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича нужно сказать слѣдующее. Въ нихъ есть недостатки: по содержанию они слишкомъ свѣтски и напоминаютъ собою литературную публицистику; встрѣчаются въ нихъ иногда изреченія языческихъ философовъ и поэтовъ (Анаксагора, Платона, Демосѳена, Цицерона, Сенеки, Виргилія...), попадаются изрѣдка и міѳологическія басни (о мукахъ Тантала, о Геркулесѣ), курьезные рассказы (о двухъ ворахъ, грабившихъ церковь и укорявшихъ другъ друга въ неблагопристойномъ обращеніи со святыней); проповѣдникъ погрѣшалъ иногда и противъ собственныхъ „регулъ“, напримѣръ позволялъ себѣ ясныя намеки на личности; по языку—пученія Теофана не свободны отъ иностранныхъ словъ (латинскихъ и греческихъ), немало въ нихъ ново-изобрѣтенныхъ русскихъ, совсѣмъ негармоничныхъ, словъ; по тону они подчасъ слишкомъ рѣзки и раздражительны. Но все это съ избыткомъ искупается ихъ блестящими достоинствами, особенно, когда принимаешь во вниманіе условія, при которыхъ воспитался и жилъ Теофанъ. Схоластическую школу онъ все-таки прошелъ, хотя и отрицательно относился къ ея направленію; она оставила на его образованіи слѣды, хотя и не глубокіе сравнительно. Преобладаніе гражданскаго элемента въ краснорѣчїи зависѣло отъ того положенія, какое занималъ онъ между царемъ и народомъ. Онъ былъ ихъ примирителемъ по всѣмъ государственнымъ вопросамъ и, естественно, долженъ былъ вникать въ сущность послѣднихъ и объяснять ихъ разносторонне а не только съ церковно-религіозной точки зрѣнія. Другое дѣло, если бы ему помогала въ

выполненіи его задачи свѣтская литература; но она только нарождалась при немъ и не успѣла еще занять подобающаго положенія. Слово церковнаго оратора, такимъ образомъ, по необходимости, выполняя свое спеціальное назначеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ принимало на себя постороннюю, такъ сказать, газетную задачу, замѣняло собою публицистику. Горячая, легко возмущавшаяся натура Теофана, страстно преданнаго реформѣ, была причиною его раздражительности, когда онъ ратовалъ въ пользу своего монарха. Отсюда рѣзко-обличительный тонъ въ его проповѣди. Заслуга Теофана въ томъ, что онъ, по выраженію г. Терновскаго, сказалъ послѣднее „прости“ преданіямъ южнорусской гомилетики и вывелъ проповѣдь на новую дорогу, заставивъ и звучать подъ ладъ съ общимъ тономъ петровской реформы. Мы видѣли, какъ слово Прокоповича примѣнялось къ жизни какъ оно спѣшило отзываться на злобу дня. Избѣгая обычныхъ у современныхъ ему проповѣдниковъ натяжекъ въ раскрытіи главной мысли, всего замысловатаго, неожиданнаго, не щеголяя безъ нужды ученостью и риторическими фигурами и аллегоріями разнаго рода, отбросивъ драматизмъ, доводившій нерѣдко его собратовъ до неприличія въ выраженіяхъ, вообще все, что казалось на его тонкій критическій взглядъ неумѣстнымъ въ церковномъ словѣ, Теофанъ близко держался избраннаго текста (догматическаго, нравственнаго, или историческаго — все равно), при чемъ рѣдко пускался въ раскрытіе его таинственнаго смысла, не употреблялъ странныхъ сравненій, искалъ доказательствъ и поясненій въ параллельныхъ мѣстахъ и въ контекстѣ, опровергалъ возраженія не самоизмышленныя, а дѣйствительно-существующія. Руководясь собственными правилами, онъ не давалъ воли чувству, сдерживалъ по возможности его порывы и никогда не фальшилъ, не рисовался поддѣльнымъ вдохновеніемъ. Но ужъ когда сильно вдохновлялся, онъ могуче увлекалъ за собою и слушателей, искусно показывая имъ пластическія

картины горя, радости, награды, наказанія, пользы, вреда — свѣтлыя и мрачныя. Особенно талантливымъ Теофанъ является въ своихъ похвальныхъ проповѣдяхъ. Даже чисто-научныя, глубоко-политическія, нерѣдко очень отвлеченныя мысли облекаются здѣсь въ живую, конкретную форму и дѣлаются доступными для большинства. Слова привѣтственные по возвращеніи Петра изъ-за границы, слово „о власти и чести царской“, слово на смерть любимаго монарха и въ день поминаенія его кончины — по справедливости ставятъ Теофана въ рядъ лучшихъ церковныхъ ораторовъ. Со внѣшней стороны рѣчь его большею частию періодична, что зависѣло не отъ многословія, не отъ пересыпанія изъ пустаго въ порожнее, а отъ содержательности ея, отъ необходимости вставлять вводныя предложенія, поясненія, дополненія. Сообразно съ впечатлѣніемъ, на которое рассчитана была проповѣдь, и свойствомъ предлагаемыхъ истинъ, тонъ рѣчи Теофана мѣняется, разнообразится: то слышится въ немъ отеческая заботливость о нуждахъ слушателей, жаждущихъ просвѣщенія, то онъ полонъ торжественности свидѣтельствующей о глубокомъ вдохновеніи пастыря по случаю какого либо великаго благодѣянія посланнаго Богомъ Россіи, то переходитъ въ элегическій, когда чувство проповѣдника возбуждено событіемъ печальнымъ; въ обличеніи онъ звучитъ сатирой, или страшной угрозой. Мастерски нарисованная картина, до пластичности выразительный языкъ довершаютъ побѣду слова, — какъ, напр., въ слѣдующемъ изображеніи вѣчности мученій. „Потекутъ вѣка, аки чабы, гдѣ и единый часъ покажется цѣлымъ вѣкомъ, и надъ узилицемъ адскимъ будетъ слышаться гласъ правосуднаго Бога: „еще гнѣваюсь“. Прейдутъ милліоны милліоновъ вѣковъ, а злополучнымъ узникамъ будетъ гремѣти въ унесахъ: „еще гнѣваюсь“. Погрѣшатъ въ исчисленіи вѣковъ и быстрѣйшіе ангельскіе умы, выйдетъ изъ памяти осужденныхъ, было ли когда начало симъ мукамъ, а инаго ничего отъ

праведнаго Бога не услышать, точію: „еще гнѣваюсь, еще гнѣваюся“ (1). — Въ объясненіе неправильной конструкции Теофановой рѣчи, похожей на латинскую, нужно вспомнить, что Прокоповичъ былъ знатокъ латинскаго языка. Обычай употреблять иностранныя слова, большею частію латинскія же, мы не отнесемъ къ числу недостатковъ Теофана, если примемъ во вниманіе, что петровская эпоха была временемъ обогащенія русскаго языка, временемъ наплыва, и усвоенія новыхъ идей, новыхъ понятій, требовавшихъ для себя словесной оболочки. Легче и удобнѣе всего въ этихъ случаяхъ заимствоваться готовыми формами. Многія изъ словъ, встрѣчающихся въ проповѣдяхъ Прокоповича, удержались и до сихъ поръ въ русскомъ лексиконѣ (навигация, акція, генеральный, фабула, конфедерация, архитектура), а другія не употребляются (диссимуляція, прогностикъ, фундаторъ, квалитеты, перегриванія, потентаты...), равно какъ и чисто русскія составныя слова, въ изобрѣтеніи которыхъ Теофану, кажется, не было нужды (образорѣчіе, краснопретворенный и т. п.)

Митрополитъ Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ не были единственными дѣятелями своего времени въ области церковнаго краснорѣчія. Мы остановились на нихъ такъ долго потому, что они служатъ лучшими представителями двухъ различныхъ, теперь выяснившихся для насъ, направленій проповѣди въ петровскую эпоху. Стефанъ имѣлъ на своей сторонѣ товарищей по воспитанію, которые, подобно ему, не могли освободить своего слова отъ недостатковъ схоластическаго реторизма и витійствовали во вкусъ послѣдняго. Теофанъ основалъ новую школу проповѣдниковъ и приобрѣлъ себѣ подражателей потому, что достоинства его направленія были слишкомъ очевидны и не могли остаться незамѣченными. Къ направленію

(1) Слово въ нед. Богатаго

м. Стефана примыкалъ въ петровскую эпоху Теофилактъ Лопатинскій; подражателями Ѳ. Прокоповича были; Гавріилъ Бужинскій, Симонъ Кахановскій и Теофилъ Кроликъ (1). Всѣ они, впрочемъ, значительно уступали въ дарѣ краснорѣчія Яворскому и Прокоповичу и не были такъ плодотворны въ словѣ, какъ послѣдніе. По крайней мѣрѣ въ печати ихъ проповѣдей извѣстно не много, вслѣдствіе чего сдѣлать обстоятельную, полную характеристику ихъ талантамъ нѣтъ возможности (1).

7) Разныя нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія. Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ произведеніяхъ литературы петровской эпохи, которыя по своему содержанію не представляютъ ничего характернаго для нея, но обращались въ грамотной средѣ современниковъ, какъ книги назидательныя и полезныя. Аѳанасій Милославскій (кіевопечерскій архимандритъ) написалъ „Ероглифическую инокю“, или нравоучительную философію, въ которой, по словамъ м. Евгенія, нравственные уроки представлены въ символахъ. Іоаннъ Максимовичъ (м. Тобольскій) написалъ (еще въ бытность свою архіепископомъ Черниговскимъ) „Царскій путь креста Господня, вводящій въ животь вѣчный“—книга благочестивыхъ размышленій, раздѣленная на три части, переполненная стихотвореніями обличающими въ авторѣ не столько талантъ, сколько страсть съ виршеписанію, снабженная панегирическимъ посвященіемъ императору Петру

(1) Авторъ статьи «О трехъ проповѣдникахъ Петрова времени» (Журн. Мин. П. Пр. 1835 г. ч. VII) говоритъ, что слово Гавріила Бужинскаго извѣстно въ печати только шесть. О Симонѣ Кахановскомъ г. Терновскій сообщаетъ что извѣстно только его слово на день Благовѣщ., произнесенное въ Ревелѣ; тоже находимъ и у преемв. Филарета («Обзоръ дух. литературы» изд. 2, II, 2). Теофилъ Кроликъ и Ѳ. Лопатинскій относятся г. Терновскимъ къ двумъ различнымъ направленіямъ проповѣдничества на основаніи ихъ біографій.

и обращеніями къ читателямъ. Начавъ съ того, что Адамъ, по изгнаніи изъ рая, „согради себе градъ, его же нарече Фарсисъ, еже сказуется радости взысканіе“, Максимовичъ говоритъ, что въ этомъ городѣ „бысть житель, Филитей именовъ, порождою честенъ и имѣній преисполненъ“, у котораго росли три дочери: Ставроѣля (родилась въ праздникъ Креста Господня), Гиларія и Оворія. Первая (героиня благочестиваго аллегорическаго разсказа), „красоты удивленіемъ и разума высотою всѣчески прочіихъ превосходяше“, она же оказалась и религіознѣшею изъ своихъ сестеръ. Послѣ видѣнія, въ которомъ получила призваніе отъ Господа идти по стезямъ Его, она отправляется въ житейскій путь, памятуя постоянно о своемъ назначеніи — найти пристанище въ Иерусалимѣ небесномъ. Этому пристанищу она, наконецъ, достигаетъ по милости снова явившагося ей Иисуса Христа. Подъ фавулой, рисующей предъ нами различныя моменты жизни Ставроѣли, въ которыхъ сказывается несокрушимая надежда ея на крестъ Спасителя, авторъ и раскрываетъ читателямъ свои мысли о крестоношеніи, вводящемъ въ жизнь вѣчную; что крестъ есть единственный путь къ небу, что этотъ путь тяжелъ, но онъ безропотно пройденъ Богочеловѣкомъ, пострадавшимъ за насъ и давшимъ намъ примѣръ терпѣнья, что крестоношенію учить св. писаніе, что оно необходимо для христіанина, ищущаго оправданія предъ Правосудіемъ и т. д. Вообще сочиненіе пресвящ. Іоанна проникнуто духомъ благочестія, которымъ онъ отличался въ жизни, который руководилъ имъ во всѣхъ его дѣлахъ пастырскихъ и послужилъ причиною его безмертія въ памяти его пастыри: въ Сибири, говорятъ, до сихъ поръ очень популярны его изображенія; народъ чтитъ его, какъ святаго. Іоаннъ Максимовичъ былъ однимъ изъ усердныхъ писателей своего времени. Хотя его труды нельзя назвать учеными въ томъ смыслѣ, какъ труды Ѳ. Прокоповича,

нашъ"—толкованіе на прошенія этой молитвы съ благочестивыми размышленіями; „Осмь блаженствъ евангельскихъ“ — объясненіе; „Богомыслие въ пользу правовѣрныхъ“ (переводъ съ лат.); „Царица неба и земли“ и „Размышленіе о Богѣ“. За свои литературные и пастырскіе труды, за дѣятельное сочувствіе интересамъ школы, І. Максимовичъ, какъ и св. Димитрій Ростовскій, былъ любимъ Петромъ и получалъ отъ него ободренія на тяжеломъ поприщѣ.—Извѣстны больше по названіямъ и еще нѣсколько сочиненій, какъ можно предполагать, нравственно-назидательнаго характера. Таковы: „Зерцало Божеств. писанія“ Антонія Стаховскаго (архіеп. Черниговскаго) „Зерцало горячайшаго къ Господу Богу духа“ Ѡ. Лопатинскаго (съ лат.) и „Диалогисмъ или разговоръ духовный любителя съ любовію“ Варлаама Голенковскаго (іеромонаха Кіевопечер. мон.). Для эпохи, — повторяемъ, — эти произведенія не характерны, но заслуга ихъ въ томъ, что они служили здоровой духовной пищей современнымъ любителямъ духовнаго просвѣщенія. Весьма полезны были въ этомъ отношеніи также толковыя книги на разныя мѣста св. писанія и переводы святоотеческихъ твореній, время отъ времени появлявшіеся въ свѣтъ преимущественно усердіемъ скромныхъ просвѣтителей народа, незамѣтно трудившихся въ своихъ кельяхъ. Варлаамъ Голенковскій издалъ Псалтирь съ предисловіемъ и краткимъ изъясненіемъ; Аѳанасій Заруцкій (протопопъ Новгородъ—сѣверскій)—толкованіе на евангеліе Іоанна; Германъ Кононовичъ (Черниговскій архимандритъ) издалъ новый завѣтъ съ своими примѣчаніями; Прокоповичъ составилъ „Христовы проповѣди о блаженствахъ толкованіе“; Досиѳей (митр. Сочавскій—въ Молдовалахія) перевелъ посланія Ігнатія Богоносца; Макарій Оснѣцкій (іеромонахъ Черниговскій)—слова св. Ефрема Сирина и бесѣды на посланія св. ап. Павла; Ѡ. Поликарповъ—„соч. Ефрема Сирина съ прилогами аввы Дороея“ и „Георгія Пачимера парафраза Діонисія Ареопагита“. Перечисляя

эти труды, нельзя не пожалеть, о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ (напр. переводъ св. Ефрема Сирина, сдѣланный Мак. Оснѣцкимъ) остались въ рукописяхъ, а нѣкоторые печатались въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ и потому не пользовались популярностью тамъ, гдѣ болѣе всего были бы полезны. — Жалобы на то, что духовная литература не удовлетворяла нужды читателя-простолюдина, не приспособлялась къ его пониманію и вообще была скудна, слышались на Руси издавна. Орловскій священникъ, между прочимъ, писалъ: „Обѣдъ душевный и Вечеря душевная, любопытнаго и мудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слоги, и тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ невнимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и Павловы посланія и на Дѣянія св. апостоль зѣло неразумительно не точію слышашимъ, но, и чтущимъ, вельми бо прости страны сея жители, въ ней же ми обитати, не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ, иностраннымъ языкомъ та Златоустаго нарицаху“. „Мнози отъ благочестивыхъ, говорилъ Варлаамъ Ясинскій, со въздыханіемъ желаху, дабы когда сподобится книгъ свойственнымъ си славяно - российскимъ языкомъ православно и достовѣрно изданныхъ дождати“. За отсутствіемъ удобопонятныхъ поучительныхъ книгъ, у народа пользовались полнѣйшимъ авторитетомъ рукописные сборники, въ которыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ свв. отецъ и церковно - историческихъ статей, большею частію искаженныхъ, преобладающими оказывались такія вещи, которыя цѣликомъ вошли въ расколъ. Петровская эпоха, конечно, не могла сразу переродить духовной литературы и не переродила ея, но она дала ей первый толчекъ къ сближенію съ интересами народа. Въ средѣ просвѣтителей поднять былъ вопросъ объ изданіи „книжицъ“; чрезъ нихъ предполагалось знакомить темный людъ съ вѣро — и нраво - ученіемъ христіанскимъ, по крайней мѣрѣ въ его главныхъ частяхъ. Са-

мо по себѣ на практикѣ это предпріятіе не привело къ ожидаемымъ результатамъ, но въ принципѣ оно было важнымъ шагомъ впередъ.

Несравненно важнѣе и плодотворнѣе было другое предпріятіе ревнителей духовнаго просвѣщенія при Петрѣ — исправленіе библіи. До сихъ поръ она перепечатывалась почти безъ перемѣвъ по старому Острожскому изданію, страдавшему недосмотрами и ошибками, да и въ этомъ видѣ считалась рѣдкостью. Епифаній Славенскій и св. Димитрій Ростовскій горько сѣтовали, что Россія даже библіи исправной не имѣла, что ея экземпляры, напр., въ Малороссіи весьма мало гдѣ обрѣтались и купити едва достать кто могъ“. Указъ объ исправленіи библіи вышелъ въ 1712 году. Во главѣ общества справщиковъ поставлены были Софроній Лихудъ и Теофилактъ Лопатинскій. Они съ своими помощниками (Теологомъ монахомъ Чудова монастыря, грекомъ Анастасіемъ и Теодоромъ Поликарповымъ) ревностно принялись за дѣло. „Соглашали словенскую библію съ греческими различными печатными LXX толковниковъ библіями, а о сомнѣніяхъ и разуму противностяхъ къ свидѣтельству употребляли изъ еврейскаго текста толковную полиглотту, также и вульгату, и все, что оказалось въ словенской библіи грамматическому осмочастию не согласно и правиломъ противно въ родѣхъ, числахъ, лицахъ, временахъ, въ склоненіяхъ и прочіихъ, оное все (ихъ же безчленно) правила наряду; а важныя погрѣшности, пропуски и излишества выписаны особо въ каталогъ при предисловіи ради лучшаго читающему увѣренія и свѣденія“ (1). Въ январѣ 1723 г. св. синодъ подаль допощеніе объ окончаніи работы справщиковъ, а 23 февраля разрѣшено печать исправленную библію. Но 7 сентября предписано было О. Лопатинскому еще разъ пересмотрѣть, а и потомъ уже печатать.

(1) «Обзоръ дух. лит. Филарета—О. Лопатинскій».

Пятокнижіе и кн. Іова пересмотрѣны были снова; на томъ работа и стала. Дѣло отложено на неопредѣленное время. Смерть государя совсѣмъ его остановила. Только уже при Елизаветѣ Петровнѣ (въ 1751 г.) оно благополучно окончено, послѣ новаго внимательнаго пересмотра библии.

По объявленію св. писанія ничего крупнаго въ петровскую эпоху сдѣлано не было. По частямъ оно, какъ мы видѣли, объяснялось, но, такъ какъ труды этого рода давно забыты, можно думать, что научной цѣнности они и въ свое время не имѣли. За ними оставалось значеніе книгъ душеполезныхъ, рядомъ съ которыми мы ихъ и помѣстили.—Въ области церковной исторіи и каноники, за исключеніемъ извѣстнаго „Регламента Духовнаго“, написано было нѣсколько трактатовъ по вопросамъ, возникавшимъ въ текущей жизни, трактатовъ отрывочныхъ, изъ которыхъ ничего цѣлаго составить невозможно.—Велѣдствіе претензіи Мауроурбана и другихъ католическихъ богослововъ доказать, что просвѣтителі славянъ были посланы изъ Рима, Прокоповичъ написалъ „Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи“. Тому же автору принадлежатъ: трактатъ „О началѣ и происхожденіи разногласія между греками и римлянами по вопросу объ исхожденіи св. Духа“; „Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицалися императоры римстїи, какъ язычестїи, такъ и христіанстїи понтифексами, или архіереями многобожнаго закона, а въ законѣ христіанетѣмъ христіанстїи государи могутъ ли вѣрещисъ епископы и архіереи и въ каковомъ разумѣ“; „Съ коего времени началось патріаршее достоинство въ церкви и какимъ образомъ 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патріаршества и донынѣ нѣкоторыя не подлежатъ вселенскимъ патріархамъ“; „Аргументы изъ соборовъ, декретовъ и дипломовъ императорскихъ, которыми доказывается, что императоры имѣли попеченіе о церкви“ и „Ислѣдованіе о Флорентинскомъ соборѣ“. Ѳеодоръ Поликарповъ написалъ

„Исторію словено-греко-латинской московской академіи“.—Трактаты каноническаго содержанія, получившіе и неполучившіе силу обязательнаго закона, кромѣ Регламента, извѣстны слѣдующіе: „Разсужденіе о присудствованіи въ синодѣ большому числу изъ архіереевъ“; „О бытіи въ св. синодѣ непремѣннымъ членамъ“; „Дѣти побочныя, подкидыши и неизвѣстныхъ родителей не могутъ допускаться въ священныи чинъ“; „О присягѣ или клятвѣ, т. е. подобаеть ли христіанамъ присягать или клятися всемогущимъ Богомъ“; „Мнѣніе о правильномъ разволѣ мужа съ женой“; „Разсужденіе св. синода о бракахъ правовѣрныхъ съ иноувѣрными“; „Уставъ или изображеніе келейнаго житія монаховъ Александровскаго монастыря“; „Наставленіе священнику на докладъ его словесный о необычномъ грѣхопаденіи духовнаго его сына“ (всѣ эти соч. принадлежатъ перу Ѳ. Прокоповича). Посопковъ въ „доношеніяхъ“ къ м. Стефану Яворскому высказалъ нѣсколько мнѣній и замѣчаній объ устройствѣ быта духовенства.

8) **Общій взглядъ на духовную литературу петровской эпохи.** „Литература вообще—всегдашній спутникъ образованія, говоритъ Добролюбовъ; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служить выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда всѣ будутъ образованы, литература—нѣтъ сомнѣнія—будетъ отзываться на потребности всѣхъ, расширивъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это расширеніе круга дѣйствій литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ—приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ признаніемъ интересовъ истинныхъ и существенно важныхъ“ (!). Литература петровской эпо-

(*) Соч. Добролюбова, I, 380.

ехи стояла въ уровень съ образованіемъ и захватыва-
 ола интересы преимущественно людей образованныхъ,
 была достояніемъ привилегированныхъ сословій. Осво-
 бождаясь постепенно отъ схоластической мишуры, она
 прилижалась спѣшными шагами къ дѣйствительной
 жизни, стараясь забыть отвлеченныя хитросплетенія
 діалектической философіи. Противъ крайностей схо-
 ластики поставлена была Ѳ. Прокоповичемъ рѣшитель-
 ная оппозиція. Логика сдѣлалась достояніемъ петров-
 скихъ писателей, но софизмы были отброшены. На
 нѣкоторыхъ произведеніяхъ замѣтны дурныя стороны
 воспитанія ихъ авторовъ, южно-руссовъ по происхожде-
 нію, но это не измѣняетъ общаго характера дѣла:
 поворотъ на новую дорогу остается вполне замѣтенъ,
 чего сила годъ отъ году ощутительнѣе, настойчивѣе,
 вліятельнѣе. Богословіе Ѳ. Прокоповича служило образ-
 цомъ для другихъ догматическихъ системъ; значить,
 всего достоинства признавались, а они заключаются въ
 серьезной аргументаціи, основанной ближайшимъ обра-
 зомъ на св. писаніи и преданіи—обильнѣйшихъ источ-
 никахъ христіанскаго мышленія. Вопросовъ отвлечен-
 ныхъ петровская литература не трогаетъ. О прише-
 ствіи антихриста она не заговорила бы, если бы нуж-
 да не заставила. Но разъ избранная задача по воз-
 можности доводилась до конца и рѣшалась настолько
 основательно, что нѣкоторыя произведенія писателей
 петровской эпохи до сихъ поръ не утратили своего
 значенія. Они не рассчитывали на довѣрчивость и про-
 стодушіе читателя, а путемъ силлогизма и критики
 приводили его умъ къ сознанію правоты или непра-
 воты извѣстнаго ученія. Научность, правда, не была
 совершенною новостію для русской духовной литера-
 туры, но она стала теперь господствующею, ея тре-
 бованія имѣлись въ виду прежде всего. Вспомнимъ,
 какъ были приняты въ Москвѣ кіевскіе выходцы въ
 концѣ 17 вѣка, какъ отнеслись къ ихъ пытливости
 великорусскіе іерархи. Петръ снова далъ ходъ наукѣ
 въ своемъ государствѣ; при немъ русская религіозная

мысль двинулась впередъ безпрепятственно, вникая въ сущность ученія, молитвъ и обрядовъ. Соотвѣтственно развитію мысли, должны были измѣняться и письменныя формы, въ которыя она облекалась. Въмѣсто прежней бессистемности, является логическая группировка частей съ симметриею доказательствъ, съ цѣлесообразнымъ раскрытіемъ темы. Ѳ. Прокоповичъ, типичнѣйшій писатель своей эпохи, умѣлъ помирить и объединить въ одномъ прекрасномъ цѣломъ требованія аккуратной схоластики и плохо подходящую подъ искусственныя литературныя рамки перемѣнчивую жизнь—безъ значительнаго ущерба для той и другой.—Присутствіе политическаго или гражданскаго элемента въ современной Петру духовной литературѣ также свидѣтельствуетъ о ея близости къ жизни. Царская власть при Петрѣ была двигателемъ всего государственнаго механизма, дѣятельность котораго тѣсно связывалась съ существованіемъ церкви, тѣмъ болѣе, что реформа Петра простиралась и непосредственно на церковь. Этотъ элементъ нашелъ себѣ мѣсто въ предисловіяхъ даже къ простымъ компиляціямъ. Но преимущественно онъ замѣтенъ въ проповѣдяхъ разсматриваемаго періода и тѣхъ сочиненіяхъ, которыя писаны были въ защиту власти и чести царской.—Съ одной стороны вліяніемъ схоластики, но главнымъ образомъ близостью къ жизни объясняется и юмористическое, переходящее часто въ фдкую сатиру, направленіе многихъ произведеній духовной литературы даннаго времени, также составляющее характерный признакъ и, вмѣстѣ, ея недостатокъ. На западѣ, говоритъ Сухомлиновъ, развитіе проповѣди совершилось пропорціонально паденію вѣры. Но мѣръ того какъ ослабѣвала вѣра, проповѣдь теряла свою искренность, брала фальшивую ноту, чтобы такъ или иначе возбудить слушателей, равнодушныхъ къ однообразнымъ, стародавнимъ мотивамъ. Увѣщанія не шли отъ чистаго сердца и потому не находили сочувствія. Чтобы поддержать вниманіе слушателей, проповѣдники старались разнообразить свои

поученія всевозможными способами и часто прибѣгали къ шуткѣ, какъ къ средству самому дѣйствительному. Забавными анекдотами хотѣли искупить недостатокъ искренности и таланта. Здѣсь и тратилась изобрѣтательность проповѣдника. Смѣсь серьезнаго съ смѣшнымъ до того стала обыкновенною и такъ правилась въ свое время, что сама теорія поставляла требованіемъ—соединять въ проповѣди пріятное съ полезнымъ. Наши южно-русскіе проповѣдники не уклонились отъ выполненія такихъ требованій западной гомилетики, узаконенныхъ у насъ І. Голятовскимъ. Мы видѣли, какъ подчинялись имъ и петровскіе проповѣдники. Но ихъ насмѣшливость не имѣла бы широкаго примѣненія, если бы не находила себѣ пищи въ самой жизни. Реформа дала обильное содержаніе сатиры, когда поставила въ рѣзкое противорѣчіе старое съ новымъ. Сочувствовавшіе ей писатели всегда могли имѣть предметъ насмѣшки какъ въ гонимой старинѣ, такъ и въ ея поклонникахъ. Если бы духовные писатели исключительно смотрѣли на вредные обычаи прошлаго съ религіозной точки зрѣнія, въ ихъ тонѣ звучала бы не сатира, а грусть, слышалось бы пастырское сѣтованіе на церковные безпорядки, какъ это и было у древнихъ русскихъ просвѣтителей, искоренявшихъ въ народныхъ нравахъ слѣды злычества. Духовные писатели петровской эпохи, присоединивъ къ интересамъ церкви интересы государства, къ духовному—гражданское, свѣтское, избрали и орудіемъ борьбы, вмѣсто горькой укоризны, злую сатиру, болѣе пригодную въ свѣтскихъ произведеніяхъ и совсѣмъ неумѣстную на кафедрѣ. Силу и смѣлость сатирикамъ сообщалъ Петръ, который самъ, не соблюдая даже правилъ солидности и приличія, смѣялся надъ тѣмъ, что ему не нравилось. Входя въ мелочи жизни, принимая близкое участіе во всѣхъ текущихъ событіяхъ, литература сама вліяла на жизнь и взаимно подчинялась ея вліянію: отсюда и по содержанію и по изложенію становилась житейскою и даже вульгарною, такъ что короткое сближеніе

литературы съ насущными, будничными интересами общества, составляя достоинство ея новаго направленія, послужило, въ то же время, причиною ея указанных недостатковъ.

Реформа Петра вызвала къ дѣятельности всѣ мыслящія умы; она разбудила отъ вѣковаго сна и равнодушную къ прогрессу массу народа, чувствительно коснувшись многихъ сторонъ ея застоявшейся жизни. На ноги поставлено было все государство. Но активное участіе въ проведеніи и осуществленіи новыхъ началъ жизни принадлежало сравнительно очень маленькому кружку птенцовъ гнѣзда Петрова. Правилегированные классы такъ или иначе, но все же вслухъ, разсуждали о преобразованіяхъ, отыскивая въ нихъ хорошія и дурныя стороны. Духовенство заговорило объ опасностяхъ, угрожавшихъ русской церкви и о своемъ бѣдственномъ положеніи; дворянство частію сожало о томъ, что для него настала пора трудиться въ уплату за преимущества, какими оно издавна пользовалось даромъ, частію увлеклось новшествами и дошло до крайностей въ перениманіи новыхъ обычаевъ, въ ущербъ спокойствію церкви; иностранцы къ наемнымъ заботамъ о просвѣщеніи невѣжественной Россіи присоединили свои національные и личные расчеты. А народъ обреченъ былъ на нескончаемыя жертвы въ исполненіи малопонятныхъ но тяжелыхъ для него предписаній. Солидарности въ дѣйствіяхъ членовъ государственнаго организма не было, не существовало здоровой, нормальной связи между ними. Организмъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ но чрезвычайно напрягался и изнурялся. Жизненная сила извлекалась изъ народа. Но хлопоталъ ли кто о неоскудности этой силы, имѣлъ ли народъ апологетовъ въ пользу своихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ? Матеріальное богатство Россіи отбиралось, такъ сказать, въ казну, причемъ предполагалось вознаградить настоящій убытокъ большими процентами въ безсрочномъ будущемъ. Всю сумму духовныхъ интересовъ народа составляла вѣра,

распавшаяся на православіе и расколь. Утѣшала ли эта вѣра народъ, когда онъ несъ тяжелья государственныйя повинности? Расколь утѣшалъ, насколько онъ захватывалъ толпу въ свои сѣти и рекомендовалъ ей бѣжать отъ службы правительству; часть народа оставшаяся въ православіи, за то, должна была держать двойное тягло—за себя и за бѣглецовъ. Расколь распространялся, находя покровительство у чиновничества и духовенства. „Прешедшимъ вашего царскаго величества указомъ (писалъ Питиримъ) повелѣно всеѣмъ исповѣдоватися, а неисповѣдавшихся штрафовать, а раскольщиковъ окладывать, зѣло обращенію спомогательно было; убо тому содѣяся препятіе, попы едва не все укрыли раскольщиковъ, ово писали исповѣдающимися, ово никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи лантратамъ и поданы росписи, но по указу ни штрафовъ, ни раскольщикамъ окладу не положено, и отъ сего только благочестивые и обратившіеся—въ поношеніи и ругательствѣ“. Раскольническая пропаганда принимала систематически правильныя формы, а сильнаго противодѣйствія въ большинствѣ случаевъ не встрѣчала; масса рабочихъ рукъ убывала при увеличивашемся спросѣ на нихъ. „Раскольщики и безпоповцы (доносилъ тотъ же Питиримъ) послали своего учителя учить въ Сибирь, и прочія также тцатся посылать учителей по градамъ ради ученія“⁽¹⁾. Современная духовная литература обсуждала этотъ фактъ, насколько онъ вредилъ благостоянію церкви и государства, возмущалъ спокойствіе правительства духовнаго и гражданскаго, осложняя хлопоты того и другаго касательно внутренняго умиротворенія Россіи. Сочувствія къ страданіямъ народа, по невѣжеству отпавшаго отъ церкви и, подѣ влияніемъ суевѣрнаго страха предъ непривычными дѣйствіями государя, смотрѣвшаго на высшее правительство, какъ на антихристово,—въ пет-

(1) Чт. въ общ. ист. и древ. рос. 1860 г. IV, 282—3, Смѣсь

ровской литературѣ мы не находимъ. Она карала отступниковъ, не входя въ ихъ положеніе. Гуманнѣйшія мѣры по отношенію къ расколу, допускавшіе его гражданское существованіе и нѣкоторую, условную, свободу въ исповѣданіи старой вѣры, были допущены не по сочувствію къ бѣдствіямъ меньшей братіи, а по расчетамъ практически политическимъ, въ надеждѣ успокоить націю и извлечь по возможности больше выгодъ ихъ физическихъ силъ простолюдина. Дозволеніе содержать расколъ подъ условіемъ двойнаго оклада имѣло тотъ же смыслъ, какой имѣлъ указъ о свободѣ вѣроисповѣданія иностранцевъ подъ условіемъ ихъ службы государству. — Петровское правительство, занятое своими планами, не могло жертвовать многимъ въ пользу церковныхъ интересовъ и оставило ихъ на попеченіе духовенства. А много ли было въ средѣ послѣдняго людей, способныхъ разумно соблюдать эти интересы? Мы видѣли, что дѣятелями въ устройствѣ школы и въ духовной литературѣ были одни и тѣ же лица. Задачи имъ поставлены были не легкія, и средствъ къ достиженію болѣе или менѣе добрыхъ результатовъ представлялось не много. Только личное усердіе и изворотливость любителей духов. просвѣщенія преодолѣвали встрѣчавшіяся препятствія и приближали къ цѣли, хотя и не всегда съ желанной скоростью. Нельзя не подивиться выносливости въ трудѣ такихъ самоотверженныхъ любителей духов. образованія, каковыми являются предъ нами Іовъ новгородскій, Стефанъ Яворскій, Іоаннъ Максимовичъ, Питиримъ Нижегородскій, Теофилактъ Лопатинскій, Посошковъ, Поликарповъ, Теофанъ Прокоповичъ. Всѣ они съ честью держали знамя духовной науки; благодаря имъ, она получила прочную осѣдлость на свѣрѣ Россіи, гдѣ теперь билъ пульсъ государственной жизни. Они мужественно защищали цѣлость и честь русской церкви предъ ея многочисленными врагами — внутренними и внѣшними, создавая, въ то же время для нея лучшія бытовыя условія въ будущемъ. Внима-

нѣ защитниковъ церкви, конечно, направлялось преимущественно туда, гдѣ въ данную минуту угрожалъ наибольшая опасность. Католицизмъ, потерпѣвшій поражение на югѣ Россіи, на сѣверѣ ея хотя и предпринялъ рѣшительную попытку къ соединенію съ православіемъ, но не могъ рассчитывать на успѣхъ; его изрожденство хорошо помнилось всѣми представителями русской церкви. Тѣмъ смѣлѣе заговорилъ теперь, вмѣсто него, протестантизмъ, пользуясь паденіемъ противника и дружбою русскаго царя „съ нѣмцами“. Покончивъ съ однимъ врагомъ, наша литература начала борьбу съ другимъ едвали не сильнѣйшимъ по средствамъ и уловіямъ, при которыхъ началась эта борьба. Еще грознѣе опасность видѣлась со стороны раскола. Церковь русская представляла собою государство, раздѣльшееся на ся. Въ расколѣ чувствовалась сила народная. Понятно, что на него и обращено было особенное вниманіе духовной и свѣтской администраціи, естественно, что за рѣшеніе раскольническаго вопроса брались мало подготовленные къ тому люди. Соблюсти надлежащее хладнокровіе и безпристрастіе для полемистовъ не было возможности при такихъ обстоятельствахъ. Гнѣвъ ихъ обрушился на ближайшихъ виновниковъ церковныхъ нестроеній; торопливость и горячность помѣшали имъ взглянуть на дѣло глубже и отнестись снисходительнѣе къ меньшей братіи, незнавшей—куда дѣваться и кому вѣрить: правительству ли, законность котораго была сильно заподозрѣна, или апостоламъ древляго благочестія, съ энтузіазмомъ доказывавшимъ, что повиноваться императору — прямая погибель. „Народъ — сила охранительная, и потому во всякой реформѣ, касающейся всего государства, только то дѣйствительно, что проникаетъ въ народъ. Своею инстинктивною преданностію старинѣ, обычаю, привычкѣ онъ противится всякому движенію впередъ, всякому успѣху и медленно съ упорствомъ поддается натиску врывающихся къ нему сверху нововведеній. Этими онъ, съ одной сто-

роны, предохраняетъ само общество отъ произвольныхъ уклоненій отъ нормы народной жизни, ибо никогда не приметъ ничего не свойственнаго и, стало быть, вреднаго ей, съ другой—дѣлаетъ прочными всѣ результаты историческаго развитія, которыхъ не можетъ не принять“ (1). При всей своей неразвитости, русскій народъ, всматриваясь въ слишкомъ рѣшительныя дѣйствія петровскаго правительства на новомъ пути, на ряду съ дурными привычками ревностно отстаивалъ и добрые обычаи старины, понимая, что не все же дурно изъ того, на чемъ стояла древняя Русь. Какъ знать, до чего могло бы дойти у самого Петра увлеченіе западомъ, подражаніе иностранцамъ, если бы онъ не имѣлъ въ виду консерватизма націи. Къ сожалѣнію, протестъ народа выражался большею частію во враждебномъ тонѣ, не находя себѣ открытаго сочувствія въ высшихъ сферахъ. Сравнительно образованныхъ представителей изъ среды самаго народа, въ родѣ Посошкова, насчитывались немного. Да и Посошковъ не щадилъ въ своихъ обличеніяхъ простолюдина за его неповиновеніе власти; онъ видѣлъ въ расколѣ антиправительственный и антицерковный бунтъ и больше ничего. Не диво, если въ жалобахъ массы, подавленной и оскорбленной равнодушіемъ къ ея симпатіямъ, встрѣчаются такія рѣзкія сужденія, „Когда его (Петра) Богъ на царство послалъ (сѣтовалъ крестьянинъ), такъ и свѣтлыхъ дней не стало; тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы; отдыху нашей братіи крестьянству нѣтъ“. „Мірофды! (говорилось о государѣ) весь міръ перефлы, на его кутилку переводу нѣтъ, только переводить добрыя головы“. „Онъ нѣмецъ, отъ нѣмки родился... Лъстець, и антихристь, отъ нечистя дѣвы рожденъ“ (2). Иначе разсуждать народъ не могъ; у него не было данныхъ для этого. Не помыш-

(1) Соч. Бѣлинскаго XI, 455.

(2) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1878 г., Апрель, 136.

довольныхъ, отправляя опаснѣйшихъ изъ нихъ въ застѣнокъ Преображенскаго приказа. И никто противъ этого не молвилъ громкаго слова, — всѣ были запуганы до крайности. На протестъ отваживались самые отчаянные, больше раскольники, сплотившіеся дружной массой и мало боявшіеся измѣны въ своей средѣ. Возражать нельзя было не только противъ дѣйствій правительства, но и противъ поведенія тѣхъ, кого оно облюбовало, къ кому благоволило. „Камень вѣры“, „Рожнецъ“, „Апокризисъ“, сочиненія Посошкова, гдѣ заключались жалобы на нѣмцевъ протестантовъ, при Петрѣ не печатались: они могли дурно повліять на духовенство и на народъ и еще больше возстановить ихъ противъ царской власти, покрывавшей иностранцевъ. Даже проповѣди, которыя успѣлъ произнести м. Стефанъ въ обличеніе протестантскихъ идей, усвоенныхъ рускимъ обществомъ, навлекли на него немилость и подверглись запрещенію. Говорить позволялось только за реформу и противъ враговъ ея. За уклоненіями отъ этихъ двухъ гармонировавшихъ темъ Петръ слѣдилъ очень зорко и допускалъ въ печать только возможные варіаціи на нихъ, или вещи безразличныя въ политическомъ отношеніи.

Останапливая вниманіе на количествѣ произведеній духовной литературы петровской эпохи, нельзя не удивится ихъ малочисленности. Сравнительно съ литературною производительностью прежняго времени эта эпоха представляетъ отрадное явленіе, но отъ ея жизненности и отъ ея дѣятелей можно было ожидать большаго. — Объясненіе такого факта нужно искать прежде всего, конечно, въ цензурѣ Петра. Недавно приведенныя постановленія цензурнаго закона не только уничтожали готовые сочиненія, но и отбивали охоту у грамотныхъ людей высказываться по поводу современныхъ событій, какъ ни поразительны были они, какъ ни сильно задѣвали житейскій кодексъ до петровскаго россиянина, какъ ни просились на бумагу. Ручаться за удовлетворительность своихъ сужденій о разныхъ

моментахъ реформы не могли самые образованные люди, даже стоявшіе близко къ государственному перевороту и до нѣкоторой степени посвященные въ его тайны. Опасенія и оговорки, робость въ изложеніи взглядовъ сказывается постоянно, за исключеніемъ сочиненій Ѳ. Прокоповича, счастливаго своимъ оптимистическимъ пониманіемъ дѣла и необыкновенною близостью къ государю. Также неумѣнье угадать во вновь появившемся общественномъ дѣятелѣ сторонника или врага реформы не обходилось безъ раскаянія своего рода и безъ непріятностей. Когда Ѳеофанъ поселился въ Петербургъ и объявилъ свои смѣлыя научныя убѣжденія, на него архіереи взглянули подозрительно. М. Стефанъ, старѣйшій изъ іерарховъ, долженъ былъ высказаться о новичкѣ прежде другихъ и когда высказался не въ пользу его, принужденъ былъ потомъ просить у Ѳеофана извиненія и унижаться. За содержаніемъ проповѣдей Стефана слѣдили неумолимо, послѣ того какъ онъ проговорился относительно вреднаго вліянія иностранныхъ идей на русское общество; мужественный защитникъ церковныхъ интересовъ и тутъ доведенъ былъ до нравственно-тяжелыхъ объясненій съ царемъ и сенаторами. Въ концѣ сочиненія „Знаменія пришествія антихристова“ авторъ дѣлаетъ приписку: „Сія вся богомудрому церкви святыя разсужденію вручаю; готовъ исправить, аще въ чемъ погрѣшихъ“. Вопросъ объ антихристѣ, помимо своей богословской трудности, былъ щекотливымъ вопросомъ въ петровскую эпоху, при обсужденіи его требовалась большая осторожность. „Обличеніе неправды раскольнической“ отпечатано послѣ исправленія, уже въ царствованіе Елизаветы Петровны, а раньше задерживалось. Ѳ. Лопатинскій попалъ въ немилость. Питиримъ скрѣпилъ свою книгу въ началѣ и въ концѣ именемъ богопомазаннаго царя Петра Алексѣевича. Объ уничтоженіи излишнихъ рѣзкостей въ „Камнѣ вѣры“ противъ лютеранъ вынужденъ былъ хлопотать самъ авторъ его. Посощковъ въ „Зерцалѣ“ откровенно выразившій свои

мнѣнія, и сильно возстававшій противъ нѣмцевъ протестантовъ (въ Зерцалѣ и Завѣщаніи отеческомъ) хотя и сильно желалъ, чтобы его сочиненія отпечатались, не удостоился этого и за что-то умеръ торьмъ. „Рожнецъ духовный“, при всѣхъ своихъ научныхъ достоинствахъ, также не попалъ въ печать. Между тѣмъ каждая строчка Ѳ. Прокоповича, публиковалась торопливо не только на русскомъ, но нерѣдко и на латинскомъ языкѣ. Очевидно, цензурный законъ достигъ своей цѣли заставивъ до крайности осмотрительно обращаться съ бумагой и чернилами, которые стали запрещеннымъ плодомъ. Говорить и писать въ пользу реформы, когда она не нравилась было недобросовѣстно и тяжело. Людей, игнорировавшихъ дурныя стороны и послѣдствія реформы, способныхъ видѣть только ея будущіе всеискупающіе плоды, насчитывалось немного въ средѣ духовенства; а такихъ, которые, понимая значеніе реформы во всей полнотѣ и, въ то же время, не опуская изъ вида ея вредныхъ сторонъ, уравнивали бы свои сужденія и не вдавались въ крайности похвалы и порицанія, совсѣмъ не было. Петръ служилъ прямымъ руководителемъ литературной дѣятельности. Увлеченіе хорошими сторонами его преобразованій поощрялось, порицаніе дурныхъ—наказывалось; а безъ увлеченія, безъ страсти, безъ лишняго слова, при Петрѣ ничего не говорилось и не писалось. Характерны самыя заглавія нѣкоторыхъ, разсмотрѣнныхъ нами, сочиненій. „Пращаница“, „Рожнецъ“, „Камень“,— все названія, выражающія съ перваго слова неприязнь къ литературному противнику, желаніе покончить съ нимъ однимъ ударомъ и, во всякомъ случаѣ, обойтись не совсѣмъ миролюбиво.

О г л а в л е н і е .

Стр.

I. Духовное образованіе при Петрѣ Великомъ.

- 1) Умственное и нравственное состояніе духовенства при Петрѣ В. по Посошкову 3.
- 2) Идеалы и проэскты духовной школы а) Посошкова, б) Южно-русскихъ просвѣтителей и в) Оеофана Прокоповича (по «Духовному Регламенту») 9.
- 3) Осуществленіе означенныхъ идеаловъ и проэсктовъ на практикѣ. Препятствія, встрѣченныя ревнителями духовнаго образованія при устройствѣ школъ 26.

II. Духовная литература при Петрѣ В.

- 1) Учебники и пособія, написанные для школъ по разнымъ предметамъ преподаванія въ пихъ 43.
 - 2) Сочиненія по догматическому богословію 62.
 - 3) Полемически апологетическія сочиненія духовныхъ писателей Петровской эпохи 83.
 - 4) Сочиненія противъ протестантизма. 93.
 - 5) Противораскольническая литература при Петрѣ В. 120.
 - 6) Проповѣдническая литература 146.
 - 7) Разныя нравственно назидательныя и толковательныя сочиненія 193.
 - 8) Общій взглядъ на духов. литературу Петровской эпохи 200.
-